LE

PROBLÈME DU MAL

ÉTUDE PHILOSOPHIQUE

RÉSUMÉ DU COURS FAIT A GENÈVE ET A LAUSANNE

EN 1867 ET 1868

PAR

ERNEST NAVILLE

(*Extrait du Chrétien évangélique.*)

Ne se vend pas.

LAUSANNE
IMPRIMERIE GEORGES BRIDEL
1868

ПРОБЛЕМА ЗЛА

Философское исследование

Эрнест Навиль

Член-корреспондент Института Франции (Академии моральных и политических наук), бывший профессор философии в Женевском университете.

1871 г.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА – 3

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ — ДОБРО – 4
I. Определение добра – 4
II. Определение природы добра – 10
III. Гарантия добра – 18

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ — ЗЛО
I. Зло в Природе – 21
II. Зло в человечестве – 25
III. Отрицание зла – 30

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ — ПРОБЛЕМА - 37
I. Ложные решения – 38
II. Неполное решение – 41
III. Свойства зла – 43
- Всеобщность зла – 43
- Существенность зла – 48

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ — РЕШЕНИЕ - 52
I. Предлагаемое решение – 53
II. Исторические источники решения – 54
III. Первоначальное состояние человечества – 58
IV. Происхождение нынешнего состояния человечества – 61

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ — ДОКАЗАТЕЛЬСТВО – 65

I. Природа доказательства – 65
II. Изложение доказательства – 68
III. Исследование трудностей – 79

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ — БОРЬБА ЖИЗНИ - 82
I. Начальная точка – 83
II. Стремление к добру – 85
III . Препятствие – 87
IV. План борьбы – 89

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ — ПОМОЩЬ - 94
I. Пища души – 94
II. Молитва – 97
III. Вопрос веры – 102

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Лекции, собранные в этом томе, были представлены публике Женевы, а затем — публике Лозанны под заглавием «Проблема зла. Философское исследование».
Поскольку на это приглашение откликнулось очень широкое слушательское сообщество, стало необходимым отказаться от схоластических терминов и выражений, чтобы изложить результаты научного исследования в литературной форме и в стиле, понятном для всех. В то же время было столь же важно сохранить философский характер предполагаемого исследования, честно столкнуться с трудностями, которые ставит эта проблема, и воздержаться от подмены аргументации риторикой.
Я стремился, насколько это было возможно, удовлетворить этим двойным требованиям — и самой природы предмета, и состава аудитории.
Отдельное заседание в конце курса было посвящено свободному обсуждению взглядов, изложенных на предыдущих встречах. Пересматривая стенографические записи своих лекций, я с особым вниманием отнёсся к высказанным возражениям, за которые благодарю их авторов.

ЭРНЕСТ НАВИЛЬ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

ДОБРО

Женева, 26 ноября 1867 г., Лозанна, 15 января 1868 г.

Господа, Не требуется ни большого мастерства, ни долгих слов, чтобы заставить вас почувствовать важность темы, ради изучения которой мы сейчас собрались. Проблема зла! Кто не задавался ей не раз? Одни смотрят вокруг и, рассматривая человеческое общество, жалуются — с политической точки зрения — на множество тираний и революций; с экономической — на крайности роскоши с одной стороны и нищеты с другой. История народов слишком часто — это сплетение преступлений и ткань несчастий. К потрясениям общества добавляются бедствия природы — ураганы, поглощающие корабли, землетрясения, разрушающие города, голод, истощающий население. Так, когда мы обращаем взгляд вовне, проблема зла возникает в истории и в природе. Если же мы заглянем внутрь себя — то столкнёмся с болью. Страдать, и (что многим ещё тяжелее) видеть страдания других — разве это не наша судьба?

Наконец, кто опустится в собственную совесть и станет перед лицом долга, того постоянно будет тревожить голос, который кричит:

«Тому кричать начнет там голос ежечасно:
Что с жизнью сделал ты и с волею, несчастный?»
(Альфред де-Мюссе)

И проблема зла встанет перед ним вновь — в скорби раскаяния и горечи бессилия. И это не просто вопрос разума. В присутствии зла, принимающего такие масштабы внутри нас и вокруг, совесть может начать сомневаться в добре, сердце — унывать, переставая верить в счастье, а ум — колебаться в вере в Бога. Потому и вызывает мощный отклик у поэта слова:

«О, Боже! для чего, когда же
Ты создал столь великим зло,
Что разум, добродетель даже,
Пред ним в испуге гнут чело!
Зачем твой свет святой сияет

При стольких мерзостных делах,
Что и молитва замирает
У несчастливцев на устах!»
(Альфред де-Мюссе)

Нужно ли говорить вам, господа, что, берясь за эту проблему, я не претендую снять все покровы, развеять все тайны и ответить на все вопросы? Но вот чего я желаю и надеюсь: Изучение этой печальной темы было для меня полезным.

Внимательно вглядываясь в мрачные области зла, я всё яснее видел свет добра. Это дало мне мужество встретить те великие трудности, которые ожидают нас в этом исследовании. Моя цель — поделиться с вами полезными мыслями и, по возможности, здоровыми чувствами. Я не оратор, стремящийся пленить вас красотой речи, и не ученый, который говорит с авторитетом, а простой спутник, который в тёмной долине, через которую мы пройдём вместе, думает, что сделал несколько шагов навстречу свету и хочет показать вам путь.

Сегодня мы постараемся сначала определить понятие добра, затем уточнить его природу и, наконец, выяснить, какую гарантию мы можем иметь в реальности этого понятия. Определение добра; определение природы добра; гарантия добра — таков будет порядок нашего изложения.

I. Определение Добра вернуться к содержанию >>>

Если бы не существовало света, мы бы не имели никакого представления о тьме. Мы не сможем ясно понять, что такое зло, если не будем иметь точного понятия о добре. Это слово, играющее столь важную роль в человеческой речи, употребляется в различных значениях. Эти значения, если я не ошибаюсь, можно свести к трём.

Когда человек готовится к действию, он слышит некий внутренний голос, который, обращаясь к нему с авторитетом, говорит: «Сделай это! Не делай того!» Это то, что мы называем голосом совести. То, что составляет совесть в нравственном смысле этого слова, — это непосредственное ощущение обязательства, связывающего нашу волю с действием, которое она должна совершить.

Обязательство — не желание, потому что оно часто противоречит самым страстным желаниям нашего сердца; обязательство — не принуждение, ибо оно обращено к нашей свободе; обязательство — это первичный факт, отличный от всякого другого, и именно оно составляет для нас долг, то есть повеление, которое мы признаём законным. Мы свободны, но мы не господа своей свободы: «Нам не следует, подобно добровольным солдатам, возгордиться и поставить себя выше идеи долга, претендуя действовать по собственной воле, без всякого приказа. Долг, обязательство — вот единственные слова, подходящие для выражения нашего отношения к нравственному закону».

Так выражается философ Кант. Он говорит: «наше отношение к закону», — и говорит верно. Совесть, в самом деле, повелевает нам от имени закона, универсального закона, который при одинаковых обстоятельствах предписывает всем одни и те же обязанности. Существует закон, предлагающий свободной воле долг, и мы говорим, что воля хороша, когда долг исполнен.

Я знаю, что долг и закон были подвергнуты отрицанию. Утверждается — в книгах некоторых философов и в речах некоторых светских людей — что слова «долг», «добродетель», «нравственный закон» являются обманчивыми выражениями, скрывающими не что иное, как

стремление к личной выгоде или стремление к славе. Мы не будем здесь углубляться в общее обсуждение этого учения; ограничимся одним замечанием: идея добра одна только придаёт жизни достоинство. Те, кто отрицает нравственный закон и долг, не имеют другого выхода, как либо противоречить себе, будучи лучше, чем их учение (что они часто и делают), либо заключить себя, как в саван, в презрение к себе и со стороны других.

Делать добро — значит исполнять долг. Добро, в первом смысле этого слова, — это закон нашей воли. Мы используем слово «добро» во втором смысле, когда говорим о благах жизни: здоровье, достаток, наслаждение, слава, власть. Чего мы ищем в достатке, во власти, во славе? Увы, чего мы ищем в удовлетворении зависти, в удовольствии мести? Всегда одного и того же. Во всех предметах наших страстей — как дурных, так и благих — мы ищем только одного: радости. Всё, чего мы желаем, мы желаем как средства к наслаждению. И если скупец жертвует всеми удовольствиями ради обладания золотом, то потому, что обладание золотом для него — удовольствие, превосходящее все другие, и ни по какой иной причине.

Радость — это пища души; лишённая этой пищи, душа чахнет; и наше сердце столь изобретательно в её поиске, что оно умеет находить её даже в страдании, так что поэты вправе говорить — и не быть опровергнутыми — о сладостях меланхолии и чарах печали. Желание счастья в нас столь же первично и неистребимо, как и чувство долга. Легче остановить течение реки, чем помешать человеку искать счастья.

Здесь мы снова встречаем философию, которая встаёт поперёк пути истины, — ложную мудрость, заблуждение, на которое следует указать. Истинная мудрость учит нас, что существуют ложные формы счастья, от которых следует отказаться, чтобы найти истинное, ибо истинное счастье — то, для которого создана наша природа — возможно лишь в жизни, устроенной по долгу. Истинная мудрость также учит нас, что душа, призванная пожертвовать ради долга всеми внешними наслаждениями, может найти в самом исполнении долга радость, превосходящую всякую иную. Жизненный опыт подтверждает эти уроки мудрости: насытившись и испытав отвращение от дурных удовольствий, человек по самой природе вещей возвращается к чистым радостям, к которым он предназначен. Таков общий итог размышлений и опыта.

Но было высказано иное утверждение: что можно вырвать из души желание счастья и привести нас к состоянию полного бескорыстия. Так думали некоторые древние, некоторые мистики всех времён, а также некоторые современные моралисты. Эта мысль лежит в основе знаменитой доктрины Будды, которая ставит своей целью довести человека до всеобщего отказа от всякого желания. Однако, господа, если вы внимательно прочитаете изложения этой теории, вы заметите, что её защитники неизменно говорят так: «На пути, который мы указываем, вы обретёте покой, вы найдёте мир». Другими словами, они говорят нам: «Откажитесь от счастья — и вы будете счастливы!» Так природа торжествует в ярком противоречии, которое она навязывает тем, кто ей противоречит. Душа ищет радость как своё благо — и, во втором смысле слова, Добро есть радость.

Существует и третий смысл. Мы употребляем его, когда применяем идею добра там, где нет ни воли, ни сердца и, следовательно, не может быть ни радости, ни долга. В этом третьем, самом общем смысле, мы называем хорошей ту вещь, которая соответствует своему назначению. Лампа хороша, когда она хорошо освещает, потому что она создана для освещения; пила хороша, когда легко и быстро распиливает кусок дерева, потому что она предназначена для распиливания. Когда вещи соответствуют своему назначению — реализуется порядок. В третьем смысле, Добро есть порядок.

Итак, существует три вида Добра:

– долг, который есть Добро совести;
– радость, которая есть Добро сердца;
– порядок, который есть Добро разума.

Вот три значения одного слова; но не удастся ли нам найти и единое определение для этого одного слова? Вот общее определение Добра, которое я вам предлагаю: Добро — это то, что должно быть; следовательно, зло — это то, чего не должно быть.

Обдумайте эти два определения, ибо в них заключено и ими резюмируется всё моё учение. С практической точки зрения, мы должны делать добро и избегать зла — вы все это знаете, и мне нечего вам тут прибавить. Что касается теории, то я не стану следовать никакому другому правилу, кроме следующего: отвергать всякое учение, которое бы отрицало, что добро должно быть, или утверждало бы, что зло должно быть; и остановиться на том учении, которое позволит сохранить наши два основополагающих определения.

Поскольку значение этих определений столь велико в изучении, которое мы начинаем, важно чётко установить их смысл и охват. Чтобы судить о том, что должно быть, необходимо в разуме иметь план — порядок, который указывает назначение вещей и позволяет сказать, соответствуют ли вещи этому плану или нет. Предположим, что вам полностью неизвестно назначение какого-либо предмета; вы не сможете сказать, хорош он или плох. Вот, например, некая машина: хороша ли она? Вы не сможете ответить, пока не узнаете, для чего она предназначена. Это швейная машина? Или молотилка для зерна? Пока вы этого не узнаете, вы не сможете сказать, хороша она или нет, ибо, не зная её назначения, вы не можете определить, соответствует ли она ему или нет.

Если добро — это всегда то, что должно быть, в вышеуказанном смысле, тогда добро разума и является для нас общим определением добра. Да, господа, но «должно быть» разума не существовало бы в нашей мысли, если бы мы не черпали из нашей совести первоначальную и единственную в своём роде идею морального обязательства. Мы переходим от закона нашей воли к идее общего закона вещей; от идеи того, что мы должны делать — к идее того, что должно быть.

Если бы мы предположили существо, способное мыслить и чувствовать, но не обладающее моральной совестью, мы могли бы представить, что оно способно иметь представления о приятном, полезном, прекрасном, — но не идею добра в том виде, в каком обладаем ею мы. В нашем самом общем представлении о добре всегда содержится мысль об обязательстве для воли; каждый раз, когда мы утверждаем, что что-то есть зло, наше суждение включает в себя мысль о вине какой-либо воли.

Что вводит в заблуждение некоторых философов и позволяет им устанавливать полное разделение между нравственным добром и иным добром, — так это то, что мы применяем идею добра к существам, лишённым воли, которые, следовательно, не могут быть субъектами обязательства. Но эти существа вполне могут быть объектами обязательства для воль. В категории «должно быть» разума всегда присутствует элемент совести, элемент нравственный, ибо без совести слово «должно» не имело бы смысла. Таким образом, идея добра соединяет в себе разум, который постигает план, и совесть, которая придаёт этому плану значение обязательства. Когда разум постигает добро, он становится своего рода органом абсолютной совести и выносит суждение «должно быть», которое распространяется на всю вселенную.

Можно, я думаю, подтвердить эти утверждения с помощью общего и подробного обзора всех случаев, когда мы употребляем слово и понятие «Добро». Такое исследование было

бы долгим и, вероятно, показалось бы вам слишком тонким. Поэтому я ограничусь тем, что, оставаясь в рамках общих понятий, сведу к долгу совести и радость, которая является добром сердца, и порядок, который есть добро разума.

Начнём с радости.
Мы действительно ощущаем, в какой-то мере, то, что называется «удовлетворением совести», — радость, сопровождающую исполненный долг. Но я сейчас говорю не о факте, а о праве. Там, где исполняется весь долг, мы утверждаем, что счастье должно следовать за этим, и эта связь между счастьем и долгом мыслится разумом как один из элементов всеобщего порядка. Платон изобразил вымышленного праведника, достойного всех наград добродетели, но покрытого всеми бесчестьями порока. Поставьте себя перед лицом такого праведника. Неужели вы не почувствуете сразу, что мир, в котором страдает такой праведник, — это дурной мир?

Если кто-то страдает, то обязательно должна быть воля в беспорядке: страдание либо есть следствие его собственной вины, либо — вины других. Иначе мы сказали бы, что существует несправедливость, и что сама природа вещей — плоха. Но «природа вещей» — это только слово, выражающее факты и не объясняющее ничего. И вот, перед лицом состояния, где всё предписанное долгом выполнено, а всё же остаётся страдание, наша душа, ощущая несправедливость, почувствовала бы себя лучше, чем принцип мироздания; она восстала бы против Творца вещей и в отчаянии воскликнула бы: «Ты обманул меня!» Мир, в котором царит моральный порядок и в то же время присутствует страдание, был бы возражением против Провидения. Следовательно, радость должна следовать за исполнением долга, она является частью нашего назначения, она должна быть, она входит в наше определение добра.

На первый взгляд кажется парадоксом искать в радости нравственное обязательство и пытаться свести воедино совесть и сердце. С эпохи душевных мук Сида у Корнеля, разрывающегося между честью и любовью, до сомнений студента, колеблющегося утром между своим преподавателем, который его ждёт, и чарами постели, которая его удерживает, — разве не состоит вся наша жизнь из борьбы этих двух элементов, согласие между которыми я утверждаю?

Безусловно, существуют дурные радости; конечно, закон сердца — не есть закон воли. И если мы скажем, что радость обязательна, то она не всегда будет обязательна для нас самих, и мы никогда не будем обязаны искать всякую радость.
«Делай, что должен, и будь что будет» — вот единственная формула совести. Но из того, что существуют дурные радости, и что радость не является законом нашей воли, ещё не следует, что она совсем ни в каком смысле не является обязательной, ни для какой воли. Мы легко видим, что радость одного может быть долгом другого. Разве счастье отца не является долгом сына? А счастье жены — долгом мужа?

Но есть нечто большее. Опровергнете ли вы меня, если я скажу, что, когда закон воли исполнен, должен исполниться и закон сердца, и что счастье должно последовать за исполнением долга, так что радость, не будучи целью воли, должна быть результатом доброй воли? Теперь сведём к тому же смыслу и добро разума. Там, где мы видим порядок, мы одобряем, восхищаемся, поклоняемся. Мы восхваляем мастера за хорошо выполненное дело, и перед лицом природы, если наша душа не парализована, мы восхищаемся Архитектором миров, величайшим Художником.

Везде, напротив, где мы видим беспорядок, мы инстинктивно ищем ответственную волю. Если обывателю не понравился его суп — он жалуется на хозяйку. Когда воды Женевского озера слишком сильно поднимались и затопляли берега Во, наши конфедераты обвиняли

власти Женевы, перекрывшие русло Роны на выходе из озера; а когда Рона затапливала улицы Лиона, наши французские соседи — и не без основания — обвиняли в неосмотрительности жителей Вале, вырубивших свои горы. Везде, где мы видим зло, мы ищем волю, ответственную за него — и этот инстинкт не обманывает нас. Ошибка в другом: чаще всего мы обвиняем других, тогда как должны винить лишь самих себя — либо за свои собственные грехи, либо за самонадеянность наших суждений, что тоже есть ошибка.

Но если речь идёт о беспорядке в области, где ни наша воля, ни чья-либо другая ничего не могут изменить — что происходит тогда? Мы восстаём против Провидения. И вот, господа, к чему меня привело это наблюдение: именно в ответ на возражение против существования Бога я решил рассмотреть проблему зла. Если зло — это возражение против существования Бога, то только потому, что мы предполагаем, будто добро должно быть, и что оно было бы, если бы существовала сила, способная реализовать порядок, который мы признаём справедливым. Это возражение невозможно понять иначе.

Выразим всю мысль человека: там, где мы видим зло вне пределов человеческой власти, мы склонны считать, что это — Бог, не исполнивший свой долг. Эта формула может удивить вас или даже возмутить. Поспешим же объяснить её.

Существа, выведенные из небытия, как мы, не имеют никакого права по отношению к Всемогущему, и поскольку Бог — первоначальное и абсолютное Существо, не может быть долга по отношению к «ничто».

> «Если бы Бог, даровавший нам вечную силу,
> Ограничил бы существование всего двумя днями,
> Мы были бы обязаны ему — и эти два дня
> Следовало бы потратить на то, чтобы ему угодить и его любить».

Эти строки написал не какой-нибудь благочестивый автор — они принадлежат Вольтеру.

С другой стороны, как справедливо заметил Жан-Жак Руссо, Бог как бы связал Себя самого — если такие выражения допустимы — тем, как Он устроил нашу душу. То, что Он Сам научил нас считать добром, — обязывает Его собственную волю, или, как говорят, Его собственную славу. Именно в этом смысле пели евреи: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу» (Пс. 113:9 [115:1]).

Так мы и понимаем, что для Абсолютного Существа существует не долг, связывающий Его с внешним законом (что противоречит Его природе), а обязательство, происходящее от Него Самого, автором которого Он является.

Резюмируем, господа, эти размышления. Существует добро для совести, добро для сердца, добро для разума; но все три сводятся к одному:

- Добро — это всегда то, что должно быть, и оно всегда содержит обязательство — для нас, для других, или для Верховной Воли, в указанном нами смысле.
- Добро — не существо, не вещь, не сущность; это порядок, определяющий отношения между существами, — отношения, которые должны быть осуществлены волями.

Теперь вы поймёте одно из самых возвышенных понятий древней мудрости — сравнение, в котором Платон представляет добро как солнце разумов. Вы знаете роль солнца в природе. Когда Мельхталь, в «Вильгельме Телле» Шиллера, узнаёт, что жестокий тиран выколол глаза его старому отцу, он восклицает:

«О, благородный и добрый дар, благословение природы,
Драгоценный свет! — счастливое создание
Живёт лишь благодаря тебе одному;
И к дневному светилу
Тянется с любовью каждое растение наших полей;
Всё в мире ищет тебя, восхищается тобой и благословляет тебя».

Солнце природы заключает в своих лучах нераздельно и тепло, и свет, — и именно поэтому растение тянется к нему. Добро — солнце духов — содержит в своих лучах нераздельно долг и счастье, — и именно поэтому наши души обращаются к нему. Да, наша душа, всякий раз, когда она не отклоняется от своего естественного направления, устремляется к добру, и мы любим его. Это, возможно, вас удивит. По нашим поступкам этого едва ли можно догадаться, и слишком часто мы и сами едва ли замечаем это, заглядывая в своё собственное сердце. Конечно, мы не часто любим добро той действенной и мужественной любовью, которая рождает поступки. Вот в чём именно состоит наше положение.

Мы боимся добра в его обличье долга — потому что оно повелевает нам и обличает нас. Но само по себе мы любим его, потому что оно есть высшая красота, и всякий раз, когда мы лично не затронуты, это естественное чувство проявляется. О, если бы можно было быть добрым без усилия и без жертвы, добродетель вызывала бы невероятную любовь! Это хорошо видно в тех случаях, когда мы бескорыстны и оцениваем добро в других. Цицерон рассказывает, что однажды один афинский старик пришёл на представление, и ни один из его сограждан, несмотря на огромную толпу, не уступил ему места. Но когда он подошёл к послам Спарты, у которых было своё место, все они встали и приняли его среди себя. Вся толпа разразилась аплодисментами, и кто-то сказал: «Афиняне знают, что такое добро, но не хотят его делать».

Сколько таких афинян вне Афин! Посмотрите, что происходит в наших театрах. Покажите на сцене девушку, подвергшуюся самым страшным искушениям жизни. Вот она — среди соблазнов богатства, среди самой изощрённой лести, среди дьявольских козней; с одной стороны — порок и богатство, с другой — совесть и нищета. Пусть она останется чистой и стойкой, пусть пройдёт сквозь развращённость, не запятнав себя, и пусть в нищете сохранит свою совесть. Если гений искусства коснулся вашего чела, вы добьётесь аплодисментов и, возможно, доведёте до слёз даже закоренелых распутников.

Это объясняет нам один из секретов Провидения в управлении миром. Как объяснить, что моральный закон сохраняется? Ещё много веков назад поэт Софокл прославлял на сцене Афин тот возвышенный закон, который никакое забвение не может упразднить. Он и теперь всегда с нами, этот закон! Время свергло множество престолов и республик, отменило множество хартий и конституций — а моральный закон по-прежнему существует. И в то же время нет, пожалуй, ни одного человеческого закона, который бы столь часто нарушали, отрицали, оспаривали. И всё же он всё ещё рядом, со своими двумя спутниками: угрызением совести, которое карает совершённое преступление, и скукой, этим мстителем за пренебрежение добром, который наказывает разрушенные жизни.

Как это объяснить? Вот как: Конечно, люди пытаются установить ложные правила, чтобы оправдать дурное поведение — и часто слишком успешно. Однако, закон морали отрицают гораздо меньше, чем пытаются для себя найти исключения, которые бы позволили его нарушить. Добро и закон — желанны, одобряемы, любимы… но у других.

Возьмём, к примеру, государственного деятеля, который замышляет обмануть своих коллег и воплотить в жизнь изречение: «Речь дана человеку, чтобы скрывать свои мысли». Думаете ли вы, что даже в политике он захочет установить всеобщую легитимность лжи?

Подождите, пока один из его подчинённых не подаст ему ложный политический доклад — и вы увидите, с каким рвением он отстаивает закон, повелевающий говорить правду. Или банкир, разбогатевший преступными махинациями на разорении клиентов, готовящий чужую гибель и своё собственное бесчестие — думаете, он возведёт в универсальный закон моральную допустимость кражи? Подождите, пока один из его клерков вытащит несколько монет из кассы, — и вы увидите, как отлично он помнит соответствующий параграф катехизиса о святости собственности. У него нет сомнений: его служащий — вор. Но для самого себя — особый случай, исключение.

Так мы и поступаем: не столько оспариваем ценность закона, сколько ищем предлогов, чтобы уклониться от его исполнения. Мы провозглашаем закон, применяем его к другим, сохраняем его в мире — и в то же время отводим себе поблажки. Все те софизмы, которыми мы при этом пользуемся, — это не что иное, как дань, которую порок платит добродетели. Мы созданы для добра. Добро есть порядок, который должен быть. — таково его определение. Это определение объединяет разум и совесть. И поскольку добро обращается к нашему сердцу своей собственной притягательностью, мы вправе сказать, что все силы нашей души, если они не отклонены от своего истинного пути, обращены к добру. Теперь нам необходимо точнее определить его природу, задав вопрос: Каков этот порядок, который должен быть?

II. Определение природы Добра

вернуться к содержанию >>>

Моральный закон регулирует законные отношения в духовном обществе. Можно ли свести различные предписания морального закона к одному-единственному предписанию, которое бы включало их все? Я так думаю и предлагаю вам принять идею, что долг, вмещающий в себя все долги, — это посвящение каждого члена духовного общества всеобщему благу этого общества, то есть счастью в порядке.

Все обязанности можно свести к трём категориям:

1) Обязанности достоинства, которые запрещают нам опускаться до уровня животных, подчиняя душу телу, и унижать слово, орган мысли, ложью;
2) Обязанности справедливости, которые предписывают нам признавать в наших ближних достоинство и права нашей собственной природы и повелевают уважать личность, собственность и репутацию другого;
3) Обязанности благотворительности, которые велят нам облегчать страдания ближних в нуждах их телесной и духовной жизни.

Такова классификация обязанностей, которая представляется мне наилучшей, после достаточно продолжительного изучения этого вопроса. Формула, которую я вам предлагаю, охватывает эти три категории обязанностей. Действительно, чтобы было реализовано благо духовного общества, необходимо:

1) - чтобы каждый его член стал духом, освободившись от чисто животной жизни (достоинство);
2) - чтобы уважение к каждому члену сообщества сделало его по-настоящему духовным обществом, то есть свободным (справедливость);
3) - и, наконец, чтобы всякая воля была направлена на осуществление общего блага (благотворительность).

Представьте себе общество духов, находящихся в росте, в постоянном прогрессе жизни, где на корне справедливости всё больше расцветает взаимная любовь: разве не будет такое общество благим? Какое же название мы дадим этому посвящению каждого общему благу, этой высшей добродетели, включающей в себя все другие? Основатель позитивизма Огюст Конт задался этим вопросом и решил его следующим образом. Он дал этой главной

добродетели, в которой современная совесть всё больше склонна видеть общую формулу нравственного добра, название «Альтруизм». Моральный прогресс, по мнению главы позитивистов, состоит в том, что эгоизм всё больше уступает место альтруизму, то есть заботе о благе другого.

Между тем слово «милосердие» (charité), которое в обыденном языке слишком часто утратило своё первоначальное значение, став синонимом милостыни, на самом деле обозначает — не только в языке Евангелия, но уже и у Цицерона — истинную любовь, искреннее посвящение каждого благу других. У этого слова — сила привычки, и «альтруизм» не столь изящное новшество, чтобы склонить нас к его принятию. Останемся, таким образом, при древнем языке и скажем, что закон милосердия — это общее выражение тех отношений, которые должны соединять членов духовного общества. Этот закон диктует долг. Так мы определили моральное добро в особом смысле этого слова.

Теперь зададимся вопросом: каково место природы в порядке Добра, и каковы её отношения с человечеством?

Тело должно быть орудием духа; внешняя природа должна быть условием жизни тела, которое само является условием нынешнего проявления духа. Кроме того, внешняя природа должна возбуждать силы мышления, порождающие науку; труд промышленности, раскрывающий умственные силы человечества, обращённые к материи; и инстинкт искусства, который, исходя из красот природы, устремляется во всех направлениях в поисках идеала. Природа, подчинённая духам, духи, подчинённые закону милосердия — будет ли это хорошо?

Я спрашиваю вас, господа: я пришёл не для того, чтобы учить вас новым вещам, а скорее для того, чтобы напомнить вам то, что вы уже знаете, — возможно, чтобы помочь вам сдуть пыль, которая оседает в глубине наших душ, дабы вы могли прочесть знаки, там написанные. Я спрашиваю вас: видите ли вы — не на практике, а в образе, который рисуют вам совесть и разум, — видите ли вы образ добра, который я вам представил? Принимаете ли вы как достоверную истину, навязывающуюся вашему мышлению, что в порядке, в законном и благом устройстве мира тела предназначены для духов, а духи — для милосердия?

Является ли это произвольным, индивидуальным, национальным представлением? Это я? Один из вас? Поль, Жан или Альфред? Это француз, русский, немец представляет Добро так, как мы его только что определили — или это человек как таковой, человек, существующий в каждом из нас, под всеми индивидуальными и национальными различиями? Не различаете ли вы всё ещё глубокий голос человеческой природы сквозь поверхностный шум?

Здесь мы сталкиваемся с учением, столь же древним, как и письменность, и которое сегодня довольно комично пытается омолодиться, выступая под титулом «современной науки». Нам говорят: не существует добра самого по себе, реального и абсолютного добра; существуют только нравы, а нравы — изменчивы; но сверх этих нравов и их истории нет никакого нравственного закона, никакой морали. Указывают, что многие вещи, считающиеся дурными в Европе, считаются хорошими в Азии. Отмечают, что у индейцев молодой человек заслуживает одобрение отца и улыбку матери, если он приносит скальп сражённого врага — поступок, который европейские родители бы не одобрили.

Из целого ряда подобных фактов делают вывод, что совесть — это мягкий воск, который поддаётся любой формовке. Послушаем по этому поводу мысль Монтеня, изложенную пером Паскаля: «Почти не существует ничего справедливого или несправедливого, что не

менялось бы в зависимости от климата. Три градуса в положении полюса — и вся юриспруденция перевёрнута. Один меридиан решает, что истина. Забавная справедливость, которую определяет река! Истина по эту сторону Пиренеев — заблуждение по ту. Таков абсурд, таково капризное многообразие человеческих мнений, что нет ни одного закона, который был бы универсален. Кража, инцест, убийство детей и родителей — всё это имело своё место среди добродетельных поступков». (Pensées de Pascal, éd. Faugère, II, 126–127.)

Основываясь на таких рассуждениях, нас спрашивают, с какого права мы думаем, что обладаем, в отличие от других цивилизаций, моральной истиной, и заявляют, что добро, будучи всего лишь относительным, изменчивым, локальным и временным понятием, не может быть определено в общем виде. Это серьёзные утверждения. И если бы они были признаны, они подорвали бы саму основу всей нашей работы. Давайте рассмотрим их кратко, но серьёзно, памятуя, что мы здесь не для словесной пикировки, а для добросовестного обсуждения.

Первая мысль. Хотя колебания совести реальны, они вовсе не столь велики, как это может показаться при поверхностном рассмотрении. В нравственном порядке всюду существуют два весьма различных потока. Один из них образуется нравами, учреждениями и изречениями, цель которых — оправдать эти самые нравы и учреждения. Это — мораль мира, и она чрезвычайно изменчива. Но причина этих изменений легко объяснима: давление, оказываемое учреждениями и интересами на совесть, совершенно очевидно. Мы наблюдаем аналогичный факт ежедневно в трудах политических писателей, у которых, кажется, припасён целый арсенал различных доктрин для объяснения и оправдания тех или иных событий, свидетелями или даже участниками которых они являются.

Но наряду с этим колеблющимся и пёстрым потоком существует и другой, образуемый непосредственным и простым проявлением внутреннего чувства — это мораль совести. Этот второй поток изменяется куда меньше, и даже изменяясь, он развивается в одном и том же направлении. Часто ошибочно приписывают совести те изменения, которые на самом деле свойственны лишь морали мира. Учреждения и нравы не всегда точно выражают нравственные представления народа. Наше законодательство о внебрачных детях не означает, что брак не считается у нас нормой, и наличие приютов для подкидышей вовсе не доказывает, что долг воспитывать своих детей не является частью нашей морали.

Мы же часто судим о слабо-цивилизованных народах, не имеющих письменной литературы, по их обычаям и учреждениям. А ведь даже среди таких народов, возможно, имеются носители совести, чьи протесты против безнравственных обычаев нам просто неизвестны. Там же, где существует письменная традиция, легко заметить, что мораль совести изменяется в гораздо более узких пределах, чем это принято думать. Древние книги Индии, Персии, Китая содержат очень чистые лучи истины, очень высокие представления о добре. Чтобы привести лишь один пример, древнеиндийская поэма «Рамаяна» содержит среди фантастических вымыслов образы подлинной добродетели. Её героиня Сита — женщина исключительной чистоты, а автор не раз обращает хвалу тем персонажам, которых он хочет представить достойными похвалы, говоря, что «они находят свою радость в радости всех существ».

Таким образом, под изменчивыми нравами, учреждениями и изречениями, оправдывающими их, в человечестве обнаруживается прочный нравственный фундамент, выражающий с большей устойчивостью понятие долга. Прогресс размышления позволяет всё более ясно выявлять эти первоосновы морали, и эта работа совершалась повсюду, где продвигалась цивилизация. Христианская мораль одна, по моему убеждению, пролила яркий свет на фундаментальный закон нравственного порядка и, рассеяв тьму, дала

возможность совести полностью удовлетвориться. Но у мудрецов Греции и Рима, как и у мудрецов Востока, мы находим ослабленные и рассеянные, но реальные лучи того света, который сегодня нас озаряет. Абсолютная изменчивость морали — это первое впечатление, которое производит поверхностное изучение фактов. Это впечатление исчезает при более серьёзном исследовании.

Вторая мысль. Совесть признаёт истину, когда та ей открывается, принимает её, и, за исключением тех случаев, которые всегда возможны в нравственной сфере — поскольку это сфера свободы, — она уже не отступает от неё. Когда человек, увлечённый страстями, удаляется от добра, которое он узнал, чаще всего совесть продолжает напоминать ему о правилах, которые он нарушает своим поведением. Необходимость заглушения — вот что характеризует виновную жизнь: человек бежит от самого себя, чтобы избежать света, который поднимается из глубины души, как только та успокаивается, и слишком ярко освещает тьму жизни вне нравственного порядка.

История утверждает ту же истину с не меньшей ясностью. Когда утверждают, будто у каждого народа своя мораль, как и своя религия, и что мы не имеем никакого права считать себя носителями истины в большей степени, чем индусы, китайцы или гренландцы, — забывают, что различные цивилизации вовсе не являются равными факторами в развитии человечества. Что происходит, когда две цивилизации встречаются и, в конце концов, сливаются в одну новую? В сфере нравов иногда более развращённый народ развращает другой. Но в сфере идей — самый просвещённый народ приводит другой к своему свету.

Не углубляясь в исторические аналоги, посмотрите просто на то, что происходит у нас на глазах. Цивилизация Европы, или, говоря точным именем, христианская цивилизация, явно завоёвывает мир. Её торжество — лишь вопрос времени; в этом никто не сомневается. Она распространяется, она наступает, и ей не нужно защищаться. Мы стремимся уничтожить безнравственные и жестокие обычаи Азии и Африки, но Индия не пытается насадить у нас кастовую систему или человеческие жертвоприношения; и чёрные жители экватора не присылают к нам миссионеров, чтобы обратить народы Франции и Англии к дикости своих нравов.

Принципы достоинства, справедливости и доброжелательности, составляющие основу нашей морали, — это единственные принципы, в которых совесть узнаёт свою подлинную природу. Нам возражают, что это всего лишь наше мнение, и что противоположные мнения имеют для тех, кто их придерживается, такую же ценность. Но мы вносим в спор весомый и бесспорный факт: наши принципы распространяются по всей земле; азиаты и африканцы могут это констатировать так же, как и мы. Будущее мира принадлежит нашим нравственным идеям; даже наши собственные скептики в этом не сомневаются.
Хотите в этом убедиться? Послушайте, что они говорят и пишут, когда не стремятся защищать свою теорию, а выражают свои настоящие мысли. История человечества и наблюдение за его нынешним состоянием не позволяют признать, будто совесть одинаково поддаётся любым теориям о нравах. Та нравственная доктрина, которая имеет силу разрушать другие и постепенно овладевать человеческим родом, — это явно та доктрина, которая создана для человека, и от которой человек уже не отказывается, однажды её приняв. Этот факт сам собой проливает на нас свет.

Третье размышление. Когда человек поднимается на одну ступень выше на лестнице нравственных понятий, он понимает, как в низших сферах формируется представление о ложных добродетелях; но обратное невозможно: ум, застрявший в представлении о ложной добродетели, не способен понять и совершенно не признаёт природу мотивов подлинной добродетели.

Человек, который, подобно Замору у Вольтера, считает месть добродетелью, видит в поведении прощающего лишь слабость и трусость. Но когда Октавиан Август прощает Цинну, задумавшего убить его, несмотря на полученные от него благодеяния; когда после мучительной борьбы он побеждает себя и восклицает: «И я думал, что в этой ужасной жизни я удовлетворю две добродетели моего сердца: месть и любовь..». и затем: «Я господин самого себя, как и вселенной. Я им был, я хочу им быть. О века! о память! Сохраните навеки мою последнюю победу. Сегодня я победил самый справедливый гнев, чей след может дойти до вас. Будем друзьями, Цинна, я сам тебя к этому зову». — в этот момент Август прекрасно понимает ложную добродетель мести, от которой он с трудом освободился, и ясно различает заблуждение страстного и жестокого человека, который видит в прощении не что иное, как слабость.

Надеюсь, господа, с помощью этих трёх размышлений я смог предохранить вас от морального скептицизма, наиболее опасной формы духа сомнения. Мы, без сомнения, ещё очень далеки от обладания нравственной истиной во всей полноте её проявлений и приложений, ибо далеки от того, чтобы воспользоваться в полной мере тем светом, который уже имеем. Но христианская мораль, которая является нашей, завоёвывает человечество, и она позволяет нам понять все низшие ступени нравственного порядка, постичь природу и происхождение ложных правил, порождённых страстями, которые понятны нам, потому что мы носим их в самих себе.

Совесть — это не мягкий воск, принимающий любые формы. Вот другое сравнение, которое кажется мне более верным. Все те из вас, кто поднимался в наши Альпы, наверняка замечали некоторые деревья, растущие с трудом среди осыпающихся камней. Этот бедный, сухой, негостеприимный грунт обвивает их корни, снег и лавины истязают их стволы, холод и бури стесняют рост их ветвей, зубы коз довершили их искривление. Эти бедные деревья действительно поддаются такому искривлению — потому что они живы. Но в них заключено начало иной мощи, иного расцвета. Чтобы стать великолепными кленами, они нуждались в солнечном тепле и плодородной почве. Но именно не солнце и не почва определяют их форму, а то, что, найдя пригодную для себя пищу, влагу и тепло, они могут реализовать свою природу.

Такова и человеческая совесть. Она предрасположена к познанию подлинной морали, но не обладает способностью породить её сама. Заблуждение, страсти и интересы искажают её. Дайте ей почву разума, небесную воду и солнце истины — и вы увидите, как она расцветёт в своей естественной форме. Пока вы не примете этой мысли, вы не сможете понять историю человечества. Вы не сможете объяснить факты, пока не признаете, что воля подчинена закону, что она ищет его, и что совесть не может удовлетвориться ничем, кроме определённого представления о добре.

Существуют добро и зло, и в изменении наших взглядов и нравов мы либо приближаемся, либо удаляемся от некой устойчивой нормы. Я надеюсь, вы сейчас признаете, что, несмотря на сомнения, которые могли затронуть внешние слои вашего сознания, в глубине души вы никогда не думали иначе — и не сможете думать иначе.

Обратите внимание: если бы в области морали существовали только простые вариации, то слова “лучше” и “хуже”, которые предполагают приближение или отдаление от добра, не имели бы смысла. Некоторые современные мыслители захотели заменить понятие добра понятием прогресса. Это, без сомнения, одна из самых поразительных небрежностей мысли. Ведь прогресс — это лишь движение к добру, и нельзя утверждать, что существует прогресс, не обладая, пусть смутным, но всё же реальным представлением о добре. Без этого в нашей мысли не существовало бы ни прогресса, ни упадка, а только чисто количественные и нейтральные вариации.

Попробуйте думать так. Попробуйте подумать, что человек великодушный и самоотверженный ничем не лучше эгоиста, который бесстыдно приносит в жертву интересы других своим прихотям — только другой. Попробуйте подумать, что нравственное состояние самых деградировавших дикарей, переходящих от убийства к разврату и обратно, не хуже, чем состояние самых честных народов Европы — а лишь иное. Попробуйте думать так — и вы не сможете. Вы, может быть, сможете сказать это, но как только вы серьёзно задумаетесь и прислушаетесь к своей подлинной мысли, если вы продолжите так говорить, то следовало бы применить к вам замечание еврейского философа Спинозы: «чтобы исцелить вас от сомнения, которое сохраняется только в ваших словах, нужен не довод, а лекарство от упрямства». (Reforme de l'entendement, стр. 303, изд. Сессэ (Saisset))

В изменении нравов и идей есть прогресс и упадок — никто серьёзно не будет это оспаривать. Некоторые перемены признаны всеобщим сознанием как истинный прогресс, то есть движение к добру; и нам важно уметь распознать их. Использование пара и электричества, подчиняющих силы природы нашей воле, — прогресс, которым гордится наш век. Не уподобляйтесь тем неразумным спиритуалистам, которые с презрением говорят, будто это — всего лишь прогресс в области материи. Что мы видим, наоборот, в этой сфере? Мы видим — и это великое зрелище — как человеческий дух всё более овладевает силами природы, подчиняет их себе, вступает в дерзновенную борьбу, в которой ему удаётся — пусть отчасти — покорить материю, преодолеть пространство и победить время. Вот истинный и благородный прогресс!

Но если эти достижения над внешней природой мы используем только ради удовлетворения тела, ради плотских удовольствий; если телеграф и железнодорожные вагоны служат лишь для того, чтобы перевозить праздных лентяев, использующих электричество, чтобы заказать тёплую комнату и хороший обед в отеле, куда паровоз их быстро доставит, — кто бы колебался сказать, что это уже не прогресс, а упадок? Вы не станете спорить с этими двумя утверждениями: дух возвышается, когда господствует над природой, и унижается, когда становится её рабом.

А теперь перейдём к общественному порядку. Когда мы видим, как справедливость всё больше утверждается в институтах, как бедный и богатый принимаются с одинаковым уважением в храме закона; когда мы видим развитие доброжелательности в нравах, как социальные классы сближаются друг с другом, чтобы облегчить беды, неотделимые от нашего земного странствования, вместо того чтобы сражаться и раздирать друг друга, — мы говорим, что это прогресс. И вы так думаете, и не можете думать иначе.

Можете ли вы допустить, что варварство — не отступление от цивилизации? Нет, вы не можете. Следовательно, существуют подлинные и неоспоримые формы прогресса. А ведь прогресс — это не что иное, как движение к добру. Признавая те проявления прогресса, которые мы только что рассмотрели, мы тем самым утверждаем, что хорошо, когда природа подчинена духу, а дух — закону любви. Так оправдана наша формула: добро нам известно. Природа, покорённая духу, и дух, подчинённый закону любви, — вот законный порядок вселенной, явленный разуму и признанный обязательным совестью.

Мы можем теперь, независимо от наших индивидуальных и национальных вкусов, сколь бы переменчивыми они ни были, построить в общих чертах здание добра, каким его понимает человек. Постройте его. Представьте себе хорошее общество. Устраните из него несправедливость, войну, проституцию — все позорные и кровавые язвы человечества. Посмотрите на воздержанных и сильных людей, которые постепенно покоряют природу при помощи света науки и труда. Посмотрите на целомудренных женщин, верных своим обязанностям, передающих будущим поколениям наследие своих добродетелей. Вложите в

семьи и в государство мир и счастье, рождающиеся из взаимной любви. Такое общество будет поистине счастливым, ибо сокровищница радостей, способных наполнить сердце человека, — безмерна.

Записывали ли вы когда-нибудь в своей душе длинную главу о радостях, утраченных по вашей вине? Этой осенью я возвращался в наш город в ясный вечер. Воздух был тих, солнце только что скрылось за цепью Юрских гор; все вершины сияли спокойным и мягким светом. Было счастьем — дышать и смотреть. И я думал обо всех, кто лишил себя этого счастья по собственной вине. Я думал, прежде всего, о себе, и обо всех тех случаях, когда я — под гнётом мелочных забот — пренебрегал радостями, всегда доступными нам. Сколько радостей — в природе! Сколько радостей — в домашней жизни! Сколько радостей — в настойчивом труде, увенчанном успехом! Каким бы счастливым был мир, если бы мы могли устранить из него зло! Но было ли этого достаточно? И обрело бы наше стремление к добру в этом свою полную реализацию? Нет, господа, и вот почему: из-за смерти.

Пока существует мысль о смерти — о настоящей смерти, не как о переходе от одного состояния бытия к другому, а как о конце, об уничтожении — пока смерть стоит перед нами, мы можем встретить на пути жизни фрагменты добра, но не само добро во всей полноте, к которому стремится наша природа, — не высшее благо.

В юности охотно веришь в жизнь, и даже смерть, показываясь на далёком горизонте, затуманенная дымкой будущего, кажется чем-то мягким и печальным. Но с возрастом граница ощущается острее, мрачный образ смерти проступает всё отчётливее, и мы понимаем, что каждый час приближает нас к гробу; мы чувствуем, как река времени всё течёт — и ведёт к бездне. Тогда душу охватывает великая печаль, ибо ужасно — чувствовать, как уходит всё, что тебе принадлежит. Вот одна из причин, по которой так много людей боятся остаться наедине с самими собой: они боятся тишины, потому что в тишине внешних шумов с глубины их души может подняться этот зловещий голос: «Брат, тебе предстоит умереть!»

Смерть противоречит нашей природе. Сколько бы нам ни говорили о желтеющих и опадающих листьях, о смене времён года; сколько бы ни пытались примирить нас со смертью, представить её как естественную функцию жизни, через аналогии, заимствованные у природы — душа протестует. Я знаю, что материалисты, считающие себя мудрецами, смеются над притязаниями этого «маленького человека», который хочет жить вечно; но, что бы они ни говорили, в глубине души они думают и чувствуют точно так же, как мы. Их смех — фальшивый, он прикрывает слёзы, и если он становится громким и навязчивым, то, возможно, именно потому, что они, сами того не ведая, стараются этим шумом заглушить голос собственного сердца.

Смерть, подлинная смерть, не как преобразование жизни, а как её разрушение, была бы беспорядком, противоречащим всей нашей духовной организации:

— совести, потому что совесть требует бесконечного совершенствования, которого невозможно достичь здесь, на земле;

— сердцу, потому что сердце создано для вечности любви, и разлука с объектом его привязанности его разрывает;

— разуму, потому что наша природа столь явно предназначена для жизни, что, если бы она вела к смерти, между нашим существом и его целью не было бы никакой связи.

Мы видим добро, высшее благо, порядок вещей, который в полной мере отвечает нашим устремлениям. То, чего желает наша душа, — это не просто продолжение нынешней жизни, потому что из-за несоразмерности между душой и действительностью, бывает, что человек,

утомлённый жизнью, становится зрелым к смерти. Мы жаждем жизни другой, отличной от нынешней, — царства добра, света, которого мы смутно, но подлинно различаем во мраке нашего бытия. Если бы этот свет был лишь блуждающим огоньком, если бы мы открывали глаза этой чудесной истине только для того, чтобы закрыть их навеки — пусть даже мы прожили восемьдесят лет в самых благополучных условиях, — наша жизнь была бы не только мучительной из-за своей конечности, но и абсурдной по своей сути.

Итак: либо видение добра — обман, либо мы созданы для жизни, для жизни вечной.

Спрашивают доказательств бессмертия. Не позволим подменить вопрос. Жизнь — это утверждение, или, как говорят в школе, тезис, выдвигаемый самой нашей природой. Тот, кто требует доказательств бессмертия, пусть первым даст слово, и пусть предъявит доказательства смерти. Что же он скажет, чтобы доказать нам смерть? Послушаем.

Их мысль всегда сводится к одному и тому же банальному доводу: когда люди умирают, мы их больше не видим, и никто не вернулся, чтобы рассказать нам о загробной жизни. Никто не вернулся, чтобы принести вам весть из иного мира! А кто принёс вам страшную весть о том, что смерть поглощает жизнь навеки? Кто обошёл вселенную вдоль и поперёк и с помощью органов чувств, которых у нас, возможно, нет, чтобы познать всё сущее, вернулся и сказал: «Я видел всё до самых краёв мироздания, и нигде не нашёл ваших умерших живыми»? Кто поднялся из мрачной бездны небытия, чтобы сказать нам, что небытие поглотило всё, что жило?

Наших умерших больше нет с нами в этой жизни — это мы знаем, и наши сердца страдают от этого больше, чем нужно, чтобы это знать. Говорят, что у нас нет доказательств иной жизни — для науки в том смысле, в каком вы её понимаете, для науки, не признающей иных реальностей, кроме тех, что доступны чувствам, — согласен. Но когда вы утверждаете уничтожение существ, которые более не проявляются для наших нынешних чувств — вы рассуждаете плохо.

Что вы противопоставляете сердцу, совести, разуму? Я особенно настаиваю на последнем: на разуме, внимательном к духовным фактам нашей природы и стремящемся их объяснить. Против вопля всей человеческой природы, рвущейся к жизни, вы ставите мысль, будто наше знание — мера всего существующего, и что за пределами нашей нынешней чувственной и эмпирической реальности — ничего нет. Это бедная, очень бедная мысль. Человек заболевает; его сердце, что билось слишком быстро, перестаёт биться; конечности становятся неподвижными, тело начинает разлагаться; его несут на кладбище; трава растёт и зеленеет на его могиле, ива обновляет листву, — но мёртвые не возвращаются. Перенесём эту мысль в язык науки. В пределах нашего нынешнего опыта души проявляются лишь через наше нынешнее тело. Это всё доказательство смерти. Всё.

Не думаю, что самый тонкий из материалистических философов, даже если он одновременно и самый учёный из современных физиологов, сможет привести аргумент в пользу своей теории, который не сводился бы к этому: «В пределах нашего нынешнего опыта духи больше не проявляются после распада тела». И кто гарантирует, что нет другого тела, другого способа жизни? Кто уверяет, что не существует иного опыта, чем наш нынешний? Вот в чём суть и единственная основа их довода.

Что же их в этом убеждает? Ничто, абсолютно ничто. Как бы ни была сложна аппаратура науки, в которую они заворачивают свой довод, их позиция проста и ничтожна, как говорил великий оратор Цицерон о таких «мелких философах», как он их называл, которые, при всём очевидном устройстве души для жизни, смеют утверждать, что душа погибает с телом. Никто по-настоящему не отрицает реальности человеческих устремлений, которые мы

только что обозначили. Во все времена, везде, человек желает (не просто верит, а желает!) вечного будущего. И почему он желает этого? Потому что видит добро, всей силой души стремится к добру и чувствует, что полное осуществление добра невозможно в нынешних условиях жизни.

Никто не отрицает этого стремления души. Скептики вынуждены признавать эти устремления, которые так же явно подтверждают жалобы человечества, как и его надежды. Но они не учитывают их в том, что называют наукой — наукой узкой и бедной, признающей лишь материальные факты, — или же вынуждены заключить вместе с Плинием Старшим, что человеческая природа — ложь, поскольку соединяет в себе величайшую нищету и величайшую гордость.

Добро предполагает бессмертие, и желание сердца обращается к жизни вечной. Никто этого не оспаривает, но спрашивает: что это доказывает? Как только задают этот вопрос, возникает вопрос: существует ли во вселенной такой беспорядок, что существа, очевидно предназначенные для жизни, обречены на смерть?

Это — самый глубокий источник сомнений о будущем бытии, встречающихся в древней философии, как в Греции, так и в Индии. Сомнение здесь — всего лишь форма уныния: тень, нависшая над будущим, происходит лишь от облаков, заслоняющих добро — это солнце духов. Дайте крепкую веру добру, порядку, и разум немедленно, без тени сомнения сделает вывод о духовной природе человека и его судьбе: добро гарантирует жизнь. Но что гарантирует добро? Это последний вопрос, который поднимает наш предмет.

III. Гарантия добра

вернуться к содержанию >>>

Что гарантирует добро? Бог.

Я не стану здесь обсуждать вопрос существования Бога в общем виде. Позволю себе отослать вас к моим предыдущим речам (к лекциям «Вечная Жизнь» и «Небесный Отец»). Я говорил и старался доказать: природа и человечество, сердце, разум и совесть предполагают существование Бога. Это благоговейное и священное Имя лежит в основе и на вершине всего, в конце и в начале всех проявлений мысли.

Существование Бога — это истина, которая не доказывается как другие истины, потому что она является первой истиной, от которой зависят все остальные; так что нам остаётся выбор либо принять Бога, либо оказаться в состоянии абсолютного и неисправимого сомнения, охватывающего весь человеческий разум. Здесь я ограничусь лишь одним замечанием, вытекающим прямо из темы. Добро предполагает Бога, и Бог гарантирует добро. Это замкнутый круг, но круг, который покажется порочным лишь тем, кто недостаточно глубоко изучил законы мышления, чтобы понять, что всякая истина завершается кругом света, тогда как сущность заблуждения — неизбежно приходит к противоречию.

Добро предполагает Бога. Чтобы это понять, вспомним, что идея добра, как её постигает разум, берёт начало в совести. Совесть отдаёт приказы. Обращали ли вы когда-нибудь внимание на два смысла слова «приказ»? Приказ — это план, и приказ — это повеление. Совесть, в своем тесном единстве с разумом, — это свет, указывающий воле, что нужно делать, а совесть — это власть, требующая делать то, что должно быть сделано, реальная власть, которую больно чувствуют те, кто ей противится.

Итак, добро — универсальная идея, применимая ко всему. Где существует этот общий план мира, о котором мы, конечно, знаем лишь малую часть? Где этот универсальный свет, из

которого мы получаем лишь луч? Где та власть, которая ощущается нами в том повелении, что касается лично нас, и которую мы понимаем как власть, распространяющуюся на все воли? Добро, несомненно, не есть наше личное представление; и мы не сами себе повелеваем совестью, поскольку постоянно боремся с её властью. Однако план и власть, которые мы находим в добре, должны существовать где-то и каким-то образом, ибо это реальности, столь же настоящие, если не более, чем материальные явления.

План не может существовать без разума; власть существует только в воле; добро, существование которого универсально, может существовать лишь в универсальном разуме.

Бог, рассматриваемый сам по себе, не есть добро, потому что добро — не существо. Бог по своей сущности — абсолютное существо; в отношении к вселенной он — абсолютная причина; но добро, будучи порядком, установленным Богом для всех существ, есть вечный и личный принцип добра. Отойдите от этого, господа, и вы утонете во тьме метафизики, которая покажется вам глубокой, потому что будет мрачной, но будет мрачной лишь потому, что ложна. Вы, без сомнения, можете практиковать добро, не задумываясь о нём философски; но стоит вам задать вопрос: где и как добро как таковое может существовать? — вам придётся заключить либо, что добро — это план Бога, и тогда вы найдете прочный фундамент для своей мысли, либо что добро и совесть остаются неразрешимыми загадками.

Уберите Бога — и совесть с добром останутся без опоры; а так как сомнение, вторгшееся в ваш разум, поразит не меньше и разум, и совесть, если вы мудры, вам останется только молчать. Между верой в Бога и радикальным и неисправимым скептицизмом нужно выбрать. Я выбираю первый из этих двух вариантов и, повторяю, уже неоднократно объяснял причины этого выбора. Итак, добро — это план Бога, который открывает нашей совести, что мы должны делать, а нашему разуму, черпающему в совести идею обязанности, что должно быть вообще.

Наша воля добра, когда она верно исполняет индивидуальное задание, которое перед ней стоит, и таким образом осуществляет свою часть плана вселенной. Вот почему Платон недурно резюмировал всю мораль одной формулой: «подобие Богу». В самом Боге добро не может быть соответствием правилу, чуждому Ему, поскольку ничто не существует независимо от Него — ни материя, ни духи, ни добро. Добро, действительно, не существо, а выражение отношений, которые должны связывать существа; существование добра отдельно от материи и духов, которых оно упорядочивает, — абстракция, лишённая всякой реальности.

Добро проявляет творческую волю в отношениях вещей, как сами вещи проявляют творческую волю в своём бытии. Добро тождественно высшей воле. Сказать «добро» и сказать «воля Бога» — значит назвать одно и то же дважды. Идентичность добра и воли Бога — вопрос исключительно важный для практики. Разделять волю Бога и добро и верить, что эти две идеи могут быть отделены, — фатальная ошибка. С одной стороны, она порождает безразличие людей, особенно религиозных, к добрым делам, которые они не считают «делом Божьим» — как будто могло бы быть добро, которого Бог не желает! С другой стороны, эта же ошибка ведёт к заблуждениям фанатизма.

Я знаю, как часто слова искажаются и как легко подменяется смысл. В некоторых кругах называют фанатизмом любое искреннее и полное посвящение делу, стараются оклеветать чистейший и самый благородный энтузиазм этим уничижительным словом. Но в его истинном значении фанатизм — это реальное заблуждение мысли. Настоящий фанатизм, который нужно отвергать, — это вера в то, что воля Бога может быть отделена от добра и что ради дела Божьего можно совершать зло. Эта мысль причинила много бед человечеству

и религии. К счастью, эта губительная ошибка противоречит истинной философии и совести человечества. Религиозное чувство в этом отношении было сильно искривлено аморальными богами язычества, но это искривление вызывало протесты совести. Древнейшие гимны человечества восхваляют чистое, святое и непорочное. Можно сказать, что даже несмотря на грустные и многочисленные заблуждения, религиозное чувство склонно признавать неразрывное единство добра и воли Бога. Только Люцифер лорда Байрона может рассуждать иначе, а человечество думает с поэтом Адамом: «Всемогущество должно быть высшей добротой».

А как же атеисты? Атеисты думают так же, и вы это скоро увидите. Их главный аргумент, выходящий за узкие рамки школы и имеющий отклик в мире, — «Если бы Бог существовал, не было бы столько зла». В чём основа этого аргумента? В идее, что Бог по сути своей — добр, и если мир не добр, значит, он не создан Богом. Таким образом, главный аргумент против существования Бога основан на представлении о Его доброте. Даже в глубочайшем заблуждении человеческой мысли сохраняется луч истины, и в последней дань высшей святости человек предпочитает безумие атеизма, а не преступление богохульства.

Добро предполагает Бога. Тот, кто не верит в Бога, может, если у него есть благородные инстинкты и уравновешенный характер, вести относительно честную жизнь, но никогда не поверит с твёрдой и действенной верой в добро и торжество добра. Совесть — это голос Бога. Этому учат детей в школах и семьях; я провозглашаю это здесь, перед этим многочисленным собранием, которое можно назвать собранием народа; думаю, в закрытых залах учёных корпораций нельзя говорить иначе, оставаясь верным истине. Нет двух истин. Есть разные уровни понимания истины; есть философские или религиозные научные формулы, которые требуют особой подготовки для понимания, и которые я здесь не стану приводить, потому что одни не поймут (это было бы меньшим злом), а другие, думая, что поняли, воспримут искаженную истину — что самая опасная форма заблуждения.

Истина истинна настолько, насколько она понята, но не существует двух истин. Я считаю одним из величайших благ Провидения для себя то, что понял: как нет иного солнца, освещающего все тела, так нет и иной истины, которая должна освещать все умы. Некоторые модные писатели утверждают обратное. Они говорят, что есть истина для народа — ложная, и другая — для элиты мыслителей — истинная. Странно, что эта доктрина, по своей сути предназначенная лишь для немногих посвящённых, недавно выставлялась напоказ на полном солнечном свете французской публике.

Авторы, которых я имею в виду, говорят, что большая публика неспособна воспринять истинную истину, и потому к ней можно обращаться только обманывая. Если бы я так думал, господа, вы бы не увидели меня здесь. Если бы я так думал, вы бы не имели возможности меня услышать или прочесть. Если бы я считал, что при обращении к широкой публике нужно обязательно её обманывать, я бы сломал перо и навсегда замолчал.

Так скажем же всем вместе: совесть — это голос Бога, или, чтобы убрать любую метафору, моральный закон — выражение божественного плана, а обязанность совести — непосредственное ощущение высшей власти. Остановимся на мгновение на достигнутой вершине и с этой спокойной высоты взглянем на вселенную в целом. Материя создана для духов, а духи созданы для реализации высшего закона любви. Этот план — выражение высшей воли, за пределы которой наш разум, зависящий от этой воли, не может подняться, — этот план есть добро. И поскольку существа имеют чистое сердце, всё, что здоровый разум способен постичь — это добро, и всё, что добро, — это то, чего хочет Бог.

Добро не реализуется немедленно, потому что в духовном мире добро должно быть совершено свободой. Существо, созданное по образу Бога, должно стать с Ним

соработником; добро — цель, идеал, который нужно достичь; оно не может существовать в полноте иначе, чем в плане, открытом совести. Но не верить в окончательную победу добра — это своего рода практический атеизм.

Так что, господа, будем мужественны и полны надежды: добро находится под гарантией Всемогущего; что должно быть — будет.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ – ЗЛО

вернуться к содержанию >>>

В Женеве, 29 ноября 1867 года, в Лозанне, 20 января 1868 года.

Господа, Определяя добро, мы тем самым определили и зло, которое является его противоположностью. Зло — это не отсутствие добра: отсутствие чего-либо — это ничто, а зло — это реальность, к сожалению, очень реальная, противоположная добру. Зло — не существо, не вещь; это нарушение порядка в отношениях между существами, это расстройство, внесённое в гармонию бытия. Нет ни злых существ, ни злых элементов в них самих по себе. Всё существует только по творческому акту, и этот акт, высшее проявление добра, сотворил каждую вещь в соответствии с её предназначением; но там, где есть свобода, всё может быть искривлено.

Разум, сердце и воля духовных существ могут быть отвлечены от их законных функций; но если мы рассматриваем существо само по себе, за нарушением функций — всё есть добро. Бог не желает зла, и эта высшая воля устанавливает для всякой воли обязанность уничтожать зло: зло — это то, чего не должно быть.

Мы будем последовательно изучать зло в природе и в человеке.

I. Зло в Природе

вернуться к содержанию >>>

Сначала обратим внимание на область неживой материи. Поскольку там нет ни сердца, ни воли, не может быть ни страдания, ни греха; зло может возникать только в форме беспорядка, то есть неправильного соотношения между существами и их предназначением. Найдём ли мы подобный беспорядок в неживой материи, которой занимаются физика, астрономия и геология? Чтобы судить о добре или зле, нужно, как мы уже объяснили, знать план, определяющий то, что должно быть, и проверить, соответствуют ли вещи этому плану.

Знаем ли мы общий план Природы? Нет. Значит, кажется, что суждения о добре и зле не применимы здесь. Тем не менее, хотя наука наша неполна, она достигла за века формулировок, которые открывают нам путь, казавшийся закрытым.

Явления Природы подчинены постоянному порядку; всё, что сначала кажется случайным, исключительным, происходит по неизменным законам. Результатом развития нашей планеты стало создание условий, позволивших появиться жизни и сохранить её. Это, как мне кажется, две идеи, глубоко проникшие в наш ум относительно плана вселенной. Мы всё больше и больше убеждаемся, что ход событий соответствует этим двум идеям. Исключения сводятся к законам, и мы открываем удивительные способы, которыми созданы условия, позволившие возникнуть жизни и сохранить её.

Когда мы говорим, что в этом порядке есть зло, мы рискуем ошибиться. По мере развития науки она доказывает нам (что предполагала и с самого начала), что всё в физическом мире — это порядок, пропорция, гармония.

Например, ледники в наших горах занимают большие территории, совершенно неплодородные. Исходя из мысли, что естественное предназначение земли — быть плодородной, мы могли бы назвать эти бесплодные земли злом. Но наука показывает, что накопление этих льдов — основной источник рек, орошающих континенты, и что уничтожение бесплодных скал и ледников Альп привело бы к бесплодию долин и равнин.

Снежная лавина кажется злом, так как вызывает разрушения; но наука объясняет, что она обнажает горные склоны, что позволяет весной возникать там растительности ранее, чем это было бы без обвалов. Землетрясения — ужасное явление. Когда мы узнаем их причины и последствия, сможем доказать, что, если бы могли их устранить, привели бы к ужасным катастрофам, потому что землетрясение есть одна из необходимых функций в жизни земного шара. Наше знание еще очень ограничено: но то, что нам удалось узнать, позволяет утверждать, что общим выводом физических наук будет заключение басни Лафонтена: «Хваля Творца всего на свете Он возвращается домой»

Господа, кажется ли вам мой ответ о том, что в природе есть зло, вполне удовлетворительным? Надеюсь, что нет, иначе вы бы слишком легко смирились. Порядок природы великолепен, но почему же он так суров к нам? Ураган очищает атмосферу — он полезен для неё, пусть так; но он разрушает мой дом и валит деревья в саду. Землетрясение — важный процесс в жизни планеты, но оно разрушает Лиссабон. Лавина приближает весну в горах, но уносит хижину и сад, засыпает пастуха вместе с его стадом. Вот наши жалобы: мы не жалуемся на беспорядки в самой природе, а на её отношения с нами.

Почему эта прекрасная и гармоничная природа так сурова к человеку? Как поэт, слушающий с вершины горы с одной стороны великую гармонию волн, а с другой — нестройные и пронзительные вопли людские, мы вопрошаем: для чего

«Сливает Бог в единый гимн от века -
Природы песнь и вопли человека?»
(Ла Фонтен, «Жёлудь и тыква». Виктор Гюго)

С этого момента вопрос меняется. Речь идет уже не о беспорядке в природе, но о страданиях, налагаемых на нас природою, и мы переходим к человечеству. То, что мы называем злом в физическом мире (подумайте хорошенько и вы признаете это), есть только отношение природы к нам, отношение, которое вредит нашим интересам, или ранит наши чувства.

Задача является при других условиях, если мы рассматриваем живую природу и касаемся вопроса о животных. Тут мы входим в царство неизвестности. То, что мы называем грехом, существует ли у животных? Если им отказывают в нравственной совести, то нет ли у них, по крайней мере, инстинктов, наклонностей, которые у нас превращаются в начало зла? Не свойственно ли им чувство сладострастия, или зависти? Во всяком случае, в этом царстве существует борьба. Сколько из этих органов, строение и приспособления которых к их назначению приводит в справедливый восторг натуралистов, служит орудиями нападения или защиты? Восходя к самому началу истории земного шара, мы видим, что живые существа преследуют и пожирают друг друга. Ископаемые кости животных носят на себе следы зубов своих врагов и открывают нам, по прошествии столетий, гигантскую борьбу, орошавшую кровью землю с самого его рождения. Жизнь поддерживается только смертью и, по большей части, смертью жестокой и мучительной.

Воспользуемся словами Иосифа Местра: «В обширной области живой природы господствует явное насилие, род бешенства, вооружающего все существа на взаимное погребение. Уже в растительном царстве чувствуется закон смерти. Начиная с громадной

каролингской биньонии до самого смиренного злака, сколько растений умирает и сколько из них "убито". Но лишь только вы входите в царство животных, этот закон принимает вдруг ужасающую очевидность. Во всяком большом отделе животной породы, существует известное число животных, предназначенных пожирать других; есть хищные насекомые, хищные пресмыкающиеся, хищные рыбы и хищные звери».

«Нет ни одного мгновенья, в которое одно живое существо не было бы пожираемо другим. Над этими многочисленными родами животных поставлен человек, - и его разрушительная рука не щадит ничего живущего: он убивает для того, чтобы питаться, убивает, чтобы одеться, чтобы рядиться, - убивает, чтобы нападать и чтобы защищаться, - убивает из любознательности и для развлечения, - убивает наконец для того только, чтоб убивать. Этому гордому и грозному владыке нужно все - и никто не устоит перед ним. Но закон истребления остановиться ли на человеке? Разумеется, нет. Однако какое же существо истребит того, кто истребляет всех? Он сам. Человек убивает человека».

«Но как же он может исполнить закон (смерти) он существо нравственное и милосердное, - он рожденный для любви, он, который плачет о других, как о самом себе? Война исполнит определение. Разве вы не слышите, что земля вопит и требует крови? Вопли земли не были напрасны, война загорается. Человеком вдруг овладела ярость, чуждая и ненависти и злобы; он идет на поле битвы, не зная чего хочет, не зная даже что делает. Ничто не может быть противнее этого его натуре, - а между тем он не чувствует ни малейшего отвращения; он с энтузиазмом делает то, что его приводит обыкновенно в ужас. Таким образом исполняется беспрестанно, от клеща до человека, великий закон жестокого уничтожения живых существ. Вся земля, напоенная кровью, есть ни что иное, как громадный жертвенник, на котором все, что живет, должно быть предано закланию без конца, без меры и без отдыха».

Родиться, страдать, умереть и причинять страдание и смерть друг другу, - вот назначение животных. Закон зла, тяготеющий над нами, есть продолжение общего жизненного закона. Если не приписывать животным нравственной совести и, стало быть, греха, то трудно, по крайней мере, не признать в них присутствия зла в виде страдания. Но этот вопрос поднимает важное затруднение: прежде чем рассуждать о судьбе животных, нужно знать ее; а наука до этого не дошла. Таково положение вопроса. В нашем уме есть два ясных представления: одно о механизме тел, где существует только форма и движение, другое - о действии духа, существенное условие которого - познание себя. Отсюда произошли две соперничающие теории о натуре животных: одна о животном-машине, другая о животном-человеке. Изложим их вкратце.

Первая — теория животного-машины — принадлежит последователям Декарта и небольшой группе последовательных материалистов, утверждающих, что всё в мире, включая человека, есть чистый механизм. С этой точки зрения животные — восхитительные автоматы, которые ни чувствуют, ни думают, а просто двигаются. Аргументируют это серьёзными доводами: человек изначально приписывал душу там, где происходило движение, но позднее согласился видеть лишь машины в существах, чей взгляд и голос он понял. Мысль, что животное — это просто автомат, противоречит непосредственному чувству реальности, поэтому многие склоняются к теории животного-человека.

Вторая теория — теория животного-человека — примерно принадлежит Лафонтену (если можно говорить о «доктрине» Лафонтена) и во многом Бюффону. Читайте знаменитые описания тигра, льва, лошади у Бюффона — вас удивит, насколько он приписывает животным человеческие чувства, страсти, душу, похожую на нашу. Эта теория поддерживается также многочисленными непоследовательными материалистами, которые доказывают, что человек — просто животное, потому что изначально предположили, что

животное — это человек. В пользу этой теории говорят многочисленные факты, свидетельствующие о чувствительности и интеллекте животных. Главный возражающий момент — отсутствие у животных цивилизации. Эти виды имеют историю, но их судьбы полностью подчинены природе. Отсутствие речи и прогресса заставляет думать, что животное не обладает самосознанием и, возможно, не имеет сознательного ощущения боли, как мы.

Есть ли между этими двумя теориями место для третьей? Сможет ли наука открыть форму существования, которая не будет ни автоматом, ни сознательным духом? Возможно. Возможно, мы начинаем видеть методы и способы наблюдения, которые приведут к такому результату. Во всяком случае, вопрос далеко не решён, и я не думаю, что серьёзная наука сегодня может ответить на вопрос о природе животных иначе, чем вопросительным знаком.

В отсутствии решения, я рассматриваю обе теории применительно к проблеме, которая нас занимает. Если вы видите в животных лишь проявление механизма природы, считаете их машинами без мысли и чувства — всё в порядке. Они формируют почву своими останками, поддерживают атмосферу своим дыханием, переносят семена и засеивают планету; они выполняют важные функции в круговороте материи. Всё — порядок и гармония, как в физике, все вещи соответствуют своему назначению. Вы не будете жаловаться на животных, которые нам мешают или вредят, так же как не будете жаловаться на ядовитые растения, ведь все эти явления, как и наводнения или землетрясения, кажутся нам злом лишь в их отношении к человечеству.

Теперь рассмотрим другую точку зрения: Животные имеют души, подобные или хотя бы аналогичные нашим; они чувствуют тот же контраст между своими стремлениями и судьбой. Что скажем? Летает ли бабочка из темной куколки лишь несколько мгновений, и плачет ли она, как юная пленница Шенье, о краткости своих дней? Плачет ли кобыла пустыни, когда её жеребёнок умирает от палящего солнца, и, как Рахиль, отказываются ли они утешиться?

«В тот миг, когда смертельные объятья
Открыты бойнею овце -
Толпа собак, и овцы, и все братья
О горьком плачут ли конце?»

Допустим, так и есть. Допустим, эти похороны животных, которые считаются миллионами, и тысячами миллионов каждый час жизни планеты, вызывают те же слёзы и тревоги, что и жертвоприношения молодых людей, приносимые в жертву ужасной амбиции наших политиков. Что скажем? Мы скажем, что зло распространяется за пределы человечества.

Посмотрим, как будет представлена проблема при таком предположении. Проблема находится в нас самих, где мы ясно различаем её стороны. Наша природа, как она обозначена устройством нашей души, противоречит нашей судьбе. Созданы для добра, мы ощущаем себя во зле. Проблема расширяется в той мере, в какой мы признаём распространение нашей собственной природы или сходной с ней природы. В какой мере животные обладают самосознанием, могут ли они быть объектом зла, чувствовать, осознавать и испытывать его? Мы не знаем. Но поскольку мы расширяем идею зла, распространяя понятие нашей собственной природы, мы должны сначала изучить проблему в себе — там мы найдём свет. Если мы найдём удовлетворительное решение, мы можем предположить, что оно распространится и на животные виды, в мере, в какой серьёзная наука их «очеловечит».

Этот метод — единственно правильный. Искать решение в загадочных областях, а не в известных нам фактах — значит переворачивать порядок разумного исследования. Итак, господа, по вопросу зла у животных у меня, по сути, только признание невежества. Однако внутри этого невежества можно указать и предостеречь от двух заблуждений.

Первое заблуждение — думать, что объяснили наличие зла в человечестве, принимая, что мы произошли от животных, и что наши страсти и страдания происходят оттуда. Даже если бы происхождение человека от животных было доказано, это вовсе не решило бы рассматриваемый вопрос. Следовало бы тогда спросить, почему человек оказался заключён в животную природу, и почему зло существует у животных.

Второе заблуждение — рассуждать так: страсти и страдания — закон жизни, значит, то, что мы называем злом, есть порядок природы. Всё, что в порядке природы, должно приниматься как добро. Я обращаюсь к вам: во имя логики и достоинства человеческого духа, никогда так не рассуждайте, что зло — закон жизни, значит всё хорошо.

В заключение: изучение зла в физической природе возвращает нас к человеку, потому что мы никогда не называем плохими явления в природе сами по себе, а лишь их отношение к нам. Изучение зла в живой природе возвращает нас к человеку, потому что мы понимаем зло в живой природе лишь через предположение о природе, сходной с нашей. Перейдём теперь к человеку.

II. Зло в человечестве

вернуться к содержанию >>>

Зло в человечестве проявляется в трёх формах: заблуждение, то есть зло разума; грех, то есть зло совести; и страдание, то есть зло сердца. Чтобы доказать, что заблуждение, грех и страдание действительно являются злом, достаточно, согласно нашим определениям, показать, что это — явления, в которых проявляется недостаток гармонии между душой человека и назначением, которое указывает ему его природа.

Заблуждение — это не невежество. Чтобы доказать, что невежество является злом, нужно было бы доказать, что наше назначение — знать всё и знать всё немедленно, и что, следовательно, есть нарушение порядка в том, что мы не можем сказать, сколько звёзд на небе или сколько песчинок на морском берегу. Это, однако, отнюдь не очевидно, и подобное доказательство было бы нелегко построить.

Представьте себе разум, который ясно видит, что он знает и чего не знает; утверждает там, где нужно утверждать, отрицает там, где следует отрицать, и воздерживается от суждения, когда у него нет достаточных оснований ни для утверждения, ни для отрицания. Представьте, далее, что этот разум растёт во свете и видит, как постепенно отступает область тьмы: всё будет в порядке. Такой разум не будет обладать всей истиной, но он будет полностью в истине, и все его суждения будут истинными. Невежество становится злом лишь тогда, когда касается нашего непосредственного назначения, так что наша воля, лишённая света, чувствует необходимость действовать, не имея возможности поступить осознанно.

Заблуждение — это вынесение ложных суждений. Никто не может отрицать, что назначение разума — постижение истины; следовательно, заблуждение — это нарушение порядка, и весьма серьёзное. Заблуждения относительно источников радости вовлекают нас в безумные стремления к счастью, которое постоянно ускользает от нас, а заблуждения относительно долга порождают загадочное явление — искажённую совесть. Это одна из самых трудных тем моральной философии: случаи, когда, желая исполнить долг, человек ошибается в его понимании. Зло тогда, по-видимому, проистекает из самой правоты намерения; ведь, как сказал Паскаль: «Никогда не делают зла так полно и с такой охотой, как когда делают его по совести».

Заблуждение играет определённую роль в наших дурных поступках, но даже моральное заблуждение — ещё не грех. Мудрый Сократ чрезвычайно заблуждался в этом вопросе. Он

позволял себе верить и утверждать, что именно заблуждение лежит в основе наших дурных поступков, что люди ошибаются относительно природы своих обязанностей, но «делают то, что считают своим долгом». В этом отношении его современник, поэт Эврипид, мог бы дать ему урок подлинной философии, напомнив эту элементарную истину: «Мы знаем, что есть добро, мы знаем это, но не делаем».

Заблуждение и грех тесно связаны, но их источник различен. Заблуждение исходит от разума, а грех — от воли. Я определю грех словами, которые многие из вас узнают. " Итак, кто знает, как поступать правильно, но не поступает – на том грех. " (Иак. 4-17). Грех — это сознательное и добровольное нарушение закона. Это — восстание воли против власти совести. Однако не следует забывать, что если закон не был нам известен, то возможно, он был закрыт от нас по нашей собственной вине. Если наше неведение относительно долга имеет добровольное происхождение, мы ответственны и за него. Таково наше определение греха. Что касается самого явления — мы все знаем его слишком хорошо.

Есть ли среди нас кто-нибудь, кто не мог бы, не прибегая к долгим воспоминаниям, назвать случаи, когда он ясно осознавал в свете совести свою вину и сопротивлялся зову долга? Определить грех — значит доказать, что он есть зло, поскольку он, по своей сути, является восстанием против закона, то есть против того, что должно быть. Поскольку нам известна сущность нравственного закона, нам известна и сущность греха. Высший закон — закон любви, посвящения каждого общему благу. Суть греха — противоположность этому закону, то есть стремление жить только для себя. Эгоизм, в полном и этимологическом значении этого слова, лежит в основании всякого греха. Вместо того чтобы занимать своё место в порядке вещей, в отношении ко всему миру, индивид делает себя центром, подчиняет всё себе, подобно планете... Что я говорю? Подобно осколку планеты, который хочет быть солнцем. Это беспорядочное стремление к себе, которое лежит в основе всякого морального беспорядка, проявляется в двух главных формах. Выйдя из своего места, человек понижается, он оскотинивается, падает в чувственность и тем самым теряет право быть членом духовного общества. Или же он стремится подняться над порядком, частью которого он является, и хочет, чтобы весь мир вращался вокруг него: он думает, что возвышается, а на деле — падает в бездну гордыни.

Чувственность и гордость — вот две основные формы эгоизма. Поскольку форм две, у эгоизма два уровня:

- Первый — равнодушный человек, отворачивающийся от ближнего, всегда готовый сказать: «Разве я хранитель брату моему?»
- Второй — злой человек, который раздавливает других ради собственного наслаждения.

Определить грех — это, повторяю, доказать, что он зло, ибо он — нарушение закона, противоположность должному. Однако доказать, что страдание — зло, будет труднее. Это трудная задача — не пробудить в человеческом сердце восстание против страдания (в этом нет ничего проще, оно происходит само по себе, без слов), а доказать разуму, что страдание не должно быть. Ведь у страдания есть много и сильных защитников. Послушаем их:
Что делает человека человеком? — Энергия. Что порождает энергию? — Борьба. А что порождает борьбу? — Боль.

Устраните из человеческой жизни всякую боль — и вы устраните всякую борьбу, всякое развитие энергии, и у вас останется лишь морально увядшее существо. Какие благие последствия могут порой иметь даже самые страшные бедствия! Несколько месяцев назад я получил письмо от одного из друзей из Цюриха, написанное во время эпидемии холеры. Он писал, что видел немало печального — проявления эгоизма и страха. Но также он писал, что в болезни проявилось так много смелости, самоотверженности, заботы о других, что

разные слои общества сблизились под вдохновением благородных чувств — и он не пожелал бы за весь мир, чтобы его миновал этот опыт. Он — отец семейства, писал мне в разгар бедствия, когда угроза висела и над его головой, и над его близкими.

Значит, можно даже восхвалять эпидемии. А что говорить о войне? Сколько говорят в её защиту! Разве она не укрепляет характер? Разве мирная жизнь не расслабляет душу? А те, кого возвращает к Богу страдание? Разве не в буре становится на колени моряк, прежде бывший безбожником? Разве не несут иногда и социальные потрясения благие плоды? Современный поэт выразил это так:

Мы все ученики, а горе наш учитель.
Кто не страдал, увы! Тот не познал себя.
Он тяжек тот закон - всеобщий повелитель
И вечен он как мир, иль как сама судьба!
Мы все должны купить тяжелою ценою;
Несчастью суждено впервые нас крестить...
И нивы, чтоб созреть, омочатся росою, -
Чтоб жить и чувствовать должны мы слезы лить

У страдания, значит, есть не только защитники — есть и его влюблённые. Я не поведу вас в Индию, чтобы показать аскетические самоистязания, которым предавались (и, возможно, предаются) жители тех далёких стран. Даже в нашем веке — веке комфорта и погоней за наслаждениями — есть люди, которые добровольно, порой отказавшись от богатства и власти, подчиняются закону труда в условиях крайней нищеты.

Вы слышали о траппистах? Прошлой осенью я посетил в Эльзасе, неподалёку от Мюлуза, монастырь этого ордена — и, быть может, никогда прежде я не ощущал такого поразительного контраста. Мюлуз — город, известный своей промышленностью, рабочими кварталами, процветанием и благотворительностью. Здесь, среди комфорта и удобств, высшие классы общества наслаждаются всеми благами цивилизации и в то же время достойно стараются распространять это благо среди всех слоёв населения. А рядом — большое холодное и безмолвное здание, где даже зимой огонь зажигается только на алтаре и в слабом очаге бедной кухни. Здесь тишина нарушается только звуками работы и церковных песнопений.

Вот как, если мои воспоминания меня не подводят, живут странные люди, обитающие в этом исключительном жилище. В то самое время, когда мы с вами здесь собрались, они спят на деревянных досках после тяжёлого дневного труда. Около двух часов ночи их будит колокол молитвы. Они трудятся натощак в поле и в мастерской до десяти часов утра. Тогда им дают стакан пива, кусок хлеба и овощи, выращенные ими самими. Вечерняя трапеза такая же. В праздники добавляют немного сыра. По сравнению с ними даже самый бедный наш рабочий — настоящий капиталист.

Поймите, господа, я не ставлю себе целью обсуждать здесь ценность подобных институтов. Мне нужен был яркий пример — и я выбрал самый сильный. Вот люди, которые ищут лишений, как другие ищут удовольствий, и не просят у мира ничего, кроме строгой сладости страдания. Они добровольно лишают тело пищи почти до предела выносливости, и (я говорю об этом как о физиологическом феномене) они при этом не выглядят ни бледными, ни изможднными. Они лишают мысль пищи — молчанием, и, что почти страшно, лишают сердце пищи — разрывом всех семейных и социальных уз.

Значит, страдание имеет своих защитников и даже обожателей. Всё, чего я хотел, — это показать это. И, перед лицом этих доводов и фактов, моя мысль может показаться отчаянной, ведь я утверждаю, что страдание — это зло и что оно не должно быть. Однако

нам достаточно договориться об одном. Легко доказать, что в условиях нашего нынешнего опыта — подчеркните эти слова — страдание неизбежно и даже полезно. Как это доказывается? Все аргументы сводятся к трём:

Во-первых, боль — это предупреждение о нарушении порядка. Если бы вы были больны, не ощущая этого и не подозревая о болезни, вы бы не искали исцеления. Точно так же, когда в обществе возникают острые страдания, это сигнал к поиску причины болезни и необходимости реформ.

Во-вторых, боль — лекарство. От ампутации конечности, которая, возможно, спасёт вам жизнь, до неожиданного бедствия, заставляющего задуматься над своей пагубной страстью, боль играет ценную роль. Никто не станет спорить с Фенелоном, который говорил: «Можем ли мы назвать злом те страдания, что посланы нам Богом для очищения и достоинства перед Ним? То, что приносит нам столь большую пользу, не может быть злом. Страдание очищает нас, оно нам необходимо, очень необходимо, оно добро».

В-третьих, боль — это одна из ярчайших радостей жизни. Никто не страдает меньше молодого, ловкого и здорового, поднимающегося на гору и наслаждающегося раскрытием своих сил. Желание становится страданием, если лишено удовлетворения и надежды; усилие становится болью, когда средства действия не соответствуют воле; но смешивать все желания со страданием и все усилия с болью — значит путать различные вещи.

Аргументы в пользу страдания крепки; я принимаю их без исключений. Но утверждая, что страдание — зло и не должно быть, я не советую отказываться от полезных предупреждений, исправления и наказания. Наказание — проявление справедливости, а справедливость — благо. Разве вы не чувствовали, сталкиваясь с ужасным преступлением, как в душе вашей взывала справедливость? Были приговорённые к смертной казни, которые отвергали помилование, потому что их сердца требовали публичного искупления.

Справедливость — это благо, и, несмотря на тайны этого вопроса, мы можем созерцать, что справедливость — одна из форм любви. Моральный закон выражает порядок, необходимый для всего общества духовного. Позволить нарушать закон без наказания — значит пожертвовать интересами всех ради слабости по отношению к немногим. Поддерживать закон через наказание — значит защищать интересы всех от беспорядка немногих.

Таким образом, страдание необходимо как наказание; в этом смысле оно тоже добро.

Все апологии (защита) страдания сводятся к этим трём доводам. К этому присоединяется часто смешение идей, на которое необходимо указать мимоходом. Т.к. существу свободному поставлена цель, к достижению которой должны стремиться его поступки, то он должен желать достигнуть этой цели, и делать усилия для ее достижения. Утверждают, будто всякое желание есть результат лишения и, следовательно, предполагает страдание; а потому уверяют, что всякое усилие уже есть страдание. Таким образом, страдание является необходимым условием свободы, потому что, если уничтожить страдание, то не было бы ни желания, ни усилия, а следовательно, и никакого развития свободной деятельности. Основания этого рассуждения не прочны. Желание, сопровождаемое надеждой на удовлетворение, может быть наслаждением; те, у кого хороший аппетит и средства его удовлетворить, знают это хорошо. Усилие, при условиях здоровья физического и нравственного, до такой степени не страдание, что оно составляет даже одну из живейших радостей существования.

Никто не страдает менее молодого человека, бодрого и веселого, восходящего на гору с полным напряжением сил. Желание делается страданием, лишаясь удовлетворения и

надежды; усилие делается болью, когда средства для действия не соответствуют воли; но не всякое желание есть страдание и не всякое усилие мучения. Необходимо предупредить это смешение идей, приписывающее страданию характер необходимости. Что касается аргументов, ведущих к заключению о пользе страдания, то они все основательны; я принимаю их все и ничего из них не выкидываю. Утверждая, что страдание зло и что его не должно быть, я вовсе не думаю советовать родителям убирать все шипы с той дороги, по которой идут их дети и лишать их наказания.

Я не советую добрым сердцам необдуманно смягчать страдания, не давая развиваться последствиям лени и чувственности. Я не советую судьям оправдывать вора или убийцу; судья, оправдывающий вора, которого должно заключить в тюрьму, в какой-то мере соучаствует в новых кражах, которые этот преступник совершит. Он забывает, что справедливость власти, установленной для общего блага через подавление беспорядков, есть милосердие, а слабость — жестокость. Тем более я не советую никому тушить в душах, сокрушённых чувством вины, боли раскаяния и полезную горечь сожаления. В мире, каким он есть, боль имеет большую миссию и большое место. Мы должны часто позволять ей идти своим путём, и порой истинная любовь требует от нас стать строгими слугами справедливости.

Апологии боли солидны. Страдание может быть благом, и если оно не должно быть — это не в абсолютном смысле, как грех. Оно может служить средством для великой цели, и правило - «цель оправдывает средства», которое строгое при исполнении долга, может здесь найти своё законное применение. Но рассмотрим основу аргументов защитников страдания. Предупреждение, лекарство, наказание — всё это предполагает нарушение порядка, исходное состояние, в котором появляется страдание, — плохое. Поэтому я с самого начала привлек ваше внимание к тому, что все эти аргументы исходят из нашего нынешнего состояния. Как только ситуация находится вне порядка, доказывать, что предупреждение, наказание и лекарство хороши, — не составляет труда.

Но предположите, что всё в порядке — вы не сможете тогда оправдать страдание. Боль — не пища, а лекарство; и в состоянии здоровья нет ничего хуже лекарств. Поскольку боль исчезла бы, как только всё стало бы так, как должно, ясно, что в абсолютном смысле она не должна быть — это зло. Если мы рождены для страдания, как искра рождена летать, значит, мир, в котором мы родились, не в порядке; ибо Бог, создавший наше сердце, не создал его для страдания. Если бы нас убедили, что боль — благо сама по себе и в высшем смысле слова, мы бы потеряли способность к состраданию. Античный философ, измученный подагрой, вскричал: «Боль, ты можешь делать что хочешь, но никогда не заставишь меня признать, что ты — зло». Это гордо, когда речь о себе. Но перед лицом чужой боли душа всегда восклицает: «Философия, ты можешь говорить что хочешь, но никогда не заставишь меня признать, что страдание — не зло!»

Нужен ли вам ещё аргумент в пользу того, что страдание не должно быть? Вот он, на мой взгляд, непреложен. Каким законом руководится наш поступок? Законом любви. Любовь должна быть сильной, чтобы не вызывать больших страданий, уничтожая полезное предупреждение, необходимую исправительную меру и справедливое наказание. Но любовь по природе своей — мягка; её миссия — приносить счастье и по мере сил уменьшать страдания. Её конечная цель — построить общество в порядке, где не будет ни слёз, ни горя, ни стенаний. Вот истинная цель любви. Если бы страдание было добром само по себе, высший закон долга требовал бы разрушать это добро.

Я заключаю: заблуждение, грех и страдание — нарушения истинного порядка вещей, это зло; наша миссия — уничтожить их. Это кажется мне почти так же ясным, как теорема геометрии.

III. ОТРИЦАНИЕ ЗЛА

вернуться к содержанию >>>

Теперь мы должны предстать перед странным зрелищем. В повседневном опыте жизни нам наиболее привычны грустные и подавленные лица. После первых порывов юности, когда приходит возраст и, как говорят, разрушает свои иллюзии, ничто не труднее удержать в сознании людей, чем живую веру в Добро. Часто бывает сложно внушить даже немного мужества, немного надежды, немного уверенности в будущем; часто трудно убедить людей, что проходящие тучи не убивают солнце, и что длинные осенние туманы не уничтожили ярко-голубое небо. Из всех нужд человечества нет ничего более глубоко ощущаемого, чем потребность в утешении. Таково общее состояние жизни.

Но если мы покинем людные улицы и проторённые пути и войдём в залы учёности, к философам и учёным, всё меняется; там трудной задачей становится доказать существование Зла вопреки утверждению, что всё есть добро. Это вас удивит, господа, и я вполне могу это понять. Не принимайте это только на моё слово; спросите любого, кто знаком с философскими науками, и вы узнаете, что одна из величайших, возможно самая великая из современных метафизических доктрин подразумевает отрицание Зла. Так было до сих пор.

В некоторых кругах интеллектуального мира уже начинают появляться предвестники иного будущего; но до сих пор философия часто навлекает на свою работу проклятие пророка Исаии: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом…» (Ис.5:20). Я здесь не для того, чтобы кричать «горе» кому-либо. Из всех доктрин та, что отрицает реальность Зла, без сомнения является самой опасной при развитии её последствий; но моя особая задача — обратиться к вашему разуму и доказать, что она ложна.

Отрицание Зла, утверждение, что всё есть добро, резко противоречит нашим естественным чувствам. В своей правильной форме, в прямом и полном выражении эта доктрина, как я уже сказал, принадлежит только учёному миру. Однако в наши дни, кажется, что она выходит за пределы этого круга и проникает в общее сознание через газеты и журналы; я даже встречал её в романах. Она незаметно проникает повсюду, хотя во многих случаях писатели, воспроизводящие эту доктрину, не имеют ни малейшего представления о её природе и происхождении. Среди всех пьющих из реки лишь немногие знают о её источнике.

Говорят, что для истинного философа всё есть добро. А что истинный философ думает о Зле? Он говорит: Зло необходимо. Обратите внимание, что речь здесь не идёт о необходимости, связанной с фактическим состоянием мира, то есть о временной выгоде, которая возникла вследствие нарушения порядка в человеческом состоянии; речь о первичной абсолютной необходимости, принадлежащей самой природе вещей, плану Вселенной. Зло необходимо. Поскольку оно необходимо, оно должно быть; поскольку должно быть, оно есть добро. Значит, зла нет; то, что мы называем злом — одна из форм добра. Существование зла — заблуждение простых людей, которое философия лечит. Такова перемена взгляда (превращение), которая рекомендуется нам определённым родом науки. Простонародье заблуждается; человек должен быть обращён, не уничтожением Зла, которого нет, а уничтожением идеи Зла.

Этот довод справедлив. Если Зло необходимо, оно должно быть; если оно должно быть, оно есть добро; это и есть наше определение Добра. Логика рассуждения безупречна, если принять исходный посыл; признать, что Зло необходимо, — и вы должны заключить, что оно есть добро; но мы должны рассмотреть этот посыл.

Прежде всего, отметим, что здесь речь идёт об отрицании, и именно о положительном отрицании реальности Зла. В некоторых философских трудах вы найдёте доводы, которые я

только что упомянул, под заголовком «Объяснение Зла». Но слово «объяснение» здесь неуместно; отрицать факт — значит не объяснять его. В конце XVII века, если я не ошибаюсь, возник спор о ребёнке с золотым зубом. Тогда физиологи подняли шум: как объяснить появление золотого зуба с учётом известного строения тела и его элементов? Кто-то решил проблему, узнав, что золотого зуба у этого ребёнка вовсе нет. Был ли феномен объяснён? Нет, он был уничтожен. Вопрос в том, можем ли мы поступить так же со Злом, и правильно ли решение проблемы — отрицать реальность её предмета.

Как доказывается необходимость Зла? Ведь эта позиция является основой аргумента. Во-первых, это доказывается ошибочным методом. Процессы математики и естественных наук применяются как процессы универсальной науки. Таким образом, они используют в области свободы методы, которые по своей сути применимы лишь там, где свободы нет. В естественных науках аксиома гласит: материя не обладает принципом спонтанности, так что её факты всегда соответствуют законам, и никогда нет различия между тем, что есть, и тем, что должно быть. Если же моральный мир можно изучать таким же образом, то всё, что существует, должно быть, включая Зло. Таким образом, вывод о необходимости Зла достигается применением метода, который принимает эту необходимость как данность.

Но наш аргумент отвечает: если Зло существует, как утверждает совесть, есть различие в моральном порядке между тем, что должно быть, и тем, что есть; метод естественных наук не является тогда универсальным методом.

Кроме того, необходимость Зла доказывается, принимая мир таким, какой он есть, за меру того, каким он мог бы быть. В мире, каким он есть, Добро и Зло настолько переплетены, что уничтожение одного, кажется, повлечёт уничтожение другого. Мир без Зла кажется совершенно невероятным представлением. Этот вывод основан на опыте, но на неполном опыте. Когда мы представляем себе мир порядка, в котором Добро полностью реализовано, мы не уходим в мир фантазий. Опыт того, что есть, мы противопоставляем другому опыту — не менее реальному и достоверному — опыту разума и совести, которые заявляют, что должно быть, и уверяют нас, что Зло не должно быть. Утверждать необходимость Зла от имени опыта — значит забывать о лучшей и благороднейшей части самого опыта.

Наконец, необходимость Зла доказывается путём смешения понятий; именно на этот последний пункт я хотел бы обратить ваше особое внимание. Здесь нам предстоит проникнуть в глубочайшие недра философии; но человек может ясно видеть где угодно, если у него есть хороший светильник, и светильник, который я прошу вас держать зажжённым, — это серьёзное внимание.

Человеческий разум содержит две совершенно разные идеи: идею Больше и Меньше и идею Добро и Зло. Путая Больше с Добром и Меньше со Злом, утверждают необходимость Зла. Разграничивая эти идеи, мы придадим Злу его истинный характер.

Представьте себе всю цепь существ от наименьшего до наибольшего и, говоря математическим языком, вообразите множество сущностей, расположенных по порядку между двумя этими пределами — нулём с одной стороны и бесконечностью с другой. Что касается материи, вы увидите, как она растёт в размере, весе и богатстве форм. Что касается разума, вы увидите, как растёт их мощь в ощущениях, мысли и воле. Таким образом, вы сформируете представление об иерархии вселенной. Если вы говорите, что солнце больше земли, жизнь — больше материи, существо, которое мыслит, больше того, что не мыслит, — вы выражаете суждения, которые можно назвать иерархическими суждениями (jugements de hierarchie). Паскаль использовал их с поразительным эффектом в том отрывке, где противопоставляет мыслящее существо вселенной, которая его подавляет, и в другом — где возвышает выше всех тел и умов высшую ценность любви.

Каждое существо в своём иерархическом месте имеет предназначение или цель и является хорошим или плохим в зависимости от того, отвечает ли оно этой цели. Суждение, которое мы в этом отношении выносим, — это моральное суждение. Я называю его моральным даже тогда, когда оно относится непосредственно к неодушевлённым предметам, принимая то, что я пытался установить в нашей первой лекции, а именно, что всякое представление о Добре подразумевает, прямо или косвенно, представление о воле. Если вы говорите, что часы не работают, или идут неправильно, потому что их части не выполняют свои функции (а это всегда предполагает какую-то вину мастера); если вы говорите, что зависть — плохое чувство, а кража — греховное действие — вы выносите моральные суждения. Итак, иерархическое суждение и моральное суждение — совершенно разные вещи. Эта истина настолько важна, что я приведу три соображения в её поддержку.

Во-первых, Добро может существовать и существовать в равной мере на каждом уровне иерархической шкалы, поскольку степень Добра никоим образом не определяется положением вещи или существа, а определяется его отношением к своей цели. Сельские часы с одной лишь часовой стрелкой могут быть так же совершенны для своего рода, как самые сложные часы. Самый скромный долг, исполненный полностью, равен в порядке совести самой яркой добродетели. Маленький ребёнок, который, находясь у зубного врача, сдерживает естественный крик, чтобы не огорчить мать, может обладать героизмом, равным героизму Винкельриса, подставляющего грудь под копья австрийцев. Если эту истину игнорировать и путать степень Добра с известностью Добра, которая бывает только на видных позициях, мы открываем дверь тщеславию, ищущему славы, и закрываем дверь совести, которая следует за Добром.

Во-вторых, Зло может существовать на каждом уровне иерархии. Архангел может быть плохим, и червь может быть больным. Если льстецы — отвратительные и опасные спутники монархов, то потому, что они внушают им мысль, что их величие в какой-то мере ставит их выше закона, и пытаются убедить их, что «короля никто не держит в узде, кроме его собственной воли». Людовик XIV, возможно, не слишком серьёзно думая, считал, что то, что порицается у простых граждан, вполне законно, если это делает великий король; и урок, который Рашен дал ему в некоторых из самых великолепных строк «Аталии», вероятно, был весьма к месту.

В-третьих, в низших степенях иерархии может быть больше Добра, чем в высших. Мина вдовы была меньше в количественном отношении, чем подаяния богатых; тем не менее, она была признана выше в шкале морали. Если Эпиктет был так же добр, как в его книгах, он был одним из лучших людей, когда-либо появлявшихся под солнцем; при этом он был рабом и находился на самом дне социальной иерархии. Нерон, будучи императором, оставил о себе дурную славу.

Иерархическое суждение и моральное суждение, таким образом, совершенно различны. Тем не менее, они соединяются; в общем виде можно показать, что мы приобретаем часть истины, различая идеи, но целого достигаем, лишь снова их объединяя. Иерархическое суждение и моральное суждение объединяются в идее прогресса. Прогресс — это Добро; это одна из самых общепринятых и легко воспринимаемых идей нашего времени; слишком легко принимаемая, поскольку она побуждает некоторых беспечных мыслителей считать каждое новшество улучшением, а каждое изменение шагом вперёд. Прогресс, то есть развитие, — это закон, истинное состояние всего существующего. Развитие — это возрастающая реализация предназначения или цели, движение от Меньшего к Большему, отход от небытия и приближение к полноте бытия.

Таким образом, в вопросе прогресса закон иерархии, выражающий движение от Меньшего к Большему, тесно связан с моральным законом, предписывающим, чтобы движение от

Меньшего к Большему осуществлялось. Но эти две идеи, объединённые, остаются при этом различными, поскольку прогресс чего-либо не состоит в отходе от собственного порядка или природы, чтобы стать чем-то иным, а в полной реализации собственной природы. Садовник, желающий улучшить розу, не пытается превратить её в камелию; пастух, желающий улучшить своих овец, не стремится превратить их в коз; и мы можем представить, что молодая девушка становится вполне совершенной, не превращаясь при этом в мужчину или даже в политического избирателя.

Итак, Добро может существовать на любом уровне иерархии, если каждое существо выполняет свою функцию. Ограниченная власть может быть столь же хороша, как и величайшая, поскольку Добро состоит не в количестве власти, а в её направлении. Всё может быть добром, и совершенным добром на своём месте, не выходя за пределы своего собственного порядка. Есть лишь одна вещь, которая никогда не может быть добром — это Зло, потому что Зло — это беспорядок, а беспорядок не имеет законного места. Что касается закона прогресса, всё может быть добром и совершенным добром, если в каждый момент своего существования каждое существо развивается так, как должно для реализации своей природы. Истинный прогресс состоит в отходе от небытия и приближении к полноте существования; и Зло никогда не состоит в расстоянии, которое может отделять существо от его цели, а в том, что оно не продвинулось так, как должно, или что оно пошло ложным путём.

Вернёмся теперь к ходу рассуждений, составляющему предмет нашего исследования. Для доказательства необходимости Зла, Меньшее смешивается со Злом, Большее — с Добром, иерархическое суждение — с моральным; и утверждается: без степеней Меньшего и Большего не было бы иерархии; без иерархии — нет разнообразия; а без разнообразия невозможен Мир. Меньшее, которое есть Зло, — является тогда условием существования Мира; и оно необходимо.

Это метафизическое рассуждение чаще всего выражается в такой форме: Есть только одно бесконечное Существо — Бог; всё, что не есть Бог, ограничено; ограничение есть Зло; то, что мы называем Злом, — это расстояние, отделяющее нас от бесконечности, этот предел находится в нас. Если бы был только Бог, не было бы Мира. Поскольку Мир должен быть, он не может быть бесконечным, следовательно, он должен содержать Зло. Просить, чтобы не было Зла, значит просить, чтобы Бог был один. Зло — ни что иное, как несовершенство, присущее каждому имеющему предел существу, и всё, что не есть Бог, имеет свой предел и несовершенно; следовательно, Зло необходимо.

Затем создатели этой теории торжествуют. Они ликуют ещё больше, задавая вопрос: как мог бы быть прогресс, если бы не было Зла? Прогресс состоит в самосовершенствовании, в переходе от большего несовершенства к меньшему, то есть от Зла к Добру. Следовательно, устранение Зла означало бы устранение прогресса, что все признают Добром. Таким образом, Зло есть условие Добра и часть его.

Надеюсь, теперь вы видите путаницу идей, на которой построено это безумие. Чтобы быть добрым, нам не нужно становиться Богом; вполне достаточно занять место, которое Бог нам предназначил, и выполнять предписанные нам обязанности. Прогресс, состоящий в отходе от Зла, не есть настоящий прогресс, а восстановление, а восстановление предполагает беспорядок. Там, где нет беспорядка, прогресс — это не отход от Зла, а движение от небытия к полной реализации существования.

Эта путаница между идеей иерархии и идеей морали, между Злом и несовершенством, между прогрессом и отходом от Зла ведёт к серьёзным последствиям. Если каждое существо имеющее предел — зло, и зло в той мере, в какой оно удалено от бесконечного, то

все созданные существа предопределены к Злу, и в большей или меньшей степени в зависимости от места, отведённого им в иерархии природы; это ужасная доктрина. Если вы думаете, что развитие существа, его прогресс — это всегда переход от Зла к Добру, подумайте, к каким выводам это вас приведёт.

Вы когда-нибудь собирали в июне веточку шиповника с куста или с горы? Может быть, для вас ещё нераспустившийся бутон был очаровательнее, чем полностью раскрытый цветок. Бутон — это цветок в процессе развития, цветок, пока ещё несовершенный. Вы когда-нибудь думали, что бутон — это плохой цветок? Посмотрите на того милого ребёнка, чьё простое присутствие радует всю семью, который не может произнести ни слова без улыбки удовольствия у слушателей, и чьи первые шаги — радость матери. Этот ребёнок — человек в процессе развития; он несовершенен в смысле незавершённого человека; вам когда-нибудь приходило в голову, что ребёнок — это плохой человек? Это абсурд.

Но, как мы скоро увидим, здесь речь идёт не только об абсурде. Давайте внимательно рассмотрим с разных сторон доктрину, которую мы сейчас обсуждаем.

Некоторые из наших современников приписывают тому, что они называют современной наукой, теорию о том, что всё есть добро. Чтобы исправить эту анахроничность, я возьму выражение этой теории у греческого философа Александрийской школы. «Без существования Зла, — говорит Плотин, — мир был бы менее совершенным»; и чтобы ни у кого не осталось сомнений в смысле этого утверждения, он прямо включает в число элементов, способствующих совершенству вселенной, и злодейство. Суть доктрины такова: то, что мы называем Злом, — лишь часть Добра, элемент вечной и первичной необходимости для мира. Все ошибки, которые когда-либо затмевали или всё ещё затмевают понимание; вся печаль, что когда-либо разрывала человеческое сердце и продолжает погружать его в скорбь; все преступления, вызывающие ужас, и вся подлость, вызывающая отвращение — всё это добро, условие всеобщей гармонии. Жаловаться на ход вселенной — значит жаловаться на наше незнание. Без существования Зла мир был бы менее совершенен. Рассмотрим эту мысль на нескольких примерах.

Если бы мексиканцы не приносили ежегодно в жертву тысячи человеческих жертв на алтари своих богов; если бы испанцы не завоевали Мексику с помощью отвратительных мошенничеств и беспрецедентной жестокости, мир был бы менее совершенен. Если бы большое число наших собратьев не погружались в состояние постоянного опьянения, мир был бы менее совершенен. Если бы раскопки зарытого города Помпеи не обнаружили те постыдные места разврата, где гладиаторы искали грязные удовольствия перед тем, как рубить друг другу горло ради развлечения народа; если бы там не было найдено других подобных заведений для богатых и более взыскательных развратников, мир был бы менее совершенен. Если бы проститутки не ходили по улицам, добавляя к страстям, уже слишком сильным, искусственные возбуждения порока; если бы отвратительные спекулянты не ставили своей целью разорение бедняков, которые в свою очередь будут разорять других, мир был бы менее совершенен. Продолжим эти примеры.

Было необходимо, вечной необходимостью, что негры Америки не будут освобождены без того, чтобы почва Соединённых Штатов не была политой кровью её граждан и слезами их семей. Было необходимо, вечной необходимостью, и часть Божественного плана мира, чтобы на полях Садовы немцы устилали почву своей общей Родины изуродованными и истекающими кровью телами немецких братьев. Было необходимо, чтобы мы восхищались на Парижской выставке пушками, современным оружием и страшными орудиями разрушения, выставленными там на обозрение, и чтобы мы удивлялись прогрессу общества в поиске столь совершенного способа убивать наибольшее число людей в кратчайшее время. Всё это необходимо и добро. Пьянство и распутство — украшения общества, резня

войны — одно из самых тонких применений ума и силы человека. Можно ли было бы отменить тюрьму и гильотину, если бы не было преступлений, которые их требуют и оправдывают? Чего-то не хватало бы гармонии мира. Продолжим.

Необходимо существование лжи, и лжи самых подлых видов; жестокостей, и самых подлых жестокостей. Необходимо существование богатых, которые бывают чувственными и алчными, и бедных, которые ленивы и полны зависти. Но давайте подумаем о себе, господа, и прошу никого здесь не изучать Проблему Зла, только как она представляется вокруг него, и как вопрос, чуждый самому себе. Без того порока, который давит на нашу совесть, без того греха, который заставляет нас краснеть наедине с собой, без того осквернения — моё выступление будет остановлено; продолжать приводить доказательства — значит оскорблять вас. Против выводов ошибочной философии я с твёрдой уверенностью апеллирую к вашему сердцу, вашей совести и вашему разуму.

Вы спросите, и не без сомнения; но как же возможно, что люди разумные и чувствующие, умные и добродетельные могут поддерживать доктрины с такими чудовищными последствиями? Вот как: эти философы ограничиваются высшими сферами мысли; они смотрят на вещи в масштабах больших, и не снисходят до обычного уровня фактов. В конце концов, они чувствуют, и порой кажется, что признают, что реалии обыденной жизни выше их объяснений. Эти теории, которые оставляют необъясненными обычные факты жизни, ничуть не более применимы к личному поведению даже тех, кто их исповедует. При встречах с другими людьми эти философы, теоретически утверждающие, что всё есть добро, действуют и чувствуют так же, как и мы.

Они осуждают всё, что ранит их совесть; они сердятся, когда их расстраивают; и когда публикуют свои доказательства того, что всё есть добро, жалуются на рецензентов, которые говорят об их трудах нелестно, и ещё больше на тех, кто вообще о них не говорит. Они формируют, вопреки собственным доктринам, суждения: плохое, хуже, и худшее. Для них жизнь и наука — две совершенно разные вещи. Но это различие недопустимо. Ни одна алгебраическая формула не будет считаться верной, если не поддаётся арифметическому применению, и которую инженер не может использовать без того, чтобы не свернуть на неправильный путь; никогда не принимайте философскую теорию за истину, если она не объясняет жизнь и не может быть применена к жизни.

Здесь возникает вопрос очень серьёзного значения, поскольку он касается человеческой совести. Известный писатель недавно сказал в нашем городе, что совесть умерла. Совесть не умерла, господа, и не умрёт, потому что её хранитель — Вечный. Но, не умирая, совесть может заболеть, и доктрины, с которыми я борюсь, способны привести к этому печальному результату. Когда человек придерживается теории необходимости Зла, он неизбежно скатывается к практической терпимости к нему, как в себе, так и в других.

Руководители определённой школы обычно не испытывают последствий своих ошибок, потому что, как заметил Лейбниц, они благодаря своим привычкам жизни и мысли защищены от многих соблазнов жизни. Эпикур, покровитель любителей наслаждений, был человеком почти аскетического воздержания. Император Марк Аврелий, который теоретически признаёт необходимость Зла, по-видимому, не испытывал особых неудобств от доктрины, противоречащей его жизни и часто его произведениям. Но вред наносится среди учеников. Идея необходимости Зла действует на волю и совесть подобно опасному хлороформу, и это пагубное действие может проникать в глубины практической философии.

Однажды священник увещевал преступника, которого желал привести к покаянию, и тот сказал ему: «Что вы хотите, почтенный отец? Все знают, что мы несовершенны». Этот человек путал иерархическое суждение с моральным и перекладывал вину за свои поступки

на несовершенство, присущее каждому существу. Он был двойным отцеубийцей, убившим и отца, и мать. Я не выдумываю, а рассказываю факты. Это крайний случай; но, по крайней мере, на таких примерах можно судить о том, что происходит в обычных случаях.

Я верю в полное согласие совести и разума; но если всё-таки придётся пожертвовать совестью, то, по крайней мере, пусть это не будет на алтарях софистики. Вы утверждаете, что всё есть добро; это ваша доктрина. Вы не можете отрицать, что человечество имеет представление о Зле и считает, что Зло существует в мире. Это мнение приносит много скорби, множество недовольств и жалоб; а вы говорите, что это мнение ошибочно, что наши жалобы беспочвенны, и обещаете вернуть нам спокойствие, вложив в нас истину и доказав, что всё есть добро.

Значит, мы заблуждаемся, мы — то есть человеческий род, раз вы берётесь исправлять наши мысли. Но разве это заблуждение не есть Зло? Это Зло в ваших глазах, потому что вы хотите нас от него излечить. Предлагая лекарство, вы признаёте, что мы больны. Если бы всё было добром, как вы говорите, мы не были бы больны; этого заблуждения о существовании Зла не было бы, вам не нужно было бы его разрушать. Если бы ваша доктрина была истинной, не было бы нужды её доказывать. Сам факт, что вы вынуждены спорить в её защиту, противоречит ей.

Это действительно странный конфликт, резкий контраст, как тот, который представляет нам стонущая человечность, и эта философия, провозглашающая, что всё есть добро. Здесь нам преподан важный урок. Необходимо доказывать реальность Добра перед лицом опыта; необходимо демонстрировать разумным людям существование Зла. Потому что разум, который, как мы сказали, становится выражением всеобщей совести, высшего закона долга, направлен на то, что должно быть, тогда, как опыт показывает, что есть на самом деле. Как же так получается, что то, что есть на самом деле, не соответствует тому, что должно быть?

Вот в чем суть проблемы зла; но она не решается отрицанием одного из её терминов. Мир таков, каков он есть; ложная этикетка не изменит природы вещей. Украсьте венком из апельсиновых цветов лоб дурной девушки, напишите на спине справедливо осуждённого преступника «честь и добродетель» — вы не вернёте первой её девственной чистоты, не восстановите невиновность последнему. Вот Зло; бесполезно вам говорить, что это добро — вы не поверите, и часто даже тон вашего голоса выдаёт вас:

> Все благо! Вопите вы в несчастном исступленье.
> Но вся вселенная и сердце сотни раз
> Отвергли вашего рассудка заблужденье.
> Ведь на земле есть зло, и в прошлом и сейчас.

Зло есть на земле. Давайте не просто признаем это, давайте провозгласим это; пусть это будет наша сила, наша радость, наша надежда. Понимаете ли вы весь ужас, заключённый в отрицании Зла, все страшные последствия утверждения, что всё есть добро? Всё-таки есть мир, и как бы некоторые философы ни говорили о нём, он есть — со своими ошибками, недостатками и несчастьями. В чём же дело? Сказать, что Добро достигнуто — значит запретить нам воображать любое иное состояние вещей, кроме существующего, значит лишить нас идеала во всех смыслах этого слова.

Сказать, что нет ничего, чего можно было бы ждать сверх порядка вещей, знакомого нам, — значит лишить нас всякой надежды и разбить наши сердца. Провозглашать, что всё хорошо устроено, значит мучить разум, ибо разум представляет себе порядок лучше того, который нам известен. Утверждать, что грех есть добро (они стараются избегать говорить это прямо, но это утверждение ясно содержится в их учении) — значит оскорблять совесть и, если бы это было возможно, уничтожать её.

Что же мы нашли до сих пор? Системы и теории; и против чего они восстают? Против голоса Божьего, который говорит нам из глубин нашей природы; ибо именно Творец нашей природы повелевает нам называть Зло Злом, повелевает противостоять ему и освещает горизонт души священной надеждой на Добро. Это, значит, борьба ложной мудрости против Бога и против человечества. Высказывания Вольтера часто плохи, а иногда очень плохи, но это, без сомнения, было сказано хорошо:

Настанет день, когда все будет благо, - вот
Надежда наша; благо все - вот заблужденье!
Мне лгали мудрецы, и прав один лишь Бог

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ — ПРОБЛЕМА

вернуться к содержанию >>>

Господа, — Добро является основным планом, или порядком вселенной, Зло же — это нарушение этого плана, беспорядок. Откуда же берётся этот беспорядок? Как так получается, что существует то, чего не должно быть? Как случается, что порядок, выражающий волю Всемогущего, не осуществляется? Вот вопрос, который нам предстоит решить. Важно точно определить смысл, объём и пределы этого обсуждения.

Моей целью не является исследование истории Зла, способа его передачи, размножения и продолжения; я ищу его происхождение и причину. Когда один из ваших ближних даёт вам плохой совет, и вы ему следуете, это — возможность для проявления и усиления Зла, но это не его причина, не его первоисточник. Тот факт, что плохой совет принимается, подразумевает наличие принципа Зла в том, кто его даёт, и в том, кто его принимает. Искушение извне — только искушение, потому что оно пробуждает отклик в душе. По этой причине вопрос о бунтующем духе, игравшем роль искусителя человечества (вопрос серьёзный и не для поверхностных умов), не входит в сферу нашего исследования; он относится к истории Зла и не касается вопроса о его происхождении.

Предположим, что натуралист докажет, что зачатки жизни были занесены на нашу планету в результате контакта с другим небесным телом, где жизнь уже существовала; это будет важное открытие для истории жизни, но не прояснит её происхождение. Точно так же обстоит дело с вопросом, который мы рассматриваем. Мы спрашиваем: Откуда берётся Зло? Искуситель дал человеку возможность совершать Зло, но прежде чем сделать это, он должен был быть злым. Человек откликнулся на призыв искусителя; для этого в нём уже должно было быть семя искушения. Почему же искуситель был злым? Откуда взялось семя искушения в человеке? Вопрос возвращается, но не решается. Чтобы решить его, исходя из сведений об искусителе, нам пришлось бы признать, что он по природе плох; иными словами, пришлось бы признать существование вечного принципа Зла.

Это — дуалистская доктрина, признающая два начала во вселенной. Такая доктрина встречается у персов в религиозной форме; у греков и некоторых современных авторов — в метафизической форме. Но история религии и философии показывает, что разум постоянно стремится освободиться от дуализма и политеизма, чтобы принять концепцию единого принципа мира. Религиозный дуализм почти не проявляется, кроме как в некоторых сравнительно малозаметных сектах. Влияние греческой философии до сих пор слишком велико и сохраняет следы философского дуализма в современной метафизике. С момента установления христианского догмата идея существования двух вечных начал исчезла из главного потока человеческой мысли.

Изучение логики вполне объясняет этот факт. Внимательное наблюдение за различными процессами мышления ясно доказывает, что общий закон мысли — искать единство в многообразии. Мы не можем строго доказать единство принципа вещей, потому что это

единство — основа разума и общий фундамент всякого доказательства. Предположение о вечном начале Зла будет, таким образом, в нашем исследовании отброшено как исторически, так и логически осуждённое самим развитием человеческого разума, познающего свою природу.

Сегодня мы рассмотрим некоторые ложные решения, которые кажутся отвечающими на поставленный вопрос, но на самом деле его не решают; затем отметим неполное решение, содержащее часть истины, но не объясняющее всего; наконец, обозначим общие характеристики Зла, чтобы в заключение изложить истинное состояние вопроса. Ложное решение — неполное решение — характеристики Зла — таков будет ход нашего размышления.

I. ЛОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

вернуться к содержанию >>>

Решения, которые я называю ложными, все одного характера. Они не заходят дальше случаев, позволяющих Злу проявиться, или агентов, через которых оно передаётся, и таким образом вводят ум в заблуждение: он воображает, что нашёл в них истинную причину и подлинное начало Зла.

Так, например, считалось, что проблема решается утверждением, будто тело есть источник Зла, а ум, сам по себе добрый, развращается через соединение с материей. Несомненно, тело становится поводом ко многим злодеяниям; оно является вместилищем чувственных влечений — что общеизвестно, — и тщательное изучение связи между физическим и нравственным в нашей природе может даже привести к признанию, что все наши страсти имеют своим основанием телесные органы, включая и те, которые не находят удовлетворения в материальных удовольствиях. Эти наблюдения важны для истории проявлений Зла; они полезны также и в практической жизни, поскольку указывают на путь улучшения нравственного состояния посредством правильной телесной дисциплины.

Но они не дают ответа на вопрос об истоке Зла. Само по себе тело не является злом; ничто не проще для представления, чем хорошо упорядоченное, духовное тело, то есть такое тело, которое служит орудием духа, а не порабощает его извращённым влечениям. Даже когда доказана физическая природа наших склонностей, всё ещё остаётся вопрос: почему связь между душой и телом устроена так, что душа подчиняется телу? Проблема этим даже не затрагивается.

Стоит рассмотреть более подробно другое мнимое решение — учение, которое ищет источник Зла в общественных учреждениях. Это учение присутствует в зародыше, в неясной форме, в немалом числе умов; но оно находит своё полное выражение в системе знаменитого человека — Шарля Фурье. Постройте фаланстеры, дайте простор для осуществления социальной гармонии — и вы увидите рай на земле. Источник Зла кроется в учреждениях; правильные учреждения устранят все страдания, на которые мы жалуемся.
(Фаланстеры (от фр. phalanstère) — это утопические сообщества, придуманные французским социалистом Шарлем Фурье (1772–1837), как основа нового гармоничного общества, в котором будет устранена бедность, эксплуатация и конфликты.) Прим. Ред.

> «Земля, после многих бед и войн,
> Становится невестой неба,
> И по закону, что звёздами правит,
> Даруется людям мир».
> — Беранже, Сумасшедшие (Les Fous)

Не желая опорочить серьёзную сторону идей Фурье с помощью насмешки, я всё же позволю себе показать, к чему ведёт крайнее применение его принципа. Часто жалуются на непослушание детей. Один фаланстерианец, Виктор Консидеран, если не ошибаюсь, дал безошибочный рецепт для устранения этих жалоб: никогда не приказывайте детям ничего, кроме того, что им приятно, — и они всегда будут слушаться. То есть: уничтожьте саму заповедь — и вы уничтожите непослушание; разрушьте институт власти — и не останется места для Зла мятежа. Решение простое — но хорошо ли оно?

Рассмотрим это учение в его общем смысле. Какую роль играют учреждения в существовании Зла? Вопрос важный, и истина здесь должна идти средним путём между двумя ошибками, которые полезно обозначить.

Мыслители, которых я назову моралистами, утверждают: «Люди — всё; учреждения — ничто. С хорошими людьми все учреждения хороши; но даже лучшие учреждения будут испорчены плохими людьми». Таково мнение моралистов. Однако это мнение не соответствует истине. Учреждения могут быть источником, как Добра, так и Зла. В семье, например, многоженство или римская практика развода, превращавшая брак во временное сожительство, — вещи не безразличные. В обществе, например, институт рабства — вещь не нейтральная. Конечно, если бы все рабы были совершенными, а все хозяева — безупречными, общество, основанное на рабстве, могло бы быть счастливым; но рабы не совершенны, как и господа, — и рабство далеко не безвредно для человечества в его нынешнем виде.

Недавно один человек взял в руки перо, чтобы подписать публичный указ. Одна эта подпись должна была превратить двадцать миллионов крепостных, прикреплённых к земле, в свободных людей. Хотели бы вы подойти в тот торжественный момент к Императору России и сказать ему: «Государь, вы навлечёте на себя множество хлопот; вы создадите огромные трудности в управлении империей; вам предстоит пройти через тяжёлый кризис — и ради чего? Что за дело до учреждений? Пусть дворяне будут добры, и крестьяне будут счастливы».

Не сомневаюсь, что в каком-нибудь завуалированном виде такие доводы были представлены императору Александру. Он их не принял — и вы, как и я, сочтёте, что хорошо поступил. Свободные учреждения развивают в народе чувство собственного достоинства, тиранические — склоняют к унижению. Справедливые законы питают чувство справедливости, несправедливые — чувство угнетения. Есть миролюбивые институты, пробуждающие взаимную доброжелательность, есть воинственные, вызывающие ненависть, вражду и всякие злые страсти. Никогда не следует выступать против спасительных реформ под предлогом, будто «люди — всё, а учреждения — ничто». Эта ошибка моралистов ведёт к печальным практическим последствиям: в общественной борьбе обструкционные консерваторы хватаются за неё, как за оружие против всяких полезных улучшений в государстве.

Учреждения действительно способствуют либо Добру, либо Злу; но совершенно очевидно, что они не являются корнем ни Добра, ни Зла. Приписывать им абсолютную нравственную силу — это ошибка людей, которых я назову политиками.

Этой ошибкой политиков ловко пользуются страсти революционеров, и она порождает вместе с революциями то горькое разочарование, которое почти всегда следует за ними. Люди надеялись, что смена учреждений позволит добраться до самого источника Зла, и с болью обнаруживают, что Зло возникает снова — в новых учреждениях, какими бы они ни были. Прежде льстецы окружали трон монарха; трон свергнут — и вот лесть вновь появляется, она обращается теперь к народу-победителю с тем же низкопоклонством, той

же вероломностью и с тем же фатальным успехом, с каким раньше обращалась к венценосному владыке. Революционеры, цель которых — получить выгодные должности, могут достичь этого через политические потрясения; но благородные умы, ожидавшие, что политические перемены уничтожат злоупотребления, всегда вынуждены проливать слёзы над своими несбывшимися надеждами. Не углубляясь в историю далее 1830 года, послушайте, что думают некоторые французы, принимавшие участие в революции того времени, — и что они говорят теперь.

Смена политических учреждений может быть полезна, но может и вредна; однако источник Зла кроется не в них. Ведь за учреждениями стоят люди, человеческая природа — и здесь-то моралисты оказываются правы.

Разъясним эту мысль на примере. В наше время много говорят о кооперативах и рабочих ассоциациях. Я не совсем вправе высказывать мнение по этому вопросу, но всё же осмелюсь сказать, что, по моему мнению, в этих формах заключено зерно и предвестие лучшего будущего для нашего больного общества. Однако совершенно очевидно, что если вы организуете кооперацию лентяев и ассоциацию расточителей, то не добьётесь ни трудовой, ни экономической эффективности. Поэтому необходимо трудиться над исправлением людей, и прежде всего — чтобы каждый начал с себя. Требования общественных реформ особенно ценны, когда исходят от тех, кто добросовестно трудился над личной нравственной реформой.

Существует предубеждение в этом отношении (я говорю — предубеждение, потому что лучшие советы порой исходят от тех, кто поступал хуже всего и, через противоположный опыт, глубже других осознал преимущества Добра), — но всё же существует весьма естественное предубеждение против того, чтобы прислушиваться к мнению банкротов по вопросу финансовой реформы; так же и мнение праздных людей о реформе труда вряд ли вызывает особое доверие. За всеми учреждениями всегда стоит человеческая природа, и даже лучшая социальная система даст сбой, если она вверена в руки дурных людей.

Но, в свою очередь, откуда происходят и эти учреждения, за которыми скрываются люди и их природа? Они ведь не свалились с неба, как лист Корана; они не вырвались из недр земли, подобно лаве Этны. Они рождаются из самой жизни человечества, и в их истоках — при допустимом учёте влияния внешней среды — всегда можно найти идеи и желания, которые их породили. Эта внутренняя связь обычно скрыта от нас туманом прошлого; но иногда она видна ясно. Вот пример: Америка недавно была залита кровью, чтобы уничтожить рабство. Откуда возникло американское рабство? Мы знаем его истоки: мы можем назвать алчные чувства и злые желания, которые его породили. Его происхождение, его пагубные последствия, его кровавый конец — всё это открыто перед нами в ясном свете истории. Если мы не можем столь же отчётливо проследить к дурным чувствам и желаниям каждое пагубное учреждение, то причина лишь в недостаточности наших исторических знаний.

Учреждения не создают Зла — вот ошибка политиков; но они передают и усиливают как Зло, так и Добро — и вот здесь заблуждаются моралисты, полагая их безразличными.

Ошибку моралистов и ошибку политиков можно проиллюстрировать следующим образом. Один человек работает, поднимая камень с помощью улучшенного рычага. Назначение рычага — передавать усилие, и в передаче его — усиливать. Мимо проходят двое. Один говорит: «Если у тебя есть сильная рука, то рычаг тебе не нужен; в конце концов, всё решает рука, а рычаг — ничто». Это — моралист. Другой говорит: «До чего же техника дошла! Скоро у нас будут такие прекрасные машины, что руки больше и не понадобятся». Так рассуждает политик. Оба ошибаются. Надо и улучшать машины, и укреплять руки —

тогда дело пойдет, как следует. Или, перенеся образ на наш предмет: нужно стараться сеять и взращивать в себе и другие семена Добра, чтобы появлялись разумные и нравственные люди. Такие люди будут создавать и улучшать учреждения, а учреждения, в которые проникнут принципы подлинной свободы, справедливости и человеколюбия, будут, в свою очередь, развивать разум и нравственность, — и эти добрые плоды вновь приведут к лучшим учреждениям. Таков практический вывод, вытекающий из предыдущих размышлений.

Мы теперь подходим вплотную к главному вопросу. Плохие учреждения служат средствами для передачи и усиления Зла; но искать в них источник Зла — очевидное заблуждение. Вы легко узнаете те же черты в других решениях, которые встретятся вам в беседе или в чтении. Укажут на повод, усиливающий или передающий Зло, и вообразят, будто обнаружили его подлинный источник.

Перейдём теперь к неполному решению.

II. НЕПОЛНОЕ РЕШЕНИЕ

вернуться к содержанию >>>

Поскольку порядок — основа мироздания, как мог возникнуть беспорядок? Чтобы было подлинное начало, необходима причина, производящая сила, словом — свобода; ибо там, где ничто не нарушает порядок, может быть только продолжение уже существующего; строго говоря, ничего не начинается.

Свобода! — это избранное слово современного общества, но не слово современной науки, как, впрочем, и науки вообще. Науке всегда с величайшим трудом даётся признание существования свободы, и вот почему: наука стремится восходить от одной идеи к другой цепью рассуждений, которые объясняют причину существования каждой вещи. Научный дух, в сущности, формировался главным образом — от древности до наших дней — в изучении математики и естественных наук. А в предметах, охватываемых математикой и естествознанием, не существует элемента свободы. Отсюда возникло широко распространённое представление об универсальной науке, как мы замечали в предыдущей лекции. Если наука, познана таким образом, — это универсальная наука, тогда необходимость господствует во всей вселенной, ибо везде, где проявляется логическая необходимость, нет места для свободы.

Один безбожный учёный однажды сказал: «Если бы Бог существовал, нить науки была бы навсегда разорвана». То есть, когда мы подходим к Верховной Воле и на вопрос «Почему это так?» получаем ответ: «Потому что Бог так захотел», — тогда рассуждение прерывается перед этой свободной причиной. Вот почему науке так трудно признать божественную свободу. Для неё Бог — это преграда, сдерживающая её в рамках логической цепи собственных рассуждений. Но если Бог ей мешает, то и человек мешает не меньше. Если в человеке есть хоть какой-то элемент свободы, то всякий раз, когда мы хотим объяснить его действия, нам придётся искать причину его поступков, по крайней мере, отчасти, в свободном решении его воли. Если бы все действия человека можно было бы объяснить цепью необходимых рассуждений, в человеке не было бы никакого принципа свободы. Но если в человеке есть какой бы то ни было принцип свободы, — каким бы слабым, ограниченным и скудным он ни был, — тогда в человеческих поступках присутствует элемент, который ускользает от всех формул, применяемых в математике.

Более того, философы, отрицающие божественную свободу ради науки, согласно их представлениям о ней, вынуждены также отрицать и человеческую свободу и утверждать, что все факты общественной жизни — это не что иное, как чистый механизм. Они так

говорят; но вот в чём нелепость их позиции. Многие из этих людей участвуют в политической жизни и примыкают к лагерю сторонников свободы. В научных трактатах они утверждают, что человеческая свобода — это химера; в газетах и парламентах они выступают в роли защитников свободы! Подобно Жаку из комедии Мольера, им приходится менять одежду своих мыслей в зависимости от занятий. Они не всегда могут не замечать этого противоречия, и его осознание, без сомнения, поспособствует торжеству истины. Это столь же ложное представление, как и то, которое отрицает — в силу самого понятия науки — всякий элемент свободы во вселенной, как в Боге, так и в человеке. Созерцая механизм материи, и распространяя его на духовный мир, человек забывает самого себя; и можно сказать, что если эгоизм — это сущность нравственного зла, то забвение самого себя — это сущность великих философских заблуждений.

Стоит только обратить внимание на сферу нравственных и социальных явлений, и включить факты совести в область науки, тем самым признать, что акт добровольного существа сам по себе может служить объяснением и причиной бытия вещи, как мы сразу же откажемся от попыток сделать из методов математиков и естествоиспытателей универсальный метод познания и станем сторонниками учения о свободе. Отрицание свободы вообще не допускает даже постановки проблемы, которая нас занимает, ибо там, где всё предопределено, не может быть различия между тем, что есть, и тем, что должно быть. Но как только признаётся идея свободы, сразу же встаёт проблема зла, и открывается путь к поиску её решения.

Я собираюсь изложить теперь то решение, которое я называю неполным; а затем отличу ту его часть, которую считаю истинной, от другой, которую не могу принять.

Свобода включает в себя возможность зла. Действительно, существо, поставленное под закон, но не способное ни исполнять, ни нарушать его, — не свободно. Свободное существо по самой своей природе способно на зло. Требовать, чтобы существо было неспособно на зло, — это значит требовать, чтобы оно не было свободным. Быть способным — вот величие свободного существа; сила — это печать и образ всемогущего Бога в человеке. Быть способным на зло — это печать твари, ибо существует лишь одна воля, столь тождественная добру, что предположить её злой — значит впасть в противоречие (для философа) или в богохульство (для верующего).

Если свободное существо восстаёт против закона, то эта мятежность не имеет иной причины, кроме воли, которая её производит. Возможность мятежа, заключённая в идее свободы, ещё не есть осуществление зла. Причина его — это решение свободной воли, нарушающей закон. Искать другую причину — значит отрицать свободу и неправильно понимать самую сущность нравственных явлений.

Восстание воли против закона есть грех — первичная форма зла. Грех производит заблуждение. Если вы обманываетесь, это всегда по вашей вине. Никогда не утверждайте того, в чём вы не убедились; воздерживайтесь от суждения, пока не представлено доказательство, и вы никогда не впадёте в заблуждение. Интеллектуальная ошибка всегда происходит от вины воли, которая позволяет рассудку делать поспешные и безосновательные суждения. Моральная ошибка также влечёт за собой вину заблуждающегося. Если вы не удосуживаетесь прочесть закон, написанный в вашей совести, вы виновны в небрежности. Если ради оправдания дурных влечений вы заволакиваете естественный свет софистикой, вам может и удастся заслонить закон от разума; но это незнание закона, поскольку оно было вызвано вашей собственной волей, не будет для вас оправданием.

Грех, породив заблуждение, влечёт за собой страдание. Здесь вступают в силу те оправдания страдания, о которых мы уже говорили ранее, и достаточно лишь напомнить о них. Едва грех и заблуждение вторгаются в мир, как страдание возникает, чтобы предупредить, исцелить и наказать; оно проявляется как нечто справедливое и благотворное.

Подведём итог рассуждению. В основе вселенной лежит порядок, выражение Божественной воли. Зло происходит от неправильного использования свободы. Возможность зла заложена в самой идее свободы, и потому невозможно вообразить свободное существо, не способное на зло, кроме Бога. Что же скажем мы о свободе самой по себе? Является ли она злом? Нет, она — больше, чем добро; она — необходимое условие всякого добра, ибо является условием существования духа. Станем ли мы упрекать Бога за то, что Он создал духов, то есть свободных существ? «Что же! — восклицает Руссо, — чтобы не быть злым, надо было бы, чтобы человек был доведён до животного состояния, лишён инстинкта, стал бы скотом? Нет, Боже мой, никогда не упрекну Тебя за то, что Ты создал меня по Своему образу, чтобы я был свободным, добрым и счастливым, как Ты».

Таково, господа, решение, которое я называю неполным. Теперь различим его стороны.

Искать происхождение зла надо в акте созданной воли; это общее утверждение всякой духовной философии, которая понимает свои собственные принципы. Эту часть решения я принимаю и защищаю. Но предложенное решение предполагает, что всё происхождение зла объясняется индивидуальными актами добровольных существ, что объяснение всех грехов, страданий и беспорядков нужно искать в злоупотреблении свободой — нашей собственной или чужой. Этой части решения я не принимаю. Это — отличительная черта того учения, которое я назову индивидуализмом, и которое, как я утверждаю, неполно. Мы поймём его недостаточность, когда рассмотрим характерные черты зла.

III. СВОЙСТВА ЗЛА

вернуться к содержанию >>>

Зло, в той мере, в какой оно становится объектом нашего наблюдения, обладает двумя главными свойствами: во-первых, оно всеобщее; во-вторых (простите за грубоватость выражения, но я не нашёл более подходящего) — оно существенное (эссенциальное). Всеобщность зла, существенность зла — вот две идеи, которым мы теперь уделим внимание.

Всеобщность зла

Всеобщность заблуждений почти не подлежит сомнению. Ни одна из наук, за исключением, быть может, чистой математики, не развивается просто путём накопления известных истин, светлого и непрерывного прогресса — как это должно было бы быть в нормальных условиях. Науки растут, опровергая заблуждения, предрассудки, ложные теории и обманчивые положения, которые, так сказать, составляют общий фундамент, и основной поток человеческой мысли. Этот факт столь очевиден, что некоторые философы, принимая общее выражение существующего за формулу должного, утверждали: якобы разум по своей природе достигает истины через посредство заблуждения.

Общераспространённость страдания также не подлежит сомнению. Жалобы на страдания звучат повсюду в нашей повседневной жизни. Если мы обратимся к великому голосу человечества, в котором оно само свидетельствует о своём состоянии — то есть к литературе, — мы легко признаем преобладающе печальный её тон. Я не забываю о поэзии Анакреона и всём семействе беззаботных певцов, но эти голоса — лишь редкие и

мимолётные ноты, перемежающиеся с мощной и мрачной гармонией. Суд человека о жизни — печален; и если он не опирается на твёрдую веру в Добро, а значит, в Бога и в бессмертное будущее, то это суждение почти всегда окрашено отчаянием. Послушайте лишь эту цитату, к которой можно было бы легко прибавить сотни других — из писателей всех времён и народов. Слова принадлежат Цицерону: «Наивысшее счастье — никогда не родиться, чтобы избежать всех опасностей жизни; но если уж родился, то наивысшее счастье — умереть в ту же минуту и уйти от судьбы, как спасаются от пожара».

Я не стану упорствовать в моих доказательствах, этот факт слишком хорошо установлен. Гораздо важнее, чем перечислять бедствия жизни, — помнить о её благах, которые мы часто теряем по собственной вине. Вместо того чтобы жаловаться, нужно искать счастье в тех источниках, которые так свободно открыты перед нами. Это ясно указывается нам. Но, когда мы — наученные возрастом и опытом — обращаем на это внимание, зачастую это лишь пробуждает в нас запоздалое сожаление об утраченных радостях, и тем самым прибавляет ещё одну каплю в океан человеческой скорби. Перейдём теперь к всеобщности греха.

Прежде всего, необходимо договориться о смысле слова «закон», которое нам предстоит употреблять. То, что мы называем законом в отношении природных явлений, — это общее выражение фактов. Закон тяготения, например, выражает общий факт: тела притягиваются к центру земли. В этом порядке вещей факты всегда соответствуют закону (если сам закон верен), потому что в материи нет ни принципа действия, ни произвола, ни мятежа. В духовном мире закон — это заповедь, выражение того, что должно быть; и поскольку заповедь обращена к свободным существам, факты могут, как соответствовать ей, так и не соответствовать. Следовательно, существуют законы, выражающие общее положение дел (то, что есть), и законы, выражающие должное (то, что должно быть). Первые осуществляются в природе; вторые — предлагаются воле в моральном мире.

Тем не менее, в нравственном мире могут существовать законы, выражающие общие факты; но эти законы уже не будут абсолютными, как в природе: они допускают — или всегда могут допускать — исключения. Например, есть люди, которые постятся, но, несмотря на это, фактический закон таков: человек ест, когда голоден, потому что так обстоит дело в большинстве случаев. Есть матери, которые убивают своих детей, но это не мешает нам говорить, что фактический закон состоит в том, что матери заботятся о детях, поскольку так происходит в большинстве случаев. Это означает, что для оценки масштаба греха нужно сначала определить закон долга — то есть заповедь; затем — фактический закон, или обычай; и, сравнив оба, сделать вывод. Если фактический закон, за вычетом исключений, согласуется с законом долга — мы скажем, что состояние дел хорошее. Если же в подавляющем большинстве случаев фактический закон противоречит закону долга — мы скажем, что состояние дел плохое.

Каково же положение человечества в этом отношении? Начнём с начала, когда человек рождается. Остановимся на этом явлении — рождении. Размножение человеческого рода было вверено инстинкту, общему для человека и животных. Этот инстинкт сопровождается другим, в котором духовная природа сохраняет свои права и достоинство — скромностью; и охраняется законом — законом целомудрия. Я беру это слово в общем смысле, который ему придаёт наш язык: целомудрие применимо как к супруге, так и к девушке, как к отцу семейства, так и к юноше. Инстинкт продолжения рода ведёт к союзу полов, и моральный закон, касающийся этого союза, нам известен — в его условии, цели и последствиях.

Условие — чтобы союз тел был вызван и оправдан союзом душ, свободным и подлинным согласием: это сердце в законе целомудрия. Цель — передача жизни, и связь средства с целью очевидна: это разум в законе целомудрия. Последствие — совместное участие отца

и матери, что предполагает устойчивый союз, необходимый для того, чтобы материнская нежность и серьёзные обязанности отцовства объединились в нравственном, умственном и физическом воспитании ребёнка: в этом заключается роль совести в законе целомудрия. Господа, разве это не так?

Не спрашивайте себя, строг ли этот закон, мягок ли он, легко ли его соблюдать в нынешнем состоянии нашей природы: не в этом дело. Вопрос в том — является ли это законом? Можем ли мы вообще думать иначе? Хотите убедиться, что этот закон — добр? Не превращайте его в моральный вопрос, потому что, стоит упомянуть мораль, как тут же всплывают социальные обычаи, а вместе с ними и представление о правиле, которое их регулирует, — а при одном упоминании о правиле страсти всегда готовы возмутиться и начинают метаться по кустам идей, чтобы вспугнуть какой-нибудь софизм.

Посмотрите, как человечество рассуждает всегда одинаково на эту тему, всякий раз, когда оно подходит к предмету, не привлекая нравственности. Никто не сомневается в том, что свободное согласие является законным условием союза полов. Идея насилия вызывает ужас; уголовный кодекс предусматривает наказание за него; и всякое принуждение — а ведь есть и другие виды принуждения, помимо физического — вызывает порицание и отвращение. Свободное согласие в этом вопросе — аксиома всех наших проповедей и само собой разумеющееся условие всех романов и поэзии. Что касается цели — откройте первый попавшийся физиологический трактат, и вы найдете, что функции, связанные с поддержанием и сохранением индивида, и функции, направленные на воспроизводство вида, различаются совершенно определённо и без всяких колебаний. Наконец, что до последствий, то экономисты исходят из идеи, что нельзя приводить детей в этот мир, не принимая на себя обязанность заботиться об их содержании; и гражданское право, в той мере, в какой оно применимо, становится, по сути, органом совести, возлагая на родителей обязанность содержать и воспитывать своих детей.

Христианская мораль не столько внесла новые идеи в этот вопрос, сколько собрала воедино и запечатлела божественной печатью то, что, по разуму, действительно является законом природы. Этот закон, хотя и нарушаемый обычаями и учреждениями, а также выработанными в их оправдание правилами, тем не менее всегда был различим — куда яснее, чем это принято считать — всеми людьми, пытавшимися расшифровать письмена, начертанные в совести и разуме человечества. Даже в самые худшие времена — например, в эпоху упадка Римской империи, когда общество оказалось в ужасающем разложении, — некоторые языческие авторы с поразительной ясностью и строгостью излагали обязанности целомудрия.

Итак, закон долга нам известен. А каков фактический закон? Напомню: в области свободы не существует неизменных законов. Есть люди, противостоящие соблазнам плоти и сохраняющие чистоту. Сомнение в этом факте уже само по себе есть наказание. В одном из наиболее ярких произведений современной литературы один из самых известных жертв страстей — Альфред де Мюссе — изобразил мучения развратника, которого терзают ужасные подозрения, делающие его отвратительным самому себе, и который с горечью признает, что по собственной вине утратил способность верить в чистоту. Закон не является фатальностью.

Вот обычный случай. Человек, подверженный страстям, подвергается искушениям жизни. Его совесть предупреждает его, но у него не хватает мужества ей повиноваться. Нездоровое любопытство толкает его на зрелища, возбуждающие плотские желания, заставляет прислушиваться к обольстительным речам, склоняет к чтению страниц, оставляющих на уме несмываемые пятна. Осквернённое воображение заражает его чувства; он погружается в порок, а затем обвиняет в случившемся природу, а может быть, и прибегает к науке, чтобы

оправдать неизбежность тех отклонений, жертвой которых он стал по собственной воле. Послушаем, что говорит по этому поводу человек, имевший право высказываться, потому что он боролся и победил: «Когда человек не прилагает усилий, чтобы обуздать свои страсти, он утешает себя мыслью, будто его пороки неизбежны, и облекает свидетельство развращённого сердца в одежды науки». (Лакордер)

Не существует никакого необходимого закона, обрекающего нас на нечистоту. Но каков общий закон в этой области, если судить по обычной практике человечества? Разве младенчество совершенно чисто, юность действительно целомудренна, и дети рождаются от союзов истинной чистоты и воспитываются в безупречном домашнем очаге? Обратимся к собственной жизни и к тому, что мы знаем о жизни других; обратимся к истории. Это — весьма распространённый грех; народы беспрепятственно нарушают этот закон, а их вожди, по-видимому, иногда, словно специально используют ореол своей высокой позиции, чтобы продемонстрировать потомству выдающиеся прелюбодеяния и знаменитые развращённости.

Закон нарушается — и как он мстит за себя! Сколько могил открывается преждевременно из-за этого порока! Сколько здоровья разрушено, тело разложено, разум омрачен! Чем ближе вы подходите к истоку жизни, тем ощутимее восходят оттуда испарения смерти. Надёжной статистики по этому вопросу не существует, но я не думаю, что ошибаются те, кто считает: один только разврат уносит больше жизненной силы человечества, чем война, мор и голод вместе взятые.

На этом мы завершаем первую главу нашего исследования — ту, что касается начала индивидуальной жизни. Но человек, родившись, должен питаться. Как обстоит дело в этом отношении? Закон питания нам известен. Пища и питьё предназначены для поддержания сил тела и разума. Мы не станем здесь повторять доводы траппистов; здесь есть элемент общительности, который следует учитывать. Семейный стол — место встречи отца, матери и детей. Если заходит друг и присаживается за стол, немного большее старание в приготовлении трапезы — это знак сердечности и гостеприимства, не заслуживающий осуждения. Если в день общего праздника в умеренном количестве употребляется благородный напиток, который придаёт бодрость уму и наполняет сердца гостей радостным теплом — в этом нет ничего порочного.

Но когда чрезмерность в пище утомляет и разрушает силы вместо того, чтобы их восстанавливать, когда вино парализует разум вместо того, чтобы бодрить его для законной деятельности, тогда возникает беспорядок и зло. Каков же здесь фактический закон? Мы не говорим о вопиющих случаях пьянства и распущенности, которые творят опустошение в нашей стране. А каковы обыкновенные привычки в приёме пищи? Общая практика — это излишество; по-настоящему воздержанные люди — исключение. В большинстве случаев мелкие ежедневные излишества утомляют органы тела, ослабляют силы и понемногу подтачивают жизненные источники. Слишком часто животное в человеке убивает человека — а, в конце концов, и само себя.

Продолжим ли мы наше исследование? Перейдём ли к законам истины, справедливости и доброжелательности? Господа, вы вполне способны продолжить это размышление без моей помощи. Перед лицом закона, всего закона — где праведники? Нет ни одного. Мы можем утверждать не только всеобщую распространённость греха как итог нашего исследования, но и его универсальность. Все грешат не в равной степени. Так же как добродетель имеет степени, так и преступление. Все не нарушают всех нравственных законов, но найдётся ли человек, который не нарушает многие из заповедей, составляющих весь закон? Нет — грех универсален. Это одна из тех истин, в которых почти никто не

сомневается — особенно когда речь идёт о других; но здесь мы должны сделать важное различие.

Мы говорим о морали совести, которая стоит перед лицом Бога, Законодателя. Существует иная мораль — мораль общества. И я говорю сейчас не о порочной морали света, а о социальной морали, которая хороша, законна и должна быть всеми силами защищаема. Общество судит каждого своего члена по поступкам, потому что оно не знает его побуждений; и оно судит о поступках в их отношении к правам других. С этой точки зрения, одни люди добродетельны, другие — менее, третьи — вовсе нет; и это различие вполне обоснованно. Есть люди, которым уместно опускать глаза на людях, и ещё уместнее — вовсе не показываться, потому что они совершили открытые поступки, ранившие общественное сознание.

Есть и другие, которые могут с поднятой головой ходить среди людей, которые имеют на это право, и для которых иногда является даже долгом — выступить против насилия и с законным негодованием и справедливым жаром отразить нападки клеветы. Если пренебречь этим различием между моралью совести и моралью общественной, мы получим приторную покорность, которая, даже если и искренна, нередко доходит до грани, обрисованной бессмертным стихом Мольера в образе Тартюфа. Есть люди, имеющие право требовать от своих ближних признания их добродетели; но тот, кто заглядывает в своё сердце и встаёт перед лицом абсолютного закона, который судит намерение не меньше, чем поступок, и не ограничивается лишь социальными отношениями, тот увидит в своей душе все зародыши зла и признает, что, возможно, только отсутствие случая удержало его от фактического преступления.

Когда вы общались с преступником и узнали его историю, разве вы не задавали себе вопроса: если бы вы оказались в тех же обстоятельствах, не стали бы вы тем, кем он стал — а может, и хуже? Разве вы не представляли себя мысленно в определённом искушении — и не чувствовали, как по телу пробегает дрожь? В школе совести добродетельный человек — тот, кого таковым считают окружающие — учится трём вещам: благодарности к Богу, который уберёг его от больших искушений; снисходительности к ближним — и строгости к самому себе.

Мы все вовлечены в грех; что же тогда сказать о тех, кто считает себя безупречными? Допустим ли их в качестве исключений из общего правила? Если человек называет себя безупречным не только с социальной точки зрения — например, потому что он никогда не совершал кражи или убийства и не говорил наглой лжи — но в глубоком, моральном смысле этого слова; если человек назовёт себя безупречным в этом смысле, я бы спросил мнение его жены, детей, соседей, и обнаружил бы, что они упрекают его во множестве вещей, но прежде всего — в его невыносимой гордости. Когда Иисус из Назарета рассказывал притчу, в которой одобрял смиренного мытаря, бьющего себя в грудь, и осуждал фарисея, благодарящего за все свои добродетели, это был не Сын Божий, открывающий нам неизвестную истину, а Сын Человеческий, который, будучи голосом человечества, выразил суд совести о тех гордых, безупречных людях, которые с высот своей добродетели смотрят с презрением на грешников вокруг.

Всеобщность страдания, всеобщность греха — можно над этим смеяться или плакать, но ясно одно: мир идёт наперекосяк. Отчего же это, господа? Решение проблемы зла на уровне индивидуального подхода, скорее всего, уже вызывает у вас сомнения. Что свободное создание не всегда выбирает добро — это ещё может показаться естественным; но что среди тысяч и миллионов человеческих созданий, появившихся на нашей планете, все выбрали зло, что привело к страданиям, и не нашлось ни одного единственного, кто бы

всегда выбирал добро — это, конечно, не невозможно в логическом абсолютном смысле, но, безусловно, крайне странно.

Признайте теперь свою собственную мысль. Вы не только не верите, что существует человек, всегда выбиравший добро, но и считаете, что в условиях нашей человечности существование абсолютно доброго человека невозможно. Никто так не думает; и я в подтверждение приведу споры, которые возникают вокруг имени Иисуса из Назарета. Те, кто утверждает Его абсолютное добро, без сомнения делают вывод о Его Божественной природе; а те, кто отрицает Его Божественность, не колеблясь, отвергают историческую реальность человека абсолютно доброго.

Вы считаете, что всякая человеческая сущность несёт страдание и что, учитывая условия человеческой природы, существование человека, свободного от всякой боли, невозможно. Вы также считаете фантастической идею человека, полностью свободного от ошибок. Следовательно, вы верите, что зло присуще человеческой природе в тройственной форме — греха, заблуждения и страдания. Это то, что я называю эссенциальностью (существенностью) зла. И здесь индивидуальное решение проблемы явно окажется неверным — то есть неполным.

Существенность (эссенциальность) зла вернуться к содержанию >>>

(Эссенциальным называется то, что составляет суть, неотъемлемую природу чего-либо. Когда философ говорит об эссенциальности зла, он имеет в виду, что:
- Зло не случайно, не просто внешняя аномалия;
- Оно вкоренено в самой глубине человеческого существования или мира;
- Оно проявляется не только в отдельных случаях, а как нечто внутренне присущее нашему опыту.) Прим. Ред.

Зло является неотъемлемой частью человечества, то есть независимо от наших личных ошибок и страданий, возникающих вследствие наших проступков или проступков тех, кто живёт рядом с нами, у всех людей по самой природе их человечности присутствует элемент страдания и элемент греха. Я не стану возвращаться к теме заблуждения. Обратите внимание, что я говорю — элемент греха, а не доля греха.

Легко убедиться, что боль возникает не только из-за индивидуального злоупотребления свободой воли, хотя это и составляет значительную часть её причин. Вернёмся к фактам, сопутствующим рождению новой жизни. Перед тем как радоваться тому, что она дала жизнь человеку, женщина терпит страдания родов. Некоторые родители, некоторые друзья ожидают в соседней комнате. Что возвестит им о рождении ребёнка? Это будет плач младенца. Стон матери прекращается, уступая место крику ребёнка, и, как сказал старый Мальерб:

> «Мы рождаемся со слезами, словно свет,
> Который впервые являет нам Вечность,
> Пугает нас страданиями, которые нам суждено терпеть».

И сколько же детей, собранных почти сразу после рождения, на могилах которых можно было бы поставить только надпись: «Он заплакал и умер». Бедный ребёнок! Его ли это вина? А мать? Являются ли родовые муки результатом её воли? Избегают ли эти страдания чистые женщины и наказывают лишь виновных? Нет, конечно, и в пределах нашего слабого понимания, кажется, что боль приходит случайно и с величайшим равнодушием к отдельным людям забирает десятинную дань, причитающуюся человечеству. Часть наших страданий не принадлежит ни одному отдельному человеку, ни другому, ни Жану, ни Полю,

ни Андрею, ни Филиппу, — она принадлежит самой человеческой природе в каждом из нас. Разве не существует общеизвестная пословица: «Жить — значит страдать»?

Перейдём к сущности греха. В человеческой природе существует элемент греха, независимый от вины отдельной воли — такова наша позиция.

Нужно хорошо понять, что грех — это характеристика наших поступков, а каждый поступок, как кажется, строго индивидуален, поэтому на первый взгляд кажется трудным понять, как грех может принадлежать не нашей воле, а нашей природе. Именно поэтому мы говорим не о доле, а об элементе греха, и сейчас объясним, что это значит. Воля, разум и совесть — это не вся наша душа целиком. Воля — не единственный источник наших поступков. Нас толкают, побуждают стремления сердца. Под сердцем мы понимаем в общем смысле духовный орган всех наших желаний, всех склонностей, всего, что ведёт нас к действию — от бескорыстной любви до предпочтения конкретной пищи. Когда человек прекращает волевое действие, он действует под влиянием своих склонностей, и, как говорит известное выражение, идёт туда, куда ведёт его сердце. С моральной точки зрения сердце — это то, что мы называем природой, которая всегда есть глубоко внутри нашей души, позади нашей свободы.

Перед лицом этой природы свободная воля соглашается или сопротивляется; она может согласиться со злом, а может противостоять добру. Большая часть нашей ответственности проявляется именно в нашем согласии или сопротивлении импульсам сердца. Являемся ли мы лично ответственными за эту моральную природу, которая давит на нашу волю и склоняет её к тому, чтобы отступить и позволить сердцу действовать? В полной мере — нет, это мы увидим далее; частично — да, и об этом нельзя забывать. Последствие дурного поступка в том, что мы склонны совершить его вновь, если горький опыт или сила покаяния не противостоят этому закону природы. Этот закон говорит, что повторение поступков усиливает склонность их совершать. Таков загадочный эффект привычки: использование нашей свободы как бы закрепляется в склонностях, которые изначально исходят от нас.

Это особенно заметно, например, в случае алкоголизма. Человек, начавший пить, борясь со своей совестью и чувствуя, что может и должен сопротивляться, постепенно становится рабом того злоупотребления волей, которое сам допустил; и когда он занимается злом десять, двадцать, тридцать лет и его воля сливается с силой склонностей, он скажет, что природа сильнее него. Возможно, он скажет правду; но кто создал эту природу? Он сам. Так прошлое свободы проявляется в настоящем природы, и, посвящая себя злу добровольно вначале, мы, в конце концов, становимся его рабами; мы сами создали и сковали цепи своего рабства.

Сила привычки существует так же и для добра. Сегодня вы совершаете доброе дело с усилием, возможно, героическим; завтра вы сделаете его с меньшим усилием; со временем — без усилия. Практика добра становится для вас лёгкой; использование вашей свободы наклоняет ваше сердце к добру, и прошлое вашей свободы проявляется в настоящем вашей природы.

В наших нынешних наклонностях есть доля, которая является результатом предшествующего использования нашей свободы. Но разве это всё? И есть ли в нашей природе только то, что мы сами в неё вложили или что в неё вложили другие под влиянием, которое мы от них получили? Конечно, нет. В нас существует первичная природа, склонности, которые родились вместе с нами, как говорит само слово, ведь слово «природа» происходит от того же корня, что и глагол «рождаться». Личная природа каждого человека определяется ещё до действия его воли и влияния окружающих его людей, склонностями, связанными с его плотским организмом, переданными ему семьёй, народом, расой.

Но и это не всё: под этими особенными наследственными передачами находятся принципы человеческой природы вообще. В гармоничном развитии тела и души зародыш этой природы развивается и постепенно раскрывается под взором сознания, составляя совокупность склонностей, которые мы называем сердцем. Но сердце пробуждается раньше сознания. В момент, когда человек осознаёт себя и становится нравственным существом — момент этот сильно различается у разных людей и у некоторых, кажется, никогда не наступает — воля сталкивается со склонностями сердца. Именно в этом смысле природа нашей души может быть названа хорошей или плохой; в этом смысле в человеческой природе может быть элемент добра или элемент греха.

Сам грех — это обязательно индивидуальный акт воли, но предрасположенности к злу составляют элемент греха. Где же находится человечество в этом отношении? Когда человек осознаёт себя, стоит ли он, подобно Геркулесу из басни, перед выбором между добром и злом, которые находятся, при равных условиях, справа и слева? Равны ли весы? Вот в чём весь вопрос. Весы не равны: сердце склоняется к злу. Мы не склонны по природе к преступлению: склонность к убийству и подобным преступлениям — ужасная редкость. Преступление — это случайность зла, апогей болезни, как геройство — исключительный случай добра. Настоящий вопрос — что нам легче в свете закона целиком: порок или добродетель?

Если наш язык хорошо устроен, то, поставив вопрос, мы уже даём на него ответ; слово «добродетель» означает силу, и вы знаете, что мы привыкли называть наши пороки слабостями. Докажем, что язык прав. В развитии человеческой природы чувственность оказывает явно аномальное влияние. В той или иной форме каждый, стремясь исполнить закон духа, оказывается под властью закона тела, не имея возможности приписать своей воле — которая остаётся ответственной за согласие со злом — происхождение своих дурных страстей или искушений. В наших отношениях с окружающими мы можем иметь доброе сердце и сострадать чужим бедам, но при этом сердце наше может быть далеко не добрым. Есть ли у нас по природе доброе сердце в глубоком смысле слова? Склонны ли мы от природы исполнять закон любви? К безразличию, не заботящемуся о других? Или к гордости, которая обращает внимание на других лишь для того, чтобы ими управлять?

Чтобы понять, где мы на самом деле в этом плане, приостановите действие своей воли и наблюдайте за потоком своих мыслей и чувств, как пастух, что дремлет и смотрит, как течёт река. Это состояние мечтательности. Мы можем в общих чертах определить, куда движется человечество, когда, отпуская вожжи воли, оно погружается в мечты — то есть когда человек даёт течь своей человеческой природе. Бог уберег бы меня от недооценки того, что чистого есть в мечтах многих девушек, что благородного есть в воображении многих юношей. Да, наши души озарены яркими вспышками, прекрасными светами; но, увы, эти огни слишком часто лишь показывают наши тени.

Обратимся к мудрости народов? Ищем ли мы свидетельство о состоянии человечества — нам нужно слышать самих людей. Что говорит народная мудрость? Разве не говорится, что праздность — мать всех пороков? Но если праздность, которая есть просто приостановка усилия, позволяет воображению блуждать по дурным путям, где встречаются порок и преступление, то очевидно, что наша природа не хороша, и что человечество, к которому мы принадлежим, помещает в каждом из нас не сам грех в чистом и полном виде, который вытекает из акта нашей воли, а состояние сердца, склоняющее к дурным поступкам, то есть элемент греха. «Я убеждён, — писал Ж.-Ж. Руссо, — что нет человека, каким бы честным он ни был, который, если бы всегда следовал тому, что ему подсказывает сердце, вскоре не стал бы величайшим злодеем».

Остаётся задать последний вопрос. Эта злая природа, что есть в нас, и которую каждый может в своей мере усугубить своими поступками, проявлением своей свободы, но которая предшествует индивидууму — не является ли она лишь результатом накопленных вину поколений? Наследственная передача дурных наклонностей — бесспорный факт, который сам по себе доказывает недостаточность индивидуального решения проблемы; но сам факт наследственной передачи, такой, какой мы можем её наблюдать в истории, не решает проблему. Действительно, если бы наша природа была только результатом накопленных поступков поколений, история должна была бы показать нам следующую картину: человечество в начале было бы добрым, а затем постепенно портилось бы по вине своих членов; оно было бы подобно чистой воде, вытекающей из-под камня в Альпах, прозрачность которой уменьшается по мере того, как она течёт в долинах.

Так ли обстоит дело? Видим ли мы в начале истории мира добро в чистом виде или, по крайней мере, лишь легкие проступки, а затем постепенный рост зла? Я говорю здесь не о религиозных преданиях о доисторическом состоянии, а об истории как таковой. Начала всех народных летописей не показывают нам добрую цивилизацию, настолько, что ошибочно считалось, будто первобытное состояние человечества — это состояние дикарей. Вернёмся ли мы из самой истории к легендам, к героическим векам, например, древней Греции? Что же мы там найдём? Что говорит Клитемнестра Агамемнону, когда тот хочет принести в жертву Ифигению?

> «Ты не порвёшь род проклятый!
> Да, ты — кровь Атрея и Тиеста:
> Палач дочери своей, тебе остаётся лишь
> Сделать с матери её ужасный пир!»
> Жан Расин «Ифигения» (Acte IV, scène IV).

Этот семейный каннибализм не напоминает добрую цивилизацию. Откроем ли мы священную книгу евреев? Земля вопит, ибо она напиталась кровью Авеля. Перелистнем страницу: Лот спасается от ужасной развращённости Содома, чтобы стать жертвой беззаконий собственных дочерей, и отцом проклятых через инцест родов Моава и Аммона. В исторической области мы не видим, чтобы человечество исходило из чистого источника и постепенно портилась только под воздействием воль отдельных индивидов. Индивидуальная доктрина поэтому недостаточна. Она не может объяснить наследственную передачу наклонностей из поколения в поколение; она совершенно опровергается присутствием зла с самого начала истории. Поэтому сторонники этой доктрины всегда, в конце концов, признают её несостоятельность, хоть и неохотно.

Показав справедливо долю зла, вызванную действиями свободных воль, они вынуждены списывать остальное либо на общество (это теория Руссо), либо на саму необходимость вещей (так думают многие философы). Списывать зло на общество — явно обманчивая теория: откуда зло в обществе? Списывать часть зла на изначальную и абсолютную необходимость вещей — не решать проблему, а отрицать её, ведь любое зло, признанное необходимым, провозглашается одновременно и добром.

Итак, где мы, господа? Тьма окружает нас со всех сторон, и мы кажемся заблудшими в тупиках. Вот в чём состоит состояние вопроса: Зло не может исходить от Бога, ибо добро и воля Божья — это одно и то же. Делать Бога творцом зла — это противоречие. Зло не может исходить от вечного принципа, отличного от Бога, потому что Бог — универсальный принцип, вне которого первоначально нет другого; Он — и только Он — Вечный. Поэтому для поиска происхождения зла мы обращаемся к сотворённым волям. Мы изучаем индивидуальное действие этих волей; и там находим объяснение значительной части зла, это, правда; но очень значительная часть ускользает от нашего объяснения.

Плохая сила, кажется, нависает над человечеством на всех страницах его истории и с самого начала его существования; или, чтобы лучше выразить мою мысль, принцип заражения, кажется, коснулся человечества и существует в каждом из нас вместе с тем, что делает нас людьми. Что же это за злая сила и откуда она может прийти? Сегодня нам было нужно поставить этот вопрос; на следующей лекции мы будем искать ответ.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ — РЕШЕНИЕ

вернуться к содержанию >>>

В Женеве, 6 декабря 1867 г. В Лозанне, 27 января 1868 г.

Господа, Мы ищем истоки зла, то есть беспорядка, проявляющегося в человечестве в формах заблуждения, страдания и греха.

Мы встретили решение этой проблемы, которое состоит в том, что, учитывая существование греха, остальные элементы зла признаются его естественным следствием. В этом отношении у нас нет возражений. Там, где встречается восстание воли против её закона, беспорядок и страдание объясняются так, что это удовлетворяет сознание и разум. Но указанное решение рассматривает только действие индивидуальной воли. В этом смысле оно показалось нам недостаточным, поскольку не объясняет ни всеобщность страдания, ни существенный элемент греха, происхождение которого нельзя найти в действиях отдельных личностей. Мы говорили, что существует некий принцип заражения, который порочит наше сердце. Откуда он берется?

Очень важно для практики жизни признать существенный характер зла. Если не понимать, что человечество находится в фундаментальном состоянии беспорядка, то всегда есть склонность принимать общее положение вещей, обычную практику, за правило того, что должно быть, и вследствие этого происходит огромное падение сознания. Что касается вопроса происхождения этого плохого состояния, то по первому впечатлению это кажется чисто спекулятивным вопросом. Действительно, он не является прямо практическим. Как только признаётся, что зла быть не должно, из этого следует, что если наше сердце зло, мы обязаны бороться с нашим сердцем. Мы сказали это с самого начала: весь итог наших исследований по управлению жизнью заключён в этих единственных правилах: «Ненавидьте зло и крепко держитесь за добро».

С практической точки зрения, казалось бы, мы могли бы сразу перейти к шестой нашей сессии, где будем рассматривать борьбу жизни. Но я не могу признать в абсолютном смысле моральную безразличность вопроса, который мы рассматриваем сегодня. Если нет никакого представления о происхождении зла, всегда существует риск либо признать его необходимым, что подрывает совесть, либо приписать его Богу, что серьёзно ранит религиозное чувство. Хотя наше нынешнее исследование не является напрямую практическим, оно оказывает косвенное, но реальное влияние на моральный порядок.
Кроме того, учение, которое нас собрало, предложено вам в качестве философского; а условие философии — искать решение везде, где встречается проблема. Однако важно сказать: если вы без ограничений и оговорок признаёте обязанность бороться со злом, сомнения, которые могут у вас возникнуть относительно решения, которое я собираюсь предложить, не должны разрушать ценность рассуждений, которыми завершится это учение. Разойдясь в теоретическом вопросе, мы можем встретиться вновь на поле практического применения.

Я собираюсь предложить вам моё решение проблемы зла; указать его исторические источники; и развить его, отметив последствия для понимания того, каким должно быть представление о первобытном состоянии человечества и происхождении его нынешнего

состояния. Предложенное решение — исторические источники этого решения — первоначальное состояние человечества — происхождение его нынешнего состояния; таков будет порядок наших размышлений.

I. ПРЕДЛАГАЕМОЕ РЕШЕНИЕ

вернуться к содержанию >>>

Мы изучаем проблему зла в общем смысле для всех духовных созданий; но так как только человечество, из семейств духовных созданий, существование которых мы можем предполагать, находится в поле нашего наблюдения, то поэтому универсальную теорию его природы мы применим именно к человечеству. Вот решение, которое я сегодня предлагаю и которое постараюсь защитить на следующей сессии.

Человечество испорчено потому, что оно само себя испортило. Первоначальный акт человечества создал, через злоупотребление свободной волей, через восстание против закона, дурное сердце человечества. Отсюда следует, что в каждом человеке следует различать две вещи: 1) его личную волю, ответственную за его поступки и за согласие с наклонностями природы; 2) человеческую природу, которая в нём есть, и за которую он ответственен частично, не как индивид, а как человек. Здесь выдвигаются два утверждения, которые должны сохраняться с одинаковой твёрдостью: коллективная ответственность человечества и индивидуальная ответственность каждого его члена. Эти утверждения не противоречат друг другу, а ограничивают и дополняют друг друга. По характеру своей работы я буду настаивать на первом — коллективной ответственности рода человеческого; но важно сохранять второе — индивидуальную ответственность. Не будем подобны пьянице-фермеру, о котором говорит Лютер, который, сидя на лошади, наклоняется в одну сторону, а когда пытается выпрямиться — падает в другую, не находя равновесия.

Чтобы принять и даже понять предложенное мной решение, нужно представить человечество не просто как собрание индивидов, кучу, груду, а как реальное существование, отличное от индивидов, но не отделённое от них, которое может быть предметом моральной оценки. Если бы мы исходили из обычной речи, в этом не было бы ничего, что могло бы нас остановить. Мы говорим о человеческом сознании; мы постоянно приписываем человечеству чувства и поступки. Но, размышляя, нам кажется, что речь обманчива; нам кажется, что существуют только индивиды, а слово «человечество» — абстрактный термин, обозначающий просто совокупность индивидов. Этот взгляд оправдывают внешние впечатления, и философия, которая легко получает признание, поскольку она объясняет эти впечатления.

Я мог бы сказать, не выходя за пределы выражения своей мысли, что современные науки, особенно за последние полвека, все вместе серьезно ставят человеческий разум перед решением, которое я вам предлагаю. Я мог бы обратиться к справедливой склонности, которая заставляет нас любить новизну, и к плохому искажению этой склонности, которое, сталкиваясь с тем, что относится к прошлому, толкает нас использовать привычное выражение презрения — «известно». Я мог бы сказать, что приношу вам не просто современную науку, а науку более современную, чем современная, потому что она — наука будущего.

Действительно, в области науки и философии решение, которое я вам предлагаю, ново, настолько ново, что оно находится ещё в состоянии рождения. Но в другой форме это решение старо и очень старо: оно существует в мире как древняя истина, которую наука начинает постепенно читать и, в конце концов, прочитает; такова моя убежденность. Не признать этого факта и хотеть потешить вашу любовь к новому — значит подвергнуться справедливой критике со стороны всех из вас, кто знаком с историей человеческой мысли; к

тому же, по моему собственному ощущению, это было бы использовать грубую ложь, как некий хитрый приём.

Поэтому уместно кратко изложить историческое происхождение предлагаемого решения; но давайте договоримся о природе этой уместности. Научное учение — это предположение или, как говорят в учебных заведениях, гипотеза, предназначенная для объяснения фактов, и оно считается истинным настолько, насколько объясняет эти факты. Его происхождение не имеет значения с точки зрения вопроса его истинности. Например, закон всемирного тяготения изначально был просто предположением. Это предположение стало доказанным законом, потому что объяснило разуму движения небесных тел. Он считается доказанным потому, что объясняет факты, и никак иначе. Открытие этого великого закона приписывается Ньютону.

В последнее время, основываясь на документах, подлинность которых сомнительна, утверждают, что открытие действительно принадлежит Паскалю. Этот спор интересен с исторической точки зрения, но не имеет значения для закона тяготения, который доказывается наблюдениями за звездами и вычислениями, и абсолютно не зависит от имени своего основателя. Следовательно, вопрос происхождения не влияет на доказательство доктрины. Тем не менее, принято упоминать Галилея, когда говорят о законах тяжести, которые он открыл, и называть Кеплера при изложении законов движения планет, установленных этим астрономом. Это историческая информация, представляющая интерес и выражающая должное признание.

В нашем случае важно упомянуть происхождение нашего решения, чтобы войти в объяснения, значение которых вы не сможете не заметить. Теория, которую я защищаю, довольно резко противоречит первому проявлению здравого смысла. Но вот условие, которое я вам предлагаю из-за трудности темы: я обещаю не заканчивать эти сессии триумфальным выводом, в котором заявлю, что опроверг все возражения и рассеял все тьмы. С другой стороны, я прошу вас не отвергать на первый взгляд мою идею, если она покажется вам новой. Если вы отвергаете любую новую идею, вы не сделаете больших успехов в поиске истины. Если моё решение покажется вам странным, пожалуйста, не отвергайте его немедленно как абсурдное.

Дайте себе время подумать — дни, недели, месяцы, а может, и годы. Идея — это семя. Если вы посчитаете, что семя, которое я хочу посеять в вашем сознании, может иметь какую-то ценность, пусть оно прорастёт, пусть развивается с помощью размышлений; и подождите, прежде чем вынести окончательный приговор, чтобы увидеть, какого рода растение может дать это семя. Кроме того, хотя я стараюсь изложить свои мысли как можно более логично, они не образуют настолько неделимого целого, что нужно обязательно принять или отвергнуть всё. Те из вас, кто не примет предложенное решение, возможно, всё же извлекут пользу из деталей этого обсуждения.

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ РЕШЕНИЯ

вернуться к содержанию >>>

У нашего решения имеются различные предшественники в истории религиозных учений. Оно всегда неявно содержалось в реальной и серьезной вере в Бога; оно было выделено и предложено миру в положительной форме, но не в научной, а в христианском слове. Вот утверждение, в котором резюмируется всё моё учение относительно решения проблемы зла:

Христианский догмат о падении человечества содержит философское учение, которое лучше всего объясняет разуму данные опыта, при которых возникает проблема зла.

Важность этого утверждения требует тщательного разъяснения. Мы уточним смысл каждого из этих терминов: падение человечества, догмат, философское учение.

Прежде всего, что такое христианская идея падения человечества? Я излагаю её здесь под своей ответственностью и в том смысле, который кажется мне общим для всех значительных проявлений христианской мысли.

Утверждение о существовании в человеческой природе существенного беспорядка занимает первостепенное место в структуре евангельского догмата; оно действительно является краеугольным камнем этого здания. Евангельский догмат содержит три главные мысли: сотворение человечества, его искупление и его нравственное восстановление, или освящение.

Искупление и освящение имеют целью восстановить первоначальный план творческой воли в условиях состояния беспорядка. Если утверждение о существенном беспорядке опускается, то нет места для искупления и невозможно понять восстановление; остаётся лишь учение о сотворении, то есть деизм. Тогда христианин сталкивается с неоспоримым возражением деиста, который говорит ему: «Что вы думаете о вашем Боге? Вы считаете, что Он должен был вмешаться в мир сверхъестественным актом; значит, Он был плохим мастером, раз не сделал своего дела хорошо с первого раза и был вынужден вмешиваться вновь».

Этот аргумент не имеет ответа; христианин, достаточно неразумный, чтобы не понять места, которое занимает в его учении существенный характер мирового беспорядка, оказывается в безмолвии или запутан в противоречиях. Он будет продолжать, если не изменит весь свой словарь, называть Иисуса Христа Спасителем, говорить о спасении и восстановлении. Очевидно, что спасают только то, что находится в опасности погибнуть, и что работа восстановления происходит там, где первичный порядок был нарушен. Напротив, как только признаётся, что человеческая природа была испорчена, становится понятным Божье вмешательство для восстановления порядка, вмешательство сверхъестественное по отношению к падшей природе, но направленное на восстановление первоначальной природы.

Нарушение основного порядка, внесённое в план творения, — таков краеугольный камень здания христианского догмата. Откуда же возникло это нарушение? Если бы нужно было допустить, что кто-то из нас согрешил, и что этот грех был бы возложен на других, отличных по абсолютному значению от первого; если бы нужно было допустить, что подкрепления, пришедшие извне в гарнизон, считались виновными в акте мятежа, произошедшем до их прибытия — эта мысль настолько шокировала бы чувство справедливости, что человеческая совесть даже не захотела бы её рассматривать. Но это не учение христианства.

Христианское учение содержит утверждение, которое можно выразить так: акт, нарушивший порядок творения, — это не акт отдельного индивида в смысле, который мы сейчас даём этому слову, а акт первичного индивида, который не только принадлежал человеческой природе, как мы, но в котором, поскольку он был первичным, эта природа была сосредоточена вся целиком, так что его можно назвать человеком-человечеством. Его поступки имели два свойства, которые с тех пор стали различны: они были одновременно индивидуальными и человеческими в самом широком смысле этого слова. Вся человеческая природа реально присутствовала в том, кто пал, и кто был её главой, зародышем и источником.

Таков ли смысл христианского учения? Это вопрос факта. Вы можете обратиться к любым документам: откройте катехизис Тридентского собора, катехизис Восточной православной церкви, «Институции» Кальвина… Везде вы увидите одинаковую заботу о том, чтобы предотвратить мысль о том, что грех перешёл от одного индивида к другим, не имеющим существенной связи с первым. Везде употребляется идея принципа, образы зародыша, источника. Боссюет говорит: «Бог видит во всех людях одного человека, того, от которого по Его воле все они произошли».

Я однажды слышал, как М. Шарль Секретан в прекрасном и глубоком комментарии к этим словам епископа Меца отмечал, что взгляд Бога не ошибается, и что говорить то, что видит Бог — значит сказать то, что есть, в смысле самой глубокой и серьёзной реальности. Послушаем ещё современника, одного из тех, кто сегодня защищает христианское дело в Германии с большим авторитетом и успехом. «Судьба всех нас, — говорит профессор Лутхардт, — решена актом первого нашего рода; потому что это не просто акт одного индивида, а акт представителя всех людей... Мы все образуем одно большое единство. Каждый тайно связан с целым; никто не может изолироваться и сказать: «Как это меня касается?». Такова ценность, которую мы придадим этим словам — падению человечества, словам, которые выражают один из элементов христианского догмата.

Что такое догма? Догма — это утверждение, которое не основывается непосредственно на рассуждении или опыте, а на вере в авторитет свидетельства. Если рассмотреть этот термин в самом общем смысле, нужно сказать, что наше обычное мышление полно догм. Например, как я могу знать, будучи никогда не бывавшим в Англии, что существует город Лондон, являющийся столицей этой страны? Я не узнаю этого с помощью рассуждения; мой разум мог бы заниматься этим вечно и так и не открыть существование Лондона. Я не знаю этого и из собственного опыта; я знаю это по вере в свидетельство, которое передаёт мне опыт других.

А как вы знаете, что существует Китай и город Пекин — его столица? Для вас, если только вы не были в Китае, это не истина, выведенная рассуждением или опытом; это догма, основанная на авторитете свидетельства. Однако в этом случае у вас абсолютная уверенность: вы не сомневаетесь в существовании Китая больше, чем в существовании зала, в котором мы сейчас находимся; доказательством тому служит то, что многие из вас делают часы, чтобы отправлять их в эту страну. Значит, существование Китая в вашем сознании — это предмет достаточно активной веры, чтобы определять ваше поведение.

Этот элемент естественной догмы в человеческом мышлении, по-моему, не привлёк должного внимания логиков. Они все говорят о свидетельстве и вере в свидетельство, но часто не отмечают всей широты и значения этого факта. Обычно употребление слова «догма» ограничивается религиозной областью. Что такое религиозная догма? Это утверждение, принимаемое на авторитет сверхъестественного свидетельства — то есть свидетельства о фактах, выходящих за пределы человеческого опыта. Свидетелем может быть лишь простой посредник, как, например, Мухаммед для мусульман, а может и непосредственно познающий божественный мир по своей природе, как Христос в христианской вере.

Христианская догма — это утверждение, основанное на авторитете свидетельства Христа, которое является догматом из догматов. По своей природе догма обладает авторитетом. Поскольку это свидетельство, данное в истории, оно остаётся непоколебимым фактом истории. Для того, кто принимает это свидетельство как проявление абсолютной истины, догма становится непоколебимой истиной, которую можно понимать в большей или меньшей степени, чей смысл может постепенно углубляться, но которая сама по себе

остаётся неизменной. Вот почему многие умы отдаляются от догмы, поскольку неотъемлемый от неё авторитет представляется им как цепь оков.

Верующие, находя свою силу там, где другие видят оковы, и свою опору там, где другие видят препятствие, говорят, что не обязательно развязывать все узлы и ломать все цепи. Они замечают, например, что лодка без мачты и руля была бы неправой, если бы разорвала канат, связывающий её с буксирующим судном; и что на самом корабле не проклинают цепь, позволяющую бросить якорь при необходимости и уберечь экипаж от бурных ветров и волн.

Авторитет догмы существует лишь в силу веры, и понятно, что этот авторитет есть только для верующего. Навязывание догматического авторитета тем, кто не верит, — идея, прямо противоречащая разуму. С помощью силы можно заставить людей совершать поступки; можно заставить, если они трусливы, произносить ложные слова; но добиться с помощью силы акта веры — очевидная абсурдность. Этот абсурд, реализованный с применением гражданской власти в религиозных вопросах, принес нам много бед. Дым костров инквизиции до сих пор затмевает небо для многих душ; и, переходя от большого примера к малому, пламя, сжёгшее Серве, не является светом, привлекающим доброжелательные взгляды в сторону Евангелия. Путаница между авторитетом догмы для верующего и авторитетом догмы, навязываемым неверующим, была бичом Средневековья.

Что мы теперь понимаем под философским учением? Что такое философия? Философия — это поиск общего объяснения вселенной, свободного от всяких догматических предпосылок. Как только в основе науки лежит какая-либо догматическая предпосылка — будь то авторитет Иисуса Христа, Мухаммеда, Будды или какого-либо другого провозвестника, считающегося орудием божества — это уже не философия. Будем ли мы тогда говорить, что философия — это поиск разума, свободного от всякого авторитета? Нет, конечно. Свободный от всякого авторитета поиск был бы всего лишь вольным блужданием. Философские спекуляции подчинены авторитету фактов, логике, авторитету естественного свидетельства; но философия никогда не апеллирует для обоснования утверждения к авторитету сверхъестественного и божественного свидетельства.

Мы объяснили термины нашего основного утверждения; повторяю его:

Христианский догмат о падении человечества содержит философское учение, которое лучше всего объясняет разумом данные опыта, при которых возникает проблема зла.

Теперь, господа, не буду ли я верным выразителем мыслей некоторых из вас, если, обращаясь к себе и за вас, произнесу такую речь: «Вера — это сфера авторитета, философия — сфера свободы, между философией и догмой существует несовместимость. Цель наших собраний — философское изучение, а вы выходите за рамки программы, вводя догму»?

Неужели многие из вас не думали именно это, слушая меня? Тема серьёзная, важно, чтобы мы друг друга поняли. В философской дискуссии нет места догме и её авторитету; догма может быть предложена как догма с присущим ей авторитетом только в собрании, где члены заранее согласны с общей верой, то есть в церкви. Здесь и между нами речь о таком не идёт.

Следовательно, если я когда-либо использую аргумент авторитета, если я скажу: «Это утверждение истинно, потому что содержится в таком-то тексте, провозглашено таким-то церковным органом, которому мы должны повиноваться», — я заранее заявляю, что такой аргумент здесь неуместен, он лишён силы, я его отзываю и отрекаюсь от него.

Но если в догме мы находим решение проблем, которые ставит человеческий разум, не можем ли мы извлечь это решение из всего догмата, рассматривать его просто как учение, предлагающее решение проблемы, и изучать это учение на научных основаниях, то есть, проверяя его соответствие фактам и способность их объяснить? Это я вам предлагаю.

Я не предлагаю обсуждать догму как таковую, что неминуемо повело бы нас к вопросу об авторитете, лежащем в основе любой догмы; я приглашаю вас свободно исследовать философское учение, утверждая, что фактически оно содержится в христианском догмате.

Кто же откажется от такого подхода? Христиане? Но, если в ходе полностью свободного обсуждения можно доказать, что в догмате есть учение, служащее светом для науки; если можно показать, что на самых важных для человечества вопросах простое слово Иисуса из Назарета содержит решение задач, которые не смогли полноценно разрешить мудрецы греков и востока — разве христиане не поймут, что это мощный аргумент в их пользу? Не поймут ли они также, что этот аргумент имеет значение лишь в случае свободного обсуждения — не догмы, а учения, которое из неё извлечено?

А свободомыслящие откажутся идти этим путём? Как же так, господа, только потому, что для многих из ваших собратьев учение является догматом веры, вы сами не захотите его рассмотреть, обсудить и серьёзно взвесить? Где же ваша свобода? Разве вы не превратите свою мнимую независимость в истинное рабство? Это была бы ваша странная непоследовательность, если только вы не примете, как аксиому вне всякого обсуждения, что в вере христиан нет ничего истинного, что всё, абсолютно всё, что несёт печать Евангелия, с этой самой печатью обречено на ложность.

В таком случае вы исповедовали бы правилу: можно верить во всё, кроме того, во что верили наши отцы. Хорошо ли такое правило? Думаю, оно подошло бы лишь вашим детям, которые мудро применили бы его к вам и хотя бы в этом вопросе не мыслили бы как вы.

III. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

вернуться к содержанию >>>

«Всё хорошо, что исходит из рук Творца вещей». Эта знаменитая фраза Жан-Жака Руссо станет нашей отправной точкой. Выйдя из рук Бога, любое творение — доброе, то есть, согласно нашему определению добра, оно соответствует своему назначению. Но из того, что творение доброе, следует ли, что оно совершенное в смысле завершённости, полного исполнения? Нет; это мнение ошибочно даже в отношении материального творения.

Когда речь идёт о материи, теоретически можно представить, что природа вышла из рук Создателя уже полностью совершённой, в окончательном и неизменном порядке. Но то, что можно представить в теории, не соответствует фактам. Материальный мир не вышел из рук Бога совершенным, и доказательство этого — его развитие посредством непрерывного движения. Движение природы не является фиксированным. Например, Земля вращается вокруг Солнца. Вращаясь вокруг Солнца, описывает ли Земля всегда один и тот же круг? Нет; астрономы учат, что Солнце движется в пространстве вместе с планетами — всей своей свитой. Солнце движется и увлекает Землю за собой; и с начала мира и до конца времён Земля, проходя по своей орбите, возможно, никогда не пройдёт по одной и той же линии дважды.

Эта движущаяся Земля — сцена постоянного движения и на своей собственной поверхности. Она не была в начале такой, как сейчас, и через некоторое время не будет такой, какой является сегодня. Перед лицом этого всеобщего движения природы юная поэзия, рожденная современной наукой, вопрошает вместе с Виктором Гюго:

— Господь! Господь! Куда движется земля в небе?
Узнаем ли мы когда-нибудь? Кто раздвинет твои завесы —
Чёрные небеса, усыпанные облаками звёзд?

Поэзия продолжает петь вместе с Ламартином:

— Однако ночь движется, и над безмерной бездной
Все эти плавающие миры вращаются в тишине,
И мы сами, увлечённые ими, движемся вперёд
К неизвестной гавани.
Ночью, под дыханием зефира,
Чувствуешь, что земля плывёт, словно корабль.
Солнце! Миры, что плывут вместе с нами,
Скажите, если вам известно, куда идём мы все?
В какой небесный порт ведёт нас ваше дыхание?

То, что поэзия спрашивает, спрашивает и разум. Думаете ли вы, что, наблюдая общее движение миров, мы можем ответить на вопрос «Куда они идут?» — «Никуда»? Ни один астроном так не думает. Астрономы стремятся открыть закон движения всей небесной системы и тем самым понять направление этого движения. Значит, у природы есть план; этот план не был реализован сразу, и природа стремится к нему. Станет ли план природы однажды полностью осуществлённым? Закрепятся ли небесные тела в равномерном движении или остановятся в неподвижности совершенства? Этот вопрос, по моему мнению, превышает возможности человеческого разума.

Но то, что несомненно — природа была создана хорошо в самом начале, но не была совершенной. Та же идея становится ещё более очевидной при переходе к миру духовных существ, потому что невозможно даже теоретически представить себе изначальное совершенство духовного мира. Назначение духовных существ — добро, порядок, в котором пребывает счастье. Их сущность указывает на их цель; и здесь у нас есть гарантия разума, применённого к идее творения, ибо, как я пытался показать в других выступлениях, любовь — единственный движущий мотив, который мы можем представить как движущую силу Высшей Силы, создавшей вселенную, и благо творения — единственная цель этой творческой любви.

Чтобы достичь своего назначения, дух должен иметь свободную волю, которая составляет его суть и сущность, ясное сознание, указывающее ему закон его воли, и чистое сердце, не имеющее дурных наклонностей. Дух, так созданный, поставлен перед законом, выполнение которого должно приносить ему благо; но это состояние не есть совершенство. Представлять дух изначально совершенным — это противоречие. Дух — это сила, и его закон — самореализация собственным актом, сотворение и совершенствование самого себя. Совершенство, достигнутое сразу, которого мы не наблюдаем в природе, невозможно теоретически представить и в духовном мире, потому что дух, совершенный с самого начала, не создал бы самого себя, и тогда перестал бы быть духом, то есть силой.

Первоначальное состояние — это свободная воля, но не в совершенстве, а в невинности. Рай невинности не только должен охраняться, но и развиваться волей, созданной для того, чтобы стать небесным Эдемом, план которого открыт свободному существу как истинный закон его предназначения. Золотой век — это золотой сон невинности, созерцающей в дивном видении цель, предложенную её усилиям вечной любовью.

Совершенство духа может быть только результатом действия его свободы, и требовать это совершенство от Творца — значит просить его не создавать свободных существ. Но может

ли сама свобода, которая должна вести дух к совершенству, быть совершенной изначально? Нет. Свобода в начале может быть лишь несовершенной свободой. Она должна, своим собственным актом, перейти из низшей формы в высшую. Обратим особое внимание на эту мысль.

Слово «свобода» имеет два значения. Во-первых, это способность выбирать, которая неизбежно включает возможность зла. Во-вторых, свободным мы называем того, кто делает всё, что хочет. Тщательно различите эти две идеи: обе они существуют в вашем сознании. Вы понимаете свободу как возможность выбора; и у вас есть более высокая идея свободы — это воля, которая делает всё, что хочет, не будучи ограниченной выбором.

В первом смысле свобода предполагает наличие закона. Ограниченная сила (оставим в тайне свободу Абсолютного Бытия) не может быть моральной силой, если она не стоит перед законом, который она может соблюдать или нарушать; без закона это была бы сила, поддающаяся сиюминутному прихоти или слепому импульсу извне, не имеющая внутри себя принципа своих решений. Закон, повеление будит волю и открывает ей свободу выбора. Во втором смысле свобода означает отсутствие закона, потому что закон ограничивает волю, заключая её в альтернативу повиновения или мятежа. Эти два понятия свободы кажутся противоречивыми, но на самом деле не противоречивы; их примирение мы находим в тайне сердца, раскрытой нам уже в некоторых соображениях, к которым нам нужно вернуться.

В явлениях привычки воля, как мы сказали, превращается в природу. Когда мы сознательно совершаем действие много раз, оно становится привычкой, и привычка создаёт силу, стремление; она внедряется, так сказать, в наше сердце, где становится любовью в самом общем смысле. Каков же эффект любви? Душа хочет то, что любит; и когда душа действует из любви, она делает всё, что хочет, ибо не желает ничего, кроме своего объекта любви. Для того, кто любит добро, закон исчезает, потому что растворяется в любви, и повеление совести сливается с порывом сердца.

Свобода выбора между добром и злом остаётся тем, что в философии называют метафизической возможностью, но зло становится морально невозможным. На «ты не должен» совести, сердце отвечает «не могу». Из свободы выбора воля может, своим актом выбора, совершить выбор, который становится окончательным, и борьба прекращается в торжестве. Воля своим актом может перейти от низшей формы свободы — силы выбора — к высшей форме свободы — состоянию души, которая делает всё, что хочет.

Теперь мы можем представить план, который должна была реализовать человечность, проявляющаяся в отдельных жизнях, но сохраняющаяся в гармонии, в единстве через общую волю исполнить божественный план. Начать с просто возможного зла — состояния невинности — и усилием свободного существа, сопротивляющегося возможному злу, уничтожить саму эту возможность и достичь состояния совершенства или святости, характеризующегося тем, что свобода отдалась добру: таково должно было быть развитие добродетели.

Если воля делает в каждый момент то, что должна делать, она, наконец, достигает окончательной победы над возможностью зла. Зло не появилось; зло стало невозможным, не будучи никогда разрушенным, потому что оно никогда не было реализовано. Всё это трудно нам понять, потому что, находясь в мире, где реальность зла давит на нас, мы должны прилагать постоянные усилия, чтобы освободиться от гнёта опыта и понять этот переход от первоначальной свободы к совершенной свободе без прохождения через беспорядок. Однако в нашем собственном опыте есть некоторые данные, которые позволяют нам подняться к этому пониманию. Два смысла слова «свобода» проявляются в знакомых примерах.

Кого вы считаете более свободным, например, молодого торговца, который, открывая впервые магазин, колеблется — обманывать ли покупателей или вести честный бизнес — и в этом самом сомнении ощущает свидетельство и сознание своей свободы, или того же торговца, ставшего опытным, связанного многократным актом своей воли законом чести, который теперь ощущает себя неспособным обманывать и стал слугой честности, посредством собственного свободного выбора? Кого вы считаете более свободным: молодого человека, который сомневается, хочет ли он лгать и ощущает свою свободу в этом выборе между долгом и низким искушением, или того же молодого человека, который, усердно практикуя законы истины, стал добровольным рабом своего слова?

Мы считаем свободным в высшем смысле того, кто освобождён от зла. Повиновение перед побеждённым искушением — акт начинающейся свободы, выбирающей добро; а когда искушение исчезло перед любовью к добру, полное, радостное, без колебаний повиновение — это осуществление и полнота свободы. Вот почему даже в наших тёмных условиях мы встречаем проблески, которые позволяют понять переход от первоначальной свободы к полной свободе без появления зла, потому что оно исчезает как просто возможное зло, никогда не реализовавшись.

Следует ли спросить, был ли этот духовный план развития когда-либо реализован? Существует ли семья свободных существ, которая может предстать перед Богом без начала своего поклонения с исповеди всеобщего греха, а возносит чистый гимн благодарности и любви Тому, От Кого всё происходит, через Кого всё существует, Кто дал им бесценный дар жизни и славное привилегие свободы, с помощью которой они достигли счастья, предназначенного им вечной любовью? Если бы я утверждал, что такой мир существует, вы бы усмехнулись. Если бы вы сказали, что его нет, я бы улыбнулся в ответ. Во всяком случае, эта счастливая звезда — не наша планета; эта семья безгрешных созданий — не человеческий род; вернёмся к человечеству.

IV. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЫНЕШНЕГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

к содержанию >>>

Каково было происхождение зла согласно решению, которое я вам предлагаю?

Цель, поставленная перед человечеством, заключалась в осуществлении гармонии и счастья духовного общества. Однако человечество — по нашему допущению — в своём истоке и в самой своей основе восстаёт против закона; созданная воля стремится утвердить себя в отношении к закону в состоянии полной независимости, то есть желает стать сама себе законом. Как же она использует эту независимость? Её поступки, какими бы они ни были, будут поступками беспорядка, поскольку совершаются вопреки закону, который, по сути, есть порядок.

А порядок — это подчинение материи духу и подчинение духовных существ закону любви. Следовательно, беспорядок проявится в подчинении духа материи и в принципе стремления к себе и господству над другим, что в ходе развития общества породит борьбу вместо гармонии. Чувственность и гордость станут двумя формами этого бунта. С испорченным сердцем свобода будет нарушена. Природа, изначально рождённая волей, парализует её деятельность. Подчинённый своим склонностям, человек будет ощущать себя рабом своих пороков, при этом сохраняя в раскаянии свидетельство своей свободы.

Заблуждение родится из порочности сердца и ослабления воли; и заблуждение, затмевая естественный свет, исказит совесть. Тогда появится страдание — как наказание в порядке справедливости и как средство исцеления в порядке благости; и всё человечество, приняв

участие в своём источнике в первобытном бунте, — каждый человек, просто в силу того, что он принадлежит человеческому роду, — будет подвержен последствиям этого восстания. Как только эти мысли принимаются, индивидуальное решение, которое мы были вынуждены отвергнуть как неполное, преобразуется, дополняясь. Чего ему не хватало? Оно не объясняло значительной части зла, происхождение которого мы не можем найти в индивидуальных действиях исторических воль.

Теперь эта часть зла объяснена. В самом истоке нашего рода, до начала истории, акт человечества испортил сердце человечества; и это человечество само, своим собственным восстанием, низвергло себя в заблуждение и страдание. Всеобщность греха объясняется существованием искушений, присущих человеческому сердцу, и ослаблением воли, вызванным дурными склонностями сердца. Мы также понимаем всеобщность страдания. В распределении страдания и искушений между отдельными людьми сохраняются поразительные тайны; но мы сделали значительный шаг к свету, потому что указали происхождение той доли страдания и элемента греха, которые наблюдаются в каждом человеке — в его качестве человека, независимо от его личных поступков.

Зло — существенная часть нашего мира в его нынешнем виде, таким, каким он стал в результате бунта твари. (Были попытки объяснить нашу индивидуальную судьбу мыслью о том, что мы здесь на земле несём последствия своих поступков в предыдущем существовании. Эта доктрина отмечена Цицероном как древняя — см. Фрагменты Гортензия, изд. Панкука, т. XXXVI, стр. 461. В наши дни её поддерживают некоторые авторы; см. особенно «Множественность существований души» Андре Пеццани, адвоката Императорского суда в Лионе, 3-е изд., in-12, Париж, Дидье, 1865. Я не могу здесь подробно обсуждать столь важную доктрину. Она признаёт всеобщность страдания и греха и сохраняет идею Бога и авторитет совести. Но даёт ли она, ища объяснение нашего нынешнего состояния в некоем первичном индивидуализме, адекватное объяснение нынешней солидарности человечества?)

Но зло само по себе — случайно. Оно существует, но оно не должно было существовать. Его возможность — это условие свободы; но его осуществление — прямое противоречие плану вселенной, воле Божией. Так рассеивается мрак, который зло воздвигало между Богом и нами, и слава Творца воссияет в своей неприкосновенной чистоте. Отныне, когда поэт спрашивает: «Зачем же, о Владыка Вселенный, Ты сотворил столь великое зло?» — мы его остановим. И, оставляя себе удовольствие наслаждаться, с литературной точки зрения, прекрасными стихами, которые следуют за этими строками, мы ответим поэту: «Бог не сотворил зла».

Идея первородного падения позволяет нам предположить, что последствия восстания духовного существа могли изменить его отношения с природой, и что природа на данный момент не является для нас такой, какой она должна была быть согласно плану Творца. Это, конечно, всего лишь открытая дверь во тьму — но, по крайней мере, это дверь, тогда как индивидуальное решение предлагает нам только глухую и наглухо зацементированную стену. Ведь очевидно, что индивидуальное действие воли в истории не может дать ни решения, ни даже возможности решения этой части нашей проблемы.

Возложить на творение всю ответственность за происхождение зла — это единственный способ снять её с Бога, потому что то, что называют «природой вещей», — ничто.

Взять на себя весь груз зла — унижение ли это для творения или прославление? Это — слава, проявляющаяся в унижении; это — унижение, раскрывающее первозданную славу. Поэтому наше решение наталкивается на два противоположных чувства: то на гордость, которая отвергает столь высокую ответственность, то на язвительную «смиренность»,

отрицающую возможность такой силы. Это решение одновременно уничижительно и славно; и тем самым оно освещает двойственную природу человека, которую Паскаль запечатлел в неизгладимых словах: «величие и нищета».

Бог не создал зла. Между Творцом и миром, каков он есть, стоит печальное создание творения. Эта доктрина имеет важные последствия для управления мыслью. Прямой переход от мира, каков он есть, к Богу — источник самых тяжёлых философских заблуждений, а также других форм заблуждения, выходящих за пределы школ. Именно по этому пути философия, переходя от мира как он есть к Богу, впадает в отрицание зла, исходя из бесспорного тезиса, что всё, что исходит от Бога, — хорошо.

Из того же источника питаются безрассудные и часто пагубные апологии божественного Провидения. Например, если вы приписываете воле Бога не только существенные и конститутивные законы человеческого общества, которые действительно являются частью плана творения, но и наше общество таким, каково оно есть; если вы хотите подавить жалобы страдающих от подлинных общественных злоупотреблений, заставив их склониться перед десницей Провидения — вы напрасно попытаетесь прикрыть зло священным авторитетом; вы не добьётесь подчинения, вы только добавите к восстанию против общества восстание против Бога.

Признавая, что общие и постоянные факты, не зависящие от индивидуальной воли, входят в божественный план, можно было бы составить апологию (оправдание) войны — представив её не как кровавый след греха, а как один из изначальных и благих элементов вселенной. В другой области, если вы не допускаете возможности, несмотря на всю окружающую тайну, что в природу могла быть внесена какая-то порча, то ваши апологии Провидения часто будут наталкиваться на данные естественных наук и иногда разбиваться о наивные вопросы детей. Мир во всех своих основных элементах — дело Божие; и в человеке всё, что составляет его сущность, само по себе — Добро. Сердце, как сила любви, — Добро; разум, как сила познания, — Добро; воля, как сила действия, — это даже больше, чем Добро: это корень и условие всякого блага.

Но мир, каков он есть, — это испорченный мир; и между этим миром и Богом стоит падение рода человеческого, которое породило злую силу, нависшую над нашей судьбой. Всеобщий, универсальный факт может быть злом, ибо он может быть последствием изначального восстания человечества против своего закона. Поймите хорошо практическое значение этой мысли. Если вы не знаете, что мир находится в беспорядке, вы устремитесь к добру, повинуясь естественному стремлению сердца, — и при столкновении с реальностью вашей жизни ваше сердце будет разбито. Если вы войдёте в общественную жизнь с мыслью, что человеческая природа добра, — вскоре вы почувствуете уколы разочарования, и, в конце концов, горькая печаль охватит вашу душу.
Если же, наоборот, вы знаете, что человеческая природа падшая, вы встретите грех, беспорядок и страдание без удивления; и вы будете бороться с ними — как воин армии добра — с твёрдой уверенностью в окончательной победе вашего дела.

Я резюмирую эти размышления, отвечая на мысль, которая часто возникает в нашу эпоху. Вы услышите, как говорят, что учение о грехопадении — это религиозное, древнее учение; тогда как учение о прогрессе — это новое философское учение, и якобы между этими двумя несовместимыми представлениями нужно выбирать. Прогресс, говорят, — это закон духовного мира, подобно тому, как тяготение — это закон материи. Следовательно, закон прогресса исключает идею падения, ибо падение человечества было бы именно противоположностью прогресса.

Такой способ рассуждения основывается на глубоком смешении понятий, происходящем из-за неоднозначного смысла слова «закон». Физический закон, как мы уже говорили, — это выражение устойчивых фактов в области, где свободы не существует; поэтому всякий закон в этом смысле исключает свою противоположность. И знание истинного закона позволяет отвергнуть всякий факт, ему противоречащий — так же, как знание определённого факта позволяет отвергнуть закон, который этот факт отрицает.

Но моральный закон, предложенный свободному существу, может быть исполнен или нарушен, в зависимости от решений воли. Идею прогресса противопоставляют учению о падении. Это всё равно, что противопоставить идею прогресса утверждению, что Нерон стал хуже с возрастом. Если прогресс — это закон человечества, всегда осуществляемый, как законы физики, — тогда то, что верно о человечестве в целом, должно быть верно о каждом его члене: если человечество не могло пасть, то и Нерон не мог испортиться.

Посмотрим на это шире: делает ли идея прогресса ненужным то решение, которое я предложил? Прогресс не объясняет — как думают — существование зла. Ведь прогресс — это изначальный закон творения, и он может совершаться в добре. Истинный прогресс — это движение от несовершенства к совершенству, но несовершенство — это не зло. Если же есть беспорядок и зло, то должна быть ошибка воли, её отклонение от добра.

Если прогресс в нашем мире проявляется в форме восстановления после зла, то это — яркое доказательство доктрины падения. Признать, что прогресс состоит в том, чтобы удаляться от зла, и что он есть основной закон мира — это значит признать, что зло, как условие прогресса, есть исходный и необходимый элемент вещей. А утверждать, что зло — первичный и необходимый элемент — это, как мы уже не раз повторяли, то же самое, что назвать его добром, или, другими словами, отрицать его существование.

Нет нужды выбирать между двумя идеями: прогресс и падение — обе необходимы, чтобы объяснить нынешнее состояние человечества. Человек начал с состояния невинности, когда небесный мир духов предстал перед его сознанием как цель, к которой он должен был прийти, как дар Творца, который он должен был усвоить свободным актом воли. Небо закрылось для его сознания вследствие последствий падения, и всё же остаётся предметом его стремлений,

«Как неведомое благо, к которому рвётся всякая душа,
И которое не имеет названия в земной жизни».

Ламартин, у которого я заимствую эти строки, в другом месте становится прекрасным выразителем той идеи, против которой я борюсь — идеи, что нужно выбирать между падением и прогрессом. Он говорит:

Человек — это бог, павший, но помнящий небеса.
Будь то потому, что, лишённый своей древней славы,
Он сохранил память о своих утраченных судьбах;
Будь то потому, что бездонная глубина его желаний
Предвещает ему издалека его будущее величие:
Несовершенный или падший, человек — великая тайна.

Я отвечаю поэту, пользуясь его же словами (пусть я и нарушаю их поэзию, чтобы поставить их на службу своей мысли):

Несовершенный и падший, человек живёт на земле;
Но он — бог, павший, и помнящий небеса.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ — ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

вернуться к содержанию >>>

Женева, 10 декабря 1867 г. — Лозанна, 29 января 1868 г.

Господа, «Доказательство» — такова тема нашего сегодняшнего занятия. Оно будет разделено на три части. Сначала я объясню, каково доказательство, которое я намерен вам предложить; затем изложу аргументы, которые хочу представить; наконец, постараюсь ответить на основные затруднения, связанные с предметом.
Природа доказательства, — изложение доказательства, — разбор трудностей: таков будет порядок наших размышлений.

I. ПРИРОДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Прежде всего, нужно понять, какова природа научной демонстрации; и чтобы это прояснить, я приведу пример.

Как сформировалась наука о движении небесных тел, которая составляет важнейшую часть астрономии? Движения небес издавна привлекали внимание людей, и наука, стремящаяся их объяснить, — одна из древнейших наук. Со временем утвердился господствующий взгляд, известный как система Птолемея. Согласно этой системе, Земля считалась неподвижной, а звезды и планеты — вращающимися вокруг неё по круговым орбитам с различной скоростью и на различных расстояниях.

Польский священник Коперник пришёл к мысли, что такое объяснение слишком запутанно, чтобы быть истинным, и стал искать более простое решение. Он провёл множество исследований и в старинных книгах нашёл мысль, ранее высказанную учёными пифагорейской школы: Солнце остаётся неподвижным, а Земля обращается вокруг него в пространстве. Он обнаружил в этих древних сочинениях, конечно не свою теорию в её окончательном виде, но зачаток этой теории. Коперник, вопреки распространённому мнению, не открыл истинную систему мира исключительно вдохновением гения — он нашёл её указание у Цицерона и Плутарха; и, поскольку сам он это честно указал, вина за незнание этого факта лежит не на нём.

Истина, которую он ввёл в науку, была новой для науки, но древней для традиции, в значительной мере забытой. Когда открытие Коперника было опубликовано, оно вызвало бурные споры. Противников было много. Прежде всего — учёные, приверженные прежней системе, не желавшие расстаться с плодами многолетнего труда, вложенного в её понимание и доработку. Далее — обыватели, сторонники здравого смысла, но только в его поверхностной форме, — те, кто судит о вещах лишь по наружности. Если бы мы не узнали ещё в начальной школе, что Земля вращается, — нам было бы трудно поверить, что это Солнце, которое каждое утро восходит над Салевом, пересекает небо и заходит за Юру, — остается относительно неподвижным, а вот Земля, по которой мы ходим, движется и уносит нас с собой.

Именно такой здравый смысл — поверхностный здравый смысл — был полностью против Коперника. Можете себе представить, какой отклик вызвали насмешки некоего учёного старой школы, который с удовольствием высмеивал мечтателя Коперника, будто бы считавшего, что мы не подносим лампы к дому, чтобы осветить комнаты, а двигаем сами дома к лампам! Вот цитата из той насмешки: «Некто по имени Коперник утверждает, что движение — не в небесах, а на Земле, и будто бы она вращается за сутки. Поразмыслив над этим капризным мнением, я не могу не удивляться, как оно вообще могло прийти ему в голову. Я смеюсь над этим мечтателем Копернико: если бы на Луне был мир, и его обитатели увидели зажжённые факелы, освещающие наши комнаты, они что, подумали бы,

что мы носим комнаты к факелам, а не наоборот? Так же и Коперник: он говорит, что Земля движется, чтобы быть освещённой Солнцем, а само Солнце остаётся неподвижным!»

К этим препятствиям в распространении новой идеи добавилось ещё одно — одна из самых памятных ошибок в истории богословия: В 1616 году Конгрегация Индекса (орган Римской инквизиции, занимавшийся запретами книг) официально осудила теорию Коперника как «ложную и полностью противоречащую Священному Писанию». Книга Коперника была внесена в Индекс запрещённых книг. Этот факт был важен, но значение его чрезмерно преувеличено — из-за страстей, вызванных этой ситуацией. Общее представление гласит: когда Коперник обнародовал своё открытие, на одной стороне оказалась наука, поддержавшая новую истину, на другой — теология, вставшая против. Это романтическая легенда, но не история.

Послушайте строки, написанные во второй половине XVII века: «Не римский указ о движении Земли докажет, что она покоится; и если появятся точные наблюдения, показывающие, что она движется, — весь род людской не сможет остановить её вращение, как и сам не перестанет вращаться с ней». Вы видите тут гордую независимость мысли, которой совершенно не мешал указ Индекса. А автор этих строк — Паскаль, признанный гений физико-математических наук. Во времена Паскаля наука всё ещё колебалась в отношении системы Коперника; даже самые свободные и просвещённые умы спрашивали себя: есть ли у нас надёжные наблюдения, подтверждающие движение Земли?

Только после Ньютона Коперник одержал окончательную победу. Его сочинение вышло в 1543 году, труд Ньютона — в 1687-м. Понадобилось 144 года — труда, вычислений, наблюдений, гениальных открытий Кеплера и Ньютона, — чтобы идея Коперника вошла в ряды неоспоримых научных истин. Почему так долго? Чтобы просчитать последствия новой теории, сопоставить их с всё более полным массивом фактов и победить, научной демонстрацией истины, предрассудки, связанные со старыми воззрениями, неосторожные осуждения богословов, и, более всего, вес очевидности, которую противоречиво опровергала новая система.

Что придавало уверенность сторонникам Коперника? Изучите оригинальные тексты — вы увидите, что их поддерживала глубокая вера в мудрость Творца мира, убеждённость, что Бог — лучший из мастеров (по выражению самого Коперника), и Его пути — пути простоты. Все три великих основателя современной астрономии — Коперник, Кеплер и Ньютон — были, в полном смысле этого слова, богопоклонниками. Это славная страница истории человеческого духа. Иногда её пытаются замолчать, но никто не может её вычеркнуть.

Мы стоим перед великим вопросом. Мы хотим объяснить не движение небесных тел, а это роковое движение человеческой души, которое влечёт её ко злу. Одно решение уже было нам предложено — решение, которое наиболее распространено в современной философии: индивидуальное решение. Мы сопоставили его с фактами — и оно показалось нам недостаточным. Тогда мы начали искать иное. Где мы его нашли? Как и Коперник — в древней книге. Но в книге, которая отличается тем, что её никогда не переставали читать, которую читают всё больше и больше — во всех уголках мира, и содержание которой продолжается в живой традиции, постоянно возвращающей нам её истину. Это решение, по моему мнению, есть решение будущего. Древнее — в предании и в богословской науке, стремящейся выразить и обосновать предание, — оно ново в области собственно философской.

А теперь, господа, если для окончательного утверждения доказательства понадобилось 144 года, — стоит ли этому удивляться? Удивительно ли, что для того, чтобы научно объяснить состояние человеческой души, требуется столько же времени, сколько потребовалось,

чтобы объяснить движение звёзд? Изучать предложенное решение, прослеживать его следствия, сравнивать его с всё более тщательно наблюдаемыми фактами, подтверждать его — если оно истинно: это дело может быть долгим. И — вы все можете принять в нём участие.

Ибо (уверяю вас, я не намерен осыпать вас пустыми похвалами) — именно здравый смысл человечества, в конечном счете, выносит суждение над научными теориями о человеческой природе. Но не тот поверхностный здравый смысл, что судит по первым впечатлениям и принимает господствующие предрассудки за истину, а серьёзный, глубокий здравый смысл, плод размышлений, различающий и выявляющий, сквозь завесу времени, основные законы человеческого духа — ту самую разумность, какой её сотворил Бог. Если лёгкий и поверхностный здравый смысл — бич науки, то истинный здравый смысл, в котором раскрывается природа человека, — законный судья всех попыток учёных объяснить состояние человечества.

Чтобы принять участие в этом деле, к которому я вас приглашаю, первым шагом должно быть — наблюдение и размышление. Наблюдение за нравственными явлениями не требует лаборатории и дорогостоящих инструментов: каждый из нас постоянно носит в себе душу, которая есть объект наблюдения, и разум, который есть инструмент.

Чтобы облегчить себе задачу, вы можете опереться на труды мыслителей, занимавшихся этим вопросом. Позвольте мне указать лишь на немногие. «Мысли» Паскаля станут вам хорошим помощником. Если вы отстраните от них суровость янсенизма, которая может вас оттолкнуть; если вы очистите их от обрывочности, вызванной тем, что они дошли до нас на клочках бумаги, где он записывал свои мысли и которые, быть может, он бы сам переработал, если бы издавал их при жизни, — тогда вы обнаружите, что всё они свидетельствуют об одном: как только человеческое сердце становится предметом внимательного изучения, удовлетворительное объяснение его состояния можно найти лишь в учении о падении.

Среди наших современников я назову двух, чьи труды могут быть вам полезны (и я имею право так утверждать, потому что сам в значительной мере ими пользовался): — профессор Юлиус Мюллер, и — мой почтенный друг, профессор Шарль Секретан.

После этих пояснений относительно природы доказательства — перехожу к самому доказательству.

II. ИЗЛОЖЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

вернуться к содержанию >>>

Научное доказательство, как мы только что сказали, может потребовать немало времени. Но сторонники всякой доктрины могут с равным правом ссылаться на будущее; и такая ссылка ничего не доказывает, кроме уверенности каждого в собственной мысли. А между тем наука не может принимать во внимание бесчисленные идеи, которые способны возникнуть в человеческом уме. Чтобы гипотеза была признана серьёзной, чтобы она заслужила внимание, необходимо с самого начала показать, что она объясняет какие-либо важные факты, как, например, Коперник, который сразу показал, что его теория объясняет смену дня и ночи, а также разнообразие времён года.

Сначала повторим наше утверждение; затем постараемся представить значимый аргумент, который, пусть и, не доказывая его полностью, даст начало доказательству в его пользу.

Перед лицом абсолютного нравственного закона мы обнаруживаем в сердце каждого человека принцип зла — то есть в сердце человеческом. Этот принцип зла — неотъемлем от человечества. Мы не все — воры или злодеи; есть люди, которых инстинкт стыдливости и закон целомудрия охраняют от греховных искушений плоти; есть люди, которые сохраняют воздержанность; есть такие, кто великодушен и сострадателен. Но принцип зла присутствует во всех, потому что все мы по природе склонны к направлению, противному закону. Моральный закон требует, чтобы воля каждого человека имела своей целью — своим главным направлением — общее благо, в котором каждый найдёт свою законную долю. С точки зрения общественной морали, которую мы признали справедливой, «честным» называют человека, который распоряжается своей свободой, не нарушая напрямую прав других.

Но можно быть честным в глазах общества, не будучи добрым в глазах морального закона. Потому что закон требует не только того, чтобы не нарушать чужих прав, не красть, не убивать, не клеветать, — он требует посвящения каждого индивида общему благу духовного общества. А между тем, изучая человеческую душу, мы обнаруживаем в ней тенденцию, существенную для её нынешнего состояния, — неупорядоченную любовь к себе, которая и есть корень зла. Вот как выразил эту мысль Паскаль:

> «Мы рождаемся несправедливыми, ибо каждый стремится к себе.
> Это — против всякого порядка; нужно стремиться к общему,
> и склонность к себе — есть начало всякого беспорядка».

Таково моё утверждение. Я не говорю, что все мы — общественные преступники; но я утверждаю, что в каждом человеке есть принцип эгоизма, который и составляет существенную природу греха. Откуда происходит этот злой принцип? От деяния человечества, членами которого мы все являемся, — деяния, которое повредило человеческое сердце таким, каким оно есть в каждом из нас. Каждый из нас, как личность, несёт ответственность за свои личные поступки, или, точнее сказать, — за личную часть этих поступков. Но каждый из нас, как человек, также разделяет ответственность за падение человеческого рода.

Эта доктрина, как мы уже признали, сильно задевает некий здравый смысл. Вопрос в том, идёт ли речь о первичном и поверхностном здравом смысле, который цепляется за видимости, или о глубоком здравом смысле, который выражает разум человеческий и служит судьёй истины. Следующие рассуждения помогут нам судить об этом. Поспешим указать один великий факт, который наша теория объясняет таким образом, что уже самим этим объяснением она заслуживает серьёзного рассмотрения. Я выбираю для доказательства факт, который составляет основную данность изучаемой нами проблемы: наличие в человеке двойственной природы.

Посмотрите, как развивается человек. На свет появляется ребёнок. Как душа его проявится — в процессе развития тела, которое сперва было единственным видимым? Ребёнок, до того как начнёт что-либо осмысленно воспринимать (насколько мы можем судить), уже вступает в связь с духовным миром — через непосредственные органы чувства: взор и голос матери. Прежде чем понять, ребёнок чувствует: он чувствует любовь, и сердцем он входит в мир духовных существ. Позднее, с первыми словами на его губах, мать привязывает его к всеобщему преданию. Он принимает это предание, которое для его разума то же, что материнское молоко для его тела; и таким образом он входит в общение с человеческим родом.

Ребёнок, стало быть, начинает с веры во благо и истину. Вот почему самое возвышенное слово, когда-либо сказанное на земле, предложило нам взять наивную детскую веру — веру, не сомневающуюся ни в любви, ни в слове матери — как модель для совершенного человека. Детство чисто. Затем наступает юность — и это пора высоких порывов, возвышенных стремлений, святых порывов сердца. «Быть чистым, быть гордым, быть возвышенным и верить во всякую чистоту», — как говорит Виктор Гюго.

А теперь, господа, я обращаюсь к тем из вас, чья душа была тронута меланхоличным и нежным дыханием поэзии. Если вам хочется плакать, не расточайте слёзы на увядшую розу, на бегущую воду, на падающий лист, на исчезающую весну, на мимолётный зефир. Сохраните их для этих прекрасных человеческих цветов, слишком часто, увы, увядающих ещё до распускания: чистота детства и святая пылкость юности. С самого начала в душе присутствует точащий червь. Благо проявляется, но… «Оно — как плод, сорванный в момент появления, или как цветок, завядший от враждебного дыхания».

Посмотрите, что говорят взрослые. Слушаем опять Виктора Гюго: «О, когда возвращается это нежное прошлое, этот безупречный возраст, в белом одеянии, к которому привязана наша любовь, мы хватаемся за него… и сколько горьких слёз проливается над увядшими лоскутами юных мечтаний, что остались у нас в руках!» Так оплакивает поэт. Другие говорят с горькой усмешкой об иллюзиях детства и мечтах юности.

Порочная природа была в нас с самого начала; она развилась — и взяла верх над доброй природой. Часто говорят, что чистота детства и высокие стремления юности погибают от соприкосновения с порочным миром, словно бы всё зло приходит извне. Но откуда же берёт пополнение этот порочный мир? Как могут эти чистые дети, помещённые вместе, превратиться во взрослых, не исполненных добра? На деле, детство не чисто, и юность не свята, но, может быть, не существует ни одного человеческого существа, которое бы, открываясь жизни, не мечтало о чистоте, любви и святости. Прежде чем совершить зло, мы видим добро.

Когда воля развивается и начинает осознавать саму себя, когда человек обретает обладание собой, он обнаруживает наличие в себе двойственной природы. Вот почему улыбка, вызываемая видом младенца, почти всегда окрашена меланхолией. Мы опасаемся для этого начинающего жизнь не только превратностей существования; мы предчувствуем ту борьбу и страдания, что ожидают эту ещё невинную волю, когда она столкнётся с развитием испорченной природы. Мне было бы нетрудно привести множество цитат в поддержку этих мыслей. Я мог бы сослаться на апостола Павла, а для тех, кто не признаёт его авторитета — на римского поэта Овидия. Я мог бы привести христианина Расина — а для других — грека Еврипида; для иных — Вольтера. Во всей человеческой литературе я находил бы утверждение того, что в каждом из нас присутствует двойственная природа.

Мы созерцаем порядок, в котором находит удовольствие наша добрая природа, и стонем под тяжестью беспорядка, который нас угнетает. «Наша жизнь — это извращённая природа, — говорит лорд Байрон. — Не может быть элементом всеобщей гармонии этот не отменимый приговор, это неизгладимое пятно греха, это древо разложения, корень которого — в земле, а листья и ветви — в небесах, проливающих на людей свои бедствия, как росу. Болезнь, смерть, рабство — все беды, которые мы видим, и, что хуже, те беды, которых мы не видим, но которые сотрясают неутешную душу бесконечно новыми сердечными скорбями». Одна фраза Паскаля суммирует все эти мысли: «В нас две природы: одна — добрая, другая — злая».

Но, не умножая цитат, я предпочитаю напрямую обратиться к вашему опыту. Вы все знаете, что в нас две природы, борьба между которыми разрывает порой наше сердце. Наша

теория объясняет этот великий факт. Всякий раз, когда появляется новый человек, происходящий от жизни человечества, представителем которой он является, истинная цель свободы открывается ему в совести. Золотой сон повторяется, небесный Эдем предстаёт на мгновение. Это и есть человек Божий, добрая природа, первозданное устроение души, которое проявляется в начале жизни. Другая природа, злая, — это человек человеческий, печальное творение твари, результат всеобщего падения.

Таким образом, мы в состоянии объяснить присутствие двух природ. Мы также в состоянии объяснить, почему злая природа преобладает в развитии жизни. Действительно, из самой идеи падения вытекает, что человеческая воля — не в своём нормальном состоянии. Свобода, как мы говорили, осуществляется и возрастает, отдавая себя добру; но воля ослабевает и погибает, отдавая себя злу, ибо добро — это наш закон, тогда как зло чуждо и враждебно природе нашей души. Человек обладает бесценной привилегией свободы, которая делает его способным к добру и к счастью; но в себе самом он пуст, и у него нет иного выбора, как либо стать свободным слугой правды через практику добра, либо, предаваясь злу, стать рабом греха.

Восстание человечества имело следствием не только то, что повредило сердце человека, сделав его обителью дурных влечений, но и парализовало волю. Наше решение объясняет, таким образом, принцип зла, который наблюдение обнаруживает в нашем сердце. Какое иное решение вы можете предложить, которое приведёт к тому же объяснению? Зло есть; оно составляет сущность человечества, и рассмотрение воли отдельных личностей не объясняет его существования. Откуда оно происходит? Сделаете ли вы зло необходимым? Это будет отрицанием проблемы, а не её решением — уничтожением одного из её членов. Свяжете ли вы зло с извечным принципом? Это дуализм, а он уже не обсуждается на том уровне развития, которого достигла человеческая мысль.

Что же остаётся? Искать источник зла в Боге? Мы не можем. Следовательно, надо искать источник зла в деянии человечества. Вот суть моего доказательства. Я считаю заслуживающим самого серьёзного рассмотрения всякое решение проблемы, которое снимает с Бога ответственность за зло, не прибегая к понятию природы вещей как ко второму, вечному началу, сопоставимому с Богом. Но я не знаю иного решения, обладающего этим свойством, кроме того, что я вам предлагаю. Вот почему я держусь за него и остаюсь на нём, пока не откроется свет нового понимания, о существовании которого я пока не подозреваю.

Я сказал вам это с самого начала: добро — это то, что должно быть, оно тождественно с божественной волей; зло — это то, что не должно быть, оно — противоположность божественной воли. Сохранить эти два определения — вот для меня критерий всех теорий, в рамках тех исследований, которые мы ведём вместе. Отвергнуть всякое учение, которое разрушает моральный закон или веру в святость Бога, — вот моё правило. Существует ли какое-либо другое решение, помимо предложенного вам, которое сохраняет моральный закон и Бога, объясняя совокупность фактов, открываемых нам наблюдением? Ищите его. Но, скажете вы, может быть: моральный закон и Бог — это теории; а нам не следует подыскивать доктрину, которая оправдывает предвзятые теории, а нужно объяснять факты. Примем эту мысль во внимание, и, отбросив то, что вы называете теориями, перейдём непосредственно к фактам.

Понятие морального закона — лишь выражение факта: этот факт — чувство обязательства, сознание долга. Наша вера в святость Бога — также выражение факта: этот факт — чувство, потребность в поклонении. Попробуйте устранить моральную обязанность, которая лежит в основе всего нравственного и общественного порядка; попробуйте устранить инстинкт поклонения, лежащий в основе всех религий; заставьте умолкнуть голос, который,

пред лицом добра, выражает одобрение, а перед лицом зла — поругание; заставьте умолкнуть голос, который, сталкиваясь с вопиющей несправедливостью, возносится — часто даже у тех, кто считает себя отрицающим Бога, — и взывает к высшей справедливости; заставьте эти голоса замолчать, если можете, и тогда мы будем вынуждены признать, что моральный закон и Бог — лишь теории.

Но вы не можете стереть из душ сознание долга и чувство божественного порядка, ибо это — фундаментальные элементы нашей природы. Сохранять моральный закон и святость Бога — значит сохранять две идеи, которые являются непосредственным и прямым выражением фактов. Мы встречаем на своём пути науку, которая с пренебрежением относится к фактам такого рода, обозначая и принижая их под названием «дела чувства». Французский позитивизм, как недавно заметил один из его наиболее значительных представителей, господин Литтре, утверждает, что наука признаёт лишь материю и свойства материи. Немецкий материализм — устами профессора Бюхнера — заявляет, что «невозможно долго сопротивляться силе фактов».

Но, по мнению этих авторов, совесть, потребность в поклонении, и, вообще, все духовные феномены — не являются фактами; не существует других реальностей, кроме тех, что даны нам в ощущении. Если бы было сказано: «Наука о материи знает лишь материю и её свойства» — это следовало бы отнести к числу банальностей в духе песенки господина де Ла Палисса. Но здесь хотят убедить нас в другом — что наука о материи и её свойствах является универсальной наукой, и что всё, что существует, — это материя и её свойства. Рассмотрим это. Свойства материи существуют только вместе с материей, а материя существует лишь при условии формы и веса.

Пожалуйста, скажите мне: Какова форма чести? Каков вес позора? Существуют ли микроскопы, позволяющие измерить геометрические размеры самоотверженности, и в миллиметрах — длину эгоизма? Сколько путаницы в понятиях нужно призвать на помощь, сколько тьмы нужно нагромоздить, чтобы удалось заглушить естественный свет, который озаряет всякого человека, приходящего в мир, до такой степени, чтобы поверить, будто порок и добродетель, честь, порядочность, самоотверженность, уважение, презрение, поругание, похвала, восхищение, ужас — всё это материя или свойства материи!

Воспользуемся же утверждением доктора Бюхнера, ведь материализм, вложив его нам в руки, по сути, подписал свой собственный приговор: «Невозможно долго сопротивляться силе фактов». Вот почему человечество никогда не согласится исключить из науки реальности, которые являются самым проявлением его жизни, реальности, которые человек познаёт более непосредственно, чем материю. Потому что материя открывается нашим чувствам только при условии присутствия и действия нашей духовной природы. «Отказаться от разума — значит трусливо отречься от прав мысли» — говорит лорд Байрон. Вам скажут, будто наука нашего века всё более склоняется к материализму. А я, напротив, думаю, что она близка к тому, чтобы выйти из него, и что тьма, на которую жалуются, — это лишь предрассветная тьма, которая на мгновение сгущается, когда рассвет вот-вот наступит.

Что касается вас, господа, разве я не вправе отметить рвение, с которым вы собрались, чтобы исследовать проблему зла, эту проблему совести и сердца, которая составляет мучение, но также и славу человеческого духа? Разве я не вправе утверждать, что, собравшись в столь большом числе в этих стенах, вы громко и почти торжественно заявили, что, по вашему убеждению, совесть и сердце человека не являются недостойными предметами для серьёзного размышления разума?

III. ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУДНОСТЕЙ

вернуться к содержанию >>>

Обратимся теперь к изучению сложностей, которые поднимает предлагаемое нами решение, являющееся предметом нашего исследования. Что мы предлагаем? Нам, кажется, найти в ряде идей, удовлетворяющих разум, сохранение и защиту сознания. Однако, на первый взгляд, наше решение, кажется, отталкивает и сознание, и разум. Начнём с трудностей, относящихся к рациональной сфере.

Говорят, что невозможно постичь грех в состоянии невинности. То, что мы творим зло, легко объясняется – мы сталкиваемся с дурными побуждениями нашего сердца; мы подвержены соблазнам чувственности во всех её проявлениях, тщеславию во всех его видах. Зло, находясь в нашем сердце, объясняет, почему мы поддаёмся его увлечениям; но уберите зло из сердца – и вы никогда не объясните, как воля может отступить от добра. Ведь добро само по себе обладает привлекательностью. Чтобы уравновесить эту привлекательность, необходим соблазн, вытекающий из предварительного присутствия зла. Без соблазна падение невозможно объяснить; а если принять первоначальное состояние невинности, то это исключает любой соблазн, а значит, и возможность зла. Это первая проблема, которая предстает перед нашим исследованием.

Я не собираюсь отвечать на возражение, давая абстрактное определение свободы, утверждая, что свободная воля может по самой своей природе выбрать зло, без всякого побуждения. Я признаю, что при отсутствии какого-либо соблазна грех необъясним. Что же мне следует сделать? Необходимо показать, что в полной чистоте сердца существует присущий воле соблазн, который нельзя устранить, не уничтожив саму волю; так, что, если предположить свободную волю с абсолютно чистым сердцем, этот единственный соблазн будет существовать. И действительно, этот соблазн существует. В чём он заключается? В соблазне свободы.

Свободная и сотворённая сила ощущает себя, как сила, источником действия; но как творение, она не является и не может находиться в абсолютной независимости; она оказывается перед всеобщим законом, или Богом, чей закон выражает волю. Из этой самой ситуации вытекает для созданной силы соблазн не осознавать последствия своего положения творения и установить себе собственный закон, отвергая закон, который подчиняет её Богу. Это соблазн чистой и простой революции. Не кажется ли это неразумным? Отнюдь. Является ли этот соблазн невозможным? Никак нет, ибо он реален, он существует в нас.

Соблазн чистого и простого мятежа скрыт и, как бы он ни был прижат огромной массой побуждений нашего сердца, когда мы совершаем зло, зачастую это происходит потому, что мы поддаёмся увлечениям развращённой природы. Однако нельзя не признать, что, хотя его роль невелика в нашей жизни, существует искушение независимости само по себе. Рассмотрим такой случай: у вас возникает желание совершить определённое действие. Кто-то, не обладающий над вами никакой законной властью, с высокомерием приказывает вам сделать именно то, что вы и так намеревались осуществить. Что произойдёт? Почти все вы восстанете против этого незаконного приказа; и, возможно (я не утверждаю, что вы поступите разумно, но вы, естественно, отреагируете), вы откажетесь от своего желания и сделаете что-то, что не вызывало у вас никакого стремления, лишь бы утвердить свою независимость. Ваше сопротивление в данном случае оправдано при наличии приказа, имеющего характер угнетения.

Но такое стремление к независимости существует и перед лицом законной власти сознания, и перед лицом Божьего закона. Это настолько верно, что многие молодые люди, которые отвергли бы с отвращением некоторые низменные соблазны, если бы они были представлены им напрямую, становятся жертвами дьявольских интриг тех, кто пробуждает в

них дух независимости, постепенно побуждая их поступать вопреки их первоначальной естественной склонности. Запретный плод обладает вкусом мятежа.

Уберите мысленно этот соблазн – и больше никакого зла быть не может. Но там, где зло невозможно, там отсутствует свобода. Элементарная форма свободы, от которой она должна исходить, чтобы затем вознестись к полной свободе, уничтожая возможность зла, предполагает наличие выбора. Уберите выбор между послушанием и бунтом – и вы уничтожите свободное бытие в вашем сознании. Иногда у Бога просят создать существо, которое не смогло бы согрешить, то есть было бы обязательно добрым. Не задумываясь, что обязательность исключает свободу; что там, где нет свободы, отсутствует и добро, и зло; так что идея существа, которое обязательно доброе, содержит в себе чистое противоречие.

Таким образом, первоначальное падение объясняется соблазном, который является единственным, присущим свободной силе, который может быть передан невинному творению. Единственным соблазном, который способен найти отклик в воле, сопряжённой с чистым сердцем; и этот соблазн выражается так: «Ты будешь своим Богом». Никакой иной соблазн не может возникнуть иначе как вследствие первоначального подчинения свободной силы именно тому соблазну, который присущ свободе. Именно поэтому, когда Мильтон, стремясь проследить цепочку передачи зла к его первоисточнику, объясняет бунт мятежного архангела через желание силы обладать своим собственным законом и освободиться от господства Властелина вселенной, он (Мильтон) оказался не только великим поэтом, но и мудрым философом.

Вы можете теперь возразить: вот оно, зло в самом начале вещей; вот зло, присущее творению в его качестве творения! Нет, не зло, а возможность зла – возможность, которая, опять же, является условием созданной свободы. Свобода предполагает возможность зла и содержит в себе соблазн, без которого свобода не могла бы существовать; однако причина осуществлённого зла найдена лишь в воле, которая восстаёт против закона. Если вы рискуете запутаться в этих рассуждениях, я напомню вам слова Шекспира: «Быть искушаемым – это одно; поддаваться – совсем другое».

Таким образом, существует соблазн, присущий свободе, независимо от всякой дурной природы сердца. Наше решение вовсе не абсурдно. Напротив, оно совершенно разумно; и если ему уделить достаточно внимания, оно становится совершенно ясным. Хотелось бы мне сказать то же самое о следующем пункте.

Когда мы признаём, что падение свободного существа возможно даже в состоянии невинности, перед разумом возникает новая, ещё более грозная сложность, которая, кажется, преграждает ему путь. Мы уже говорили об этом, и следует повторить: предлагаемое нами решение не заключается в том, чтобы первый человек, или первая пара людей, совершили грех сугубо индивидуально, а затем другие, действительно и абсолютно другие, несли бы за него последствия. В таком прочтении решение оказывается неправильным. Об одном древнем победителе говорилось, что для него само участие в битве означало победу.

Можно сказать, что для этой доктрины быть понятым – значит быть отвергнутым. Решение, которое мы исследуем, именно тем, что утверждает наше участие во всем – не индивидуальное, но, в то же время, реальное участие в общем падении: это человечество, которое восстало и несёт последствия своего мятежа. Лишь так наша доктрина может быть согласована с понятием справедливости; или, если точнее, только наша доктрина позволяет примирить с идеей справедливости те факты, которые опыт открывает нам. Нет двух систем справедливости; и это одно из самых серьёзных упрёков, которые можно предъявить

Паскалю, когда он, пусть и мимоходом, указывал, что может существовать две справедливости – человеческая и Божья.

Существует только одна справедливость – справедливость Бога, чьим сиянием мы освещаемся в той мере, в какой получаем её свет. Мы обращаем внимание к несправедливости людей по отношению к Божьей справедливости; но если пытаться разделять Божью справедливость и справедливость сознания, то тогда неизбежно впадаем либо в атеизм, либо в фанатизм. Наше рассуждение не вращается вокруг идеи справедливости – она всего одна, как определял её Цицерон: «Отдавать каждому то, что ему принадлежит». Наше обсуждение основано на следующем вопросе: являются ли отдельные люди в абсолютном смысле единым целым? Или в каждом человеке существует личное бытие, а также бытие человечества?

Мы не утверждаем, что человечество – это нечто отдельное от отдельных индивидов; но мы допускаем, что в каждом человеке уживаются две различимые реальности, не разъединённые между собой, и он предстает, таким образом, в двойственном облике: с одной стороны, как он есть в своей личной сущности, а с другой – как человек за счёт присутствия в нём человечности.

После этих разъяснений перейдём к рассмотрению самой сложности. Речь идёт о том, чтобы сделать нас ответственными за общее падение нашего рода. Вы можете возразить, что мы не храним никакого воспоминания о первородном бунте, — но отсутствие памяти не является трудностью. Мы ежедневно ощущаем на себе последствия вполне осознанных поступков, о которых мы уже забыли. Подлинное возражение — не в отсутствии памяти, а в отсутствии существования. Если человеческий род пал, то, несомненно, это произошло в такую эпоху, когда нас ещё не было на сцене мира; и, сталкиваясь с этой идеей, вы вполне можете быть склонны повторить слова агнца из басни Лафонтена: «Как бы я мог это сделать, если я тогда ещё не родился?»

Вы не существовали? — в каком смысле? А вы в этом уверены? Поскольку вопрос одинаков для всякого живого существа, рассмотрим его на примере растения. Я смотрю на эту ель, стоящую сейчас в лесу. Откуда она взялась? Её нынешняя материя взята из почвы и атмосферы, посредством ряда движений и превращений, тайну которых физика и химия пытаются разгадать. Недавно, на одном публичном собрании, профессор де Кандоль сообщил нам о недавних достижениях ботанической науки, объясняющих законы физики и химии, управляющие развитием растения, начиная с момента прорастания. Он рассказал нам, как объясняется рост растения, — но при каком условии? При условии, что растение уже есть, что оно живо в своём зародыше. А между тем, этот зародыш не есть результат движения материи; живой зародыш — не просто совокупность молекул, как камень или кристалл.

Следовательно, прежде чем развиться, ель, которую я сейчас рассматриваю, уже существовала в своём зародыше. Но откуда этот зародыш? Верите ли вы, что Бог создаёт его непосредственно? Думаете ли вы, что Бог каждый год создаёт все семена ели и все зёрна пшеницы? В этом случае, если творческая сила создаёт каждый зародыш актом своей всемогущей воли, то факт, что семена ели появляются именно на елях, а не на дубах, а жёлуди не появляются на траве, стал бы чисто случайным. Возможно, вы никогда об этом не задумывались; но подумайте — и вы овладеете собственной мыслью. Вы не верите, никогда не верили и не можете поверить, глядя на природу, что каждый живой зародыш происходит от нового творческого акта.

Зародыш ели, следовательно, существовал уже в той ели, которая его произвела; и так можно отследить путь от ели к ели вплоть до начала вида. Но, как и в каком смысле, он

существовал? Философы говорят, что зародыш существует в потенции (таков их термин) в жизни того индивидуума, который производит других. Но что понимать под этим выражением в потенции? Припишем ли мы растению волю, и будем ли думать, что оно само создаёт зародыши? Мы так не думаем. Зародыш существует до того, как проявляется; и то, что называют здесь потенцией, не создаёт, а раскрывает то, что уже было.

(Философы оказались правы. Генетическая информация (ДНК) заложена в семени. Развитие — не раскрытие готового, а реализация программы. Потенция - Биологический потенциал, реализуемый при взаимодействии генов и среды) Прим. Ред.

Как это понять? Предположим ли мы, что все живые существа существуют в бесконечно малом виде внутри первичного зародыша? Допустим ли мы, что в первом семени ели, из которого произошли все прошлые, настоящие и будущие ели, при вскрытии под микроскопом бесконечной мощности, можно было бы увидеть все ели мира, как будто они запечатлены внутри, словно в коробке? Вы улыбаетесь, господа — и вполне справедливо: если допустить бесконечное воспроизведение живых существ, то метафизика подтверждает уместность вашей улыбки. В самом деле, в первом зародыше должно было бы содержаться бесконечное число реальных существ, но, поскольку всякое число по своей сути конечно, и определено, бесконечное число не может быть числом.

Таким образом, ель, которую мы рассматриваем, существовала уже сто лет назад, тысячу лет назад, десять тысяч — сколько угодно — вплоть до начала своего вида. Заметим, между прочим, что количество подлинных видов не имеет значения для нашего предмета, и недавние споры о классификациях, обычно используемых, не имеют отношения к нашему рассуждению. Каково бы ни было количество действительно обособленных видов, наш аргумент остаётся тем же. Ель существовала в своём виде, до своего индивидуального проявления, и у нас есть две причины утверждать это.

Первая — в том, что она существует, что она — не простое скопление, образовавшееся в результате соединения частиц материи, и что мы не допускаем её индивидуального сотворения; значит, она должна была существовать с начала своего вида. Вторая причина вытекает из соображений, которые систематический ум одного английского натуралиста, мистера Дарвина, особо подчеркнул. Дарвин убедительно показал, как изменения, происходящие с естественными видами под воздействием внешних обстоятельств, сохранявшихся в течение столетий, влияли на форму и жизнь растения. Чтобы объяснить устройство и существование нашей ели, вам, возможно, пришлось бы вернуться к влиянию почвы, климата, астрономических и геологических факторов, имевших место тысячи и тысячи лет назад. Наша ель тогда уже подвергалась этим влияниям — значит, она должна была существовать, ибо изменяться можно только будучи.

Но как она существовала? Как существует растение в своём виде? С формой и материей? — нет, если только оно не существует уже целиком оформленным в миниатюре, — но эту гипотезу мы отвергли. И всё же мы не в состоянии постичь существование растения иначе как в двух аспектах: формы и материи. Следовательно, ель существовала таким образом, который нам непостижим. Это и есть тайна жизни. И разве не здесь уместно воскликнуть вместе с Вольтером: «Странные истины! О дивное смешение противоречий!»

(Наука раскрыла эту тайну. Это Генетический код. Он не есть ни форма, ни материя в классическом смысле, но несёт информацию — невидимый план жизни. Современная наука подтверждает: жизнь начинается с кода, а не с миниатюрной формы.) Прим. Ред.

Вернёмся теперь к нашему предмету. До своего проявления в индивидуальном существовании дерево существовало в своём виде — но таким образом, который нам

непостижим. Точно так же и человек, до своего личного появления, существовал в человечестве. Как? — таким образом, который нам непостижим. Мы не можем постичь существование растения иначе как с его формой и материей — и всё же разум приводит нас к признанию, что оно существует в своём виде — без формы и без материи. Мы не понимаем существования человека иначе как в форме индивида — но мы обязаны признать, что для него существует иной способ бытия в человечестве. Вопрос тот же, что и для ели.

Жаку двадцать два года, Альфреду тридцать пять, а вам, сударь, — шестьдесят четыре. Это ваша дата как индивида. Но каковы ваши «возраст» как человека? У вас нет никакой иной даты, кроме даты человечества, и вы, все вы, гораздо старше, чем думали.

Трудность, связанная с нашей гипотезой, а именно мысль о том, что нас не существовало во время предполагаемого падения человеческого рода, исчезает, как только мы признаем существование каждого в человечестве — не как индивида, но как человека. Но чтобы признать реальность вида, необходимо преодолеть весь груз внешних видимостей, к которому добавляется и вес философии, тем охотнее принимаемой, что она опирается именно на эти видимости. Затем надо смириться (а это нам всегда даётся с трудом) с воззрением чистого разума, утверждающим реальность вида, не имея возможности призвать на помощь воображение.

Не углубляясь до самого дна этой темы, я хочу лишь отметить, что некоторые из самых выдающихся представителей разума видели трудность совсем иначе, чем она представляется нам. Индивиды приходят и уходят, виды же остаются. Где дубы, которые давали тень нашим предкам? Где, через несколько лет, будут птицы, поющие в наших лесах, быки, тянущие наши плуги? Всё исчезает с поверхности земли, всё гибнет, — но виды сохраняются: дуб, бык, лошадь, человек — всё это сохраняется среди непрерывной гибели индивидуумов, которые их представляют. Некоторые философы были столь поражены этим фактом, что для них реальность вида стала первой достоверностью, а существование индивида — предметом вопроса.

Не ошибаюсь ли я, господа, полагая, что некоторые из вас, быть может, многие, обвинят меня в плохом рассуждении? — «Сравнение — это ещё не доказательство. При чём тут вообще эта ель?» — вот ваша мысль. Да, допустим, что мы существовали от начала человечества в метафизическом смысле, как всё живое существует в своём виде — это хорошо. Но эта метафизика не отвечает на поставленный вопрос: ведь речь идёт о нравственной ответственности, а это никак не относится к елям. Конечно же, мы не существовали до нашего рождения в такой форме, которая позволила бы нам быть морально ответственными существами. Следовательно, с точки зрения морали, мы страдаем от вины, к которой не причастны; и это — несправедливо. Вот, после трудностей, вытекающих из разума, — протест совести; и он заслуживает самого пристального внимания.

Суть возражения в том, что акты воли исключительно индивидуальны, и ответственность за них имеет тот же характер. Рассмотрим эти два утверждения, напоминая, что индивидуальный характер воли и ответственности должен быть, безусловно признан, даже если он и не является исключительным. Мы, занимаясь одной стороной двойственной истины, ни в коей мере не отрицаем другую, не хотим её заслонить. Верно ли, что воля проявляется только в чисто индивидуальной форме? — Есть основания в этом усомниться. Я укажу на три таких основания.

Во-первых, если верить влюблённым, чувство, которое их наполняет, как бы сливает две воли в одну; воля, в какой-то степени, перестаёт быть чисто личной, оставаясь единой через

союз двух душ. Те, кто чужд страстным порывам, могут счесть это свидетельство влюблённых сомнительным. Но серьёзные писатели, глубокие наблюдатели человеческой природы также утверждают, что глубокие чувства любви и дружбы в некоторой мере уменьшают разделённость душ, лишают волю не самой её индивидуальной природы, но исключительного характера этой индивидуальности.

Во-вторых, представьте себе человека, который в одиночку выходит навстречу вражеской армии, чтобы, ценой своей жизни, принести пользу своим. Такой человек признаётся героем. Но вот другой случай: при штурме укрепления, как это бывает и в иных военных операциях, целое подразделение отправляется на верную смерть, как пушечное мясо. И во многих случаях эти солдаты знают, куда они идут. Они гибнут сотнями, их тела бросают в безымянные рвы. Их поступок перестаёт быть героическим лишь потому, что они были в количестве. Часто ни один из них не имел бы храбрости сделать это в одиночку — а вместе они делают это, возможно, без колебаний. Этот факт общеизвестен и никого не удивляет. Говорят: действует сила примера, соревнование, коллективное действие. Всё это так. Но что это означает? Это означает, что объединение воль создаёт силу, которой не существовало бы при тех же волях, взятых поодиночке. В коллективном действии есть некая сила, которая проявляется в каждом индивиде, но источник её — не чисто индивидуальный. Если бы было иначе, то группа людей не обладала бы силой, превышающей сумму их личных воль. Но каждый знает, что это не так. Каждый знает (даже не всегда осознавая это), что объединённые силы дают новую силу.

В-третьих, в явлениях привычки мы видим, как воля создаёт природу. Сначала — личность формирует привычку, а затем — привычка определяет действия личности (я заимствую выражения у святого Августина). И вот, в этой силе привычки, мы имеем пример того, как воля перестаёт проявляться в индивидуальной форме. Индивид ощущает силу привычки, которая изначально возникла в нём самом, как нечто внешнее, как нечто чуждое. Более того, природа, сформированная привычкой, наследуется от одного индивида другим, и, таким образом, теряет личный характер своего происхождения.

Я передаю вам, господа, эти наброски, которые вы легко сможете развить на других примерах. Существуют тёмные и малоизученные моральные явления, сквозь которые, словно сквозь туман, проглядывает элемент воли, форма которой не является исключительно индивидуальной.

Аналогичные размышления применимы и к ответственности. Идея, будто ответственность может быть только индивидуальной, исчезает сразу же, как только мы вдумаемся. Вы влияете на ближнего словом, примером, взглядом, и склоняете его ко злу. Вы понимаете, конечно, что ответственны за слово, поступок, взгляд, если в них была вина. Но разве вы не понимаете, что вы также несёте часть ответственности за само действие того, кого вы соблазнили и увели с пути долга совести? Обратим внимание на то, что в судебной практике называется смягчающими обстоятельствами. Смягчающие обстоятельства, хоть наши присяжные иногда и злоупотребляют ими, — явление весьма серьёзное. Можете ли вы устранить их из своих моральных суждений? Бедная девушка, рождённая в притонах порока и воспитанная в разврате, — разве будет она виновна в моральном падении в той же мере, что и хорошо воспитанная? Разве часть её вины не принадлежит тем, кто её развратил?

Если юный мальчик, приученный к попрошайничеству, которое оборачивается воровством, нарушит законы честности, — будет ли он столь же виновен, как сын честной семьи, который, чтобы поддаться искушению, должен попрать наставления отца и примеры матери? — Порочное влияние часто служит извинением — и никто это не отрицает. Но оправдать одного — значит всегда обвинить другого; смягчить вину из-за дурных советов или примеров — значит возложить ответственность на тех, кто эти советы дал и пример

показал. Следовательно, в одном и том же поступке может быть несколько уровней ответственности, которые соединяются; ответственность не является сугубо индивидуальной. Эта мысль серьёзна и напрямую касается совести. Проследите последствия одного из своих поступков, одного слова. Вы совершили проступок сегодня, в определённом месте, но ваше влияние распространилось — и вот ваша ответственность вовлечена в поступки, которые будут совершены далеко, спустя долгое время, — но в которых вы всё равно будете иметь свою долю.

Вопреки тому, чтобы быть исключительно личной, ответственность представляет собой, наоборот, определённую цепь событий, которая, если задуматься, погружает ум в длительные размышления. Ксавье де Местр, очевидец ужасов отступления русской армии, описывает страшную судьбу французов и добавляет: «Я не мог видеть ни одного из них, не думая об этом адском человеке, который повёл их к такому несчастью». Я не хотел бы притупить остроту этого укола; безусловно, Бонапарт был главным ответственным за бедствия своей армии. Но проследите истоки этого великого несчастья; спросите себя, что привело Бонапарта к власти, что заставило его искать военную славу как необходимость своего положения; и, не освобождая его от чрезмерной амбиции, вы увидите, как ответственность растёт, распространяясь в длинной цепочке и множествах переплетений нитей истории.

Ответственность и воля, которая является её условием, не являются явлениями исключительно индивидуального характера. Каждый поступок, по сути, индивидуален в своем совершении, но ни один поступок не является исключительно индивидуальным в своих истоках. Эти размышления открывают дверь нашему решению, которая казалась запертой. Обвинение в общем падении приобретёт черты справедливости, как только мы признаем, что, сохраняя при этом нашу личную долю ответственности, мы можем участвовать в коллективной ответственности человеческого рода.

Идея справедливости выступала как возражение. Если бы существовала несправедливость, стоило бы ли обвинять нашу доктрину? Ни в коем случае. Несправедливость — в фактах, которые наша доктрина лишь стремится объяснить. Это легко понять, учитывая великий закон человеческой солидарности. Один страдает от ошибок другого; один наслаждается благами, которые исходят от добрых поступков другого. Распределение благ и зол не имеет исключительно личного характера. Это не наша доктрина говорит так; факты существуют, и нельзя отрицать их количество и значимость.

Я приведу свидетельство человека поистине знаменитого и озабоченного совершенно иными вопросами, чем те, которые нас занимают. Открою произведения Фредерика Бастиа. Этот экономист исследует законы производства и распределения богатств. Вот мысли, которые он излагает. Он замечает, что идея солидарности, отвергнутая философией XVIII века, служила предметом насмешек Вольтера. «Но то, над чем насмехался Вольтер, — факт не менее неоспоримый, чем загадочный. Почему этот человек богат? Потому что его отец был деятельным, честным, трудолюбивым, бережливым; отец практиковал добродетели, а сын получил награды. Почему другой болен, слаб, боязлив и несчастен? Потому что его отец, обладая сильным здоровьем, злоупотреблял им в пороках и излишествах. Нет ни одного человека на земле, чьё положение не было бы определено миллиардами обстоятельств, не связанных с его собственной волей. То, чем я жалуюсь сегодня, возможно, является последствием прихоти моего прадеда и так далее».

«Солидарность проявляется ещё в большей мере и на ещё более непостижимых расстояниях, когда рассматриваются отношения между разными народами или разными поколениями одного народа. Посмотрите на государственные займы. Мы ведём войны, подчиняясь варварским страстям; мы уничтожаем ценные силы; и при этом мы находим

способ возложить тяжесть этого разрушения на наших детей, которые, возможно, будут ненавидеть войну и не смогут понять наших страстей ненависти. Общество в целом — это лишь сеть пересекающихся солидарностей. Таким образом, существует естественная и в определённой мере неоспоримая солидарность между людьми. Иными словами, ответственность не является исключительно личной».

Бастиа показывает, как закон солидарности способствует прогрессу общественной гармонии; но здесь нам нужно рассмотреть тёмную сторону вопроса. Существует общий закон, который наблюдения подтверждают всё яснее: закон солидарности. И этот закон, признанный наблюдениями всё более чётко, цивилизация постоянно усиливает и расширяет. Последствия войны дикарей мало выходят за пределы лесов, где эта война идёт. В цивилизованном мире война не может вспыхнуть в одном месте, не затронув интересов всего общества народов. Таковы факты.

Человеческое правосудие имеет девиз и должно иметь его: возвращать каждому то, что ему причитается, и сосредотачивать наказание только на виновном. Оно должно стремиться к этой цели настолько, насколько возможно, но достичь её абсолютно невозможно; природа вещей этого не позволяет. Кто настолько изолирован, чтобы меч закона мог поразить его или чтобы правосудие могло запятнать его клеймом позора, не причинив страдания другим рядом стоящим? Никто не может быть затронут в одиночку; индивиды никогда не изолированы; кто трогает одного — трогает и другого.

Солидарность — очень общий закон. Считаем ли мы его плохим? Посмотрим на наши поступки. Смерть недавно постигла этот дом. Приходят посетители. Я не говорю о формальных визитах; вот настоящий друг, искренний друг, который приходит в дом скорби. Что он хочет там сделать? Принять на себя часть чужой скорби; ведь сочувствие облегчает боль, но облегчает ее, только разделяя, и как сказал Александр Вине:

«Два сердца вместе несут невзгоды,
Вдвоём невзгоды легче принять,
И каждый получает лишь половину удара».

Сострадание, таким образом, реализует факт, что один страдает за другого. Является ли сострадание пороком человеческого сердца? Хорошее ли сердце мы называем плохим? Стоики так думали. Они могли быть сострадательными и добрыми людьми, и в своих трудах они рекомендуют благотворительность; но их учение утверждает, что настоящий мудрец полностью уходит в себя и становится, по их выражению, округлым и гладким, как шар из стали, который не подвержен никакому внешнему воздействию. Можете ли вы так думать и считать сострадание пороком души? Нет, не можете. А что насчёт самоотверженности? Леонид умирает за Грецию, Винкельрид жертвует собой ради Швейцарии. Оставим знаменитых людей. Этот бедный рабочий, который едва находит время поспать в своей обычной жизни, отдаёт часть своих и без того коротких ночей, чтобы помочь коллеге, ослабленному болезнью. Эта бедная мать работает день и ночь, чтобы расплатиться по долгам сына, возможно, взятым в жизни распущенности. Все самоотверженные сердца, все, кто практикует добродетель жертвы, несут чужие тяготы — разве это плохо? Обратите внимание, что именно это и называют несправедливостью: один страдает из-за другого.

Но я вас слышу. Вы говорите про себя: здесь скрыт софизм. Самоотверженность прекрасна и добра, потому что она добровольна; но если один страдает за другого без своей воли, то несправедливость очевидна. Моё рассуждение не так плохо, как вам кажется. Нужно понять, является ли факт того, что один страдает за другого, рассматриваемый сам по себе и независимо от нашего намерения, добром или злом. Если он плох сам по себе, то наше намерение может быть чистым, но объект нашей воли — плох; то, чего мы хотим с благородным чувством, всё же есть осуществление несправедливости. Тогда сострадание и

самоотверженность — случаи заблуждения совести. Однако многие считают или, по крайней мере, говорят, что самоотверженность — безумие; но провозгласить научным положением, что исполнение закона любви — проявление заблуждения совести, — это то, чему никто из вас не согласится. Значит, не только солидарность существует фактически и открывается нам наблюдением как фундаментальный закон человеческого общества, но мы сознательно исполняем этот закон всякий раз, когда идём по путям любви, и это — добро. Вот теперь мой вывод: если это добро, то это должно быть справедливо, ведь нет добра без справедливости.

Поймём друг друга. Здесь речь идёт об абсолютной морали, связывающей нас с божественным законом, а не о социальной морали, устанавливающей права индивидов друг перед другом. В отношениях между людьми характер любви состоит в том, чтобы превзойти справедливость, добровольно сделать то, что не обязательно. Если нищий требует у вас помощи как права, вы можете справедливо указать ему на дверь и закрыть кошелёк. Но в отношении абсолютного закона и перед Богом мы никогда не делаем при исполнении долга больше, чем то, что обязаны или что требует абсолютная справедливость.

Только у Бога любовь превосходит справедливость; или, точнее, у Бога нет различия между справедливостью и любовью, потому что Он ничего не должен своим созданиям, кроме добровольного долга Своей свободной и вечной любви. Всё, что исходит от Бога к нам, есть благодать, чистая благодать. Всё, что исходит от нас к Богу и закону, выражающему Его волю, есть долг и справедливость. В истинном и глубоком смысле любовь, несущая бремена других, — это проявление справедливости. И это возможно только потому, что мы нераздельны в абсолютном смысле, и существует между нами связь, фундаментальное единство, то есть человеческий род составляет мистическое, но реальное единство. Без этой мысли в солидарности нет справедливости.

Это рассуждение кажется вам слишком тонким? Вот более простой. Человеческая солидарность — факт. Она не только актуальна — мы страдаем или наслаждаемся действиями современников, — но она также и наследственна: мы несём, в добре или зле, последствия поступков прошлых поколений; будущие поколения получат наследство, которое мы им готовим своим поведением. Это данные опыта, которые невозможно оспорить. Но никто не принимает справедливо, что он страдает от последствий своих собственных действий — это аксиома совести. Значит, нужно выбирать между двумя идеями: мы страдаем за грехи существ, абсолютно иных и отделённых от нас; и в этом случае несправедливость лежит в основе вселенной, потому что солидарность — общий факт; или же человеческий род связан, несмотря на разнообразие индивидов, реальным единством, так что коллективная ответственность соединяется с нашей личной ответственностью.

Это альтернатива, которую может принять разум, если он не откажется от решения проблемы. Признать, что несправедливость — основа вселенной — значит насильственно сломать разум и уничтожить совесть. Поэтому мы вынуждены принять концепцию человеческого единства и коллективной ответственности; и принимаем её, несмотря на её неясности, как единственную идею, примиряющую опыт и разум, реальности жизни и слово совести. Люди — личности, но не изолированные. Изоляция — слово Каина; и это жёсткое выражение вырвалось однажды у Жан-Жака Руссо, когда он написал: «Мне всё равно, что станет с нечестивцами; я мало интересуюсь их судьбой». Любовь, этот высший закон духовного мира, не говорит, как Каин и Руссо. Любовь следует двум правилам.

Во-первых, всякий должен нести последствия своих поступков, никто не в праве взваливать своих проступков на другого, - как об этом, ясно заявляет совесть. Любовь этому следует, потому что истинная любовь справедлива и может быть по-настоящему доброй лишь,

будучи справедливой. Во-вторых, мы — множество и всё же одно целое. Здесь сердце опережает разум; чтобы овладеть истиной в этом трудном вопросе, нужно разработать теорию практики сердца. Паскаль сказал: «Сердце имеет свои причины, о которых разум не ведает»; но это вина разума, потому что одна из его главных задач — понять причины сердца.

Остановитесь у строящегося здания и посмотрите на разные камни, которые должны составить его. Вы заметите на них отметки — знаки, обозначающие место каждого фрагмента в единстве строящегося здания. Мы — камни для здания, а сердце — отметка, которая указывает наше предназначение. Наши разные индивидуальности должны объединиться в гармонии, то есть в единстве. Бог хочет, чтобы мы были свободными и ответственными личностями, но Он хочет нас для духовного общества, которое столь же реально, как и личности, поскольку, как личности, оно желанно Богом, а воля Божья — высшее выражение того, что есть и должно быть.

Мы должны принять и удерживать две истины: наше личное существование со всеми его последствиями, важнейшее из которых — никто не может снять с себя ответственность за свои добровольные поступки; и наше коллективное существование со всеми его последствиями, важнейшее из которых — мы должны нести бремена друг друга. Из этих двух истин одну мы видим ясно — нашу личность, и часто слишком ясно. Другая — нам непонятна: мы не ясно созерцаем духовное здание, ради которого существуем и которое должно осуществить фундаментальное единство нашей природы. Почему? Я не претендую раскрыть полностью завесу, но хотел бы приподнять её немного, если возможно.

Почему? Не эгоизм ли, являющийся сущностью греха, одновременно является корнем нашей ошибки? Не самоотверженность ли, жертва, доля любви в каждом из нас рассеивает нашу тьму? Не принимаем ли мы солидарность в пределах и пропорциях нашей любви? Члены единой семьи принимают и практикуют без удивления солидарность, которая их связывает. Гражданин, движимый истинным патриотизмом, не сомневается в легитимности связи с нацией. Разве не можем мы предположить, что, растя в любви, мы возрастём в истине, и что мы сможем услышать общность падения в той мере, в какой примем дело каждого из нас быть рабочими в общем деле возрождения человеческого рода?

Наше решение проблемы зла содержит две главные идеи: свобода и солидарность. Философия до наших дней слишком часто недооценивала права свободы, которая является единственной реальностью духовных сущностей. Тенденция, которой следует часть современного мира, рискует привести умы к противоположной ошибке — игнорированию закона солидарности, в котором выражается существование духовного общества. Часто путают индивидуальное существование человека с индивидуализмом, противоречащим природе вещей.

«Индивидуальность, — говорит Вине, — не есть индивидуализм. Последний все сводит к себе, видит во всем только себя; индивидуальность же состоит лишь в стремлении быть собой, чтобы быть чем-то. Индивидуализм и индивидуальность — два заклятых врага: первый — препятствие и отрицание всякого общества; второй — тому, кому общество обязано всей своей прелестью, жизнью и реальностью».

Мы должны отрешиться от дурного течения человечества и стать личностями, сознательными не для того, чтобы оставаться изолированными, а чтобы свободно войти в по-настоящему духовное сообщество. Каждый должен стать собой, не чтобы сохранить себя для себя, а чтобы посвятить себя общему благу, согласно воле Вселенского Отца.

Социалисты и индивидуалисты, расположенные в двух лагерях, борются в школах и в мире, держа в руках лишь отдельные части истины. Действительно, нормальное развитие общества приводит к все более полному формированию настоящих личностей, поскольку общество — это не скопление, не простое собрание, а духовный организм, состоящий из воль, которые обладают собой и объединяются в общем намерении. С другой стороны, индивид, который не может существовать изолированно, развивается по своей природе лишь тогда, когда через свободу реализует закон солидарности. Гармония, как говорил Пифагор, — ключ к разгадке мира.

У нас, господа, есть прекрасный национальный девиз, и он говорит не только в сердцах швейцарцев. Когда мы становимся по-настоящему серьезными, он трогает человека в его глубинах, ибо он выражает высший закон Вселенной: «Один за всех, и все за одного».

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ — БОРЬБА ЖИЗНИ

вернуться к содержанию >>>

В Женеве, 13 декабря 1867 г. В Лозанне, 22 апреля 1868 г.

Господа, Название этой беседы никого не удивит. Кто не знает, что жизнь — это борьба? Большинство людей ведёт непрерывную борьбу только за то, чтобы выжить, чтобы заработать себе и своей семье хлеб насущный; они сражаются с вечно грозящей нищетой. Другие, освобождённые от забот о пропитании, стремятся получить место, работу, сделать состояние, завоевать репутацию; им нужно одержать победу над конкурентами, обойти соперников. Все мы ищем радость; и в этом поиске приходится ежедневно бороться с заботами, печалями, унынями. Так люди и живут; затем оставляют своим детям нечто: больше или меньшее состояние или долги, более или менее хорошую репутацию — и их уносят в могилу.

Но речь наша сегодня не о той борьбе, цель которой — добиться так называемого благополучия и успеха. Мы будем говорить, однако, именно о нашей повседневной жизни, но с особого ракурса; мы займёмся доброй борьбой, той, которая должна привести не к успеху в мире, а к исполнению законов добра.

Борьба, которую нам предстоит вести со злом, — не та, что мы признали как часть судьбы духовного существа и как условие регулярного и нормального прогресса; нам противостоят не только возможности зла. Зло реально, могущественно; оно имеет армии, крепости, и прежде всего цитадель в сердце каждого из нас. Поскольку зло реально, в борьбе, которую мы должны вести, есть что уничтожать, есть что убивать; и если человек, ощущающий, что выполняет свой долг, может обрести чувство мира, то всё же нельзя найти устойчивого и постоянного покоя в мире, где царит беспорядок.

Эта ситуация пугает; поэтому мы часто закрываем глаза на положение жизни и пытаемся убедить себя, что делать ничего не надо. «Беспечность, лень, любовь к мягкой жизни, а главное — трепетный страх, вот что ослепляет или развращает слабые совести многих людей, которые бормочут с ложной уверенностью: «Мир, мир!» — а мира нет» (Иер.6:14). Они боятся труда, боязни борьбы, боятся всего, кроме того, чего бояться действительно следует. Говорю вам: есть глаз, чей взгляд сходит сверху, словно проклятие, на этих трусов. И зачем же, по их мнению, они родились? Бог не поставил человека на землю для того, чтобы тот отдыхал здесь, как дома, или чтобы впал на несколько дней в ленивый сон.

Время — не лёгкий ветерок, что ласково обдувает и освежает лоб, а ветер, что то жжёт, то морозом обдаёт, буря, что стремительно уносит хрупкую лодку под мрачным небом через скалы. Человек должен бодрствовать, грести и потеть; он должен насиловать свою природу

и склонять волю к неизменному порядку, который её непрестанно ранит и ломает. Долг, суровый долг сидит у колыбели, встаёт с человеком, когда тот из неё выходит, и идёт с ним до могилы». Слова Ламенье — живой и сильный образ нашего положения.

Вы можете, господа, сомневаться в ценности предложенного мной решения проблемы зла. Чтобы вступить в размышления, которые мы сейчас затронем, не нужно, как уже говорилось, принимать самую трудную и загадочную часть этого решения; достаточно признать, что зла не должно быть, и, следовательно, его распространённость ничуть не уменьшает нашей обязанности уничтожать его. Уничтожать зло — вот цель доброй борьбы жизни.

Тот, кто борется — солдат, и каждый солдат должен знать своё знамя и получить пароль. Наше знамя, которое нужно водрузить на цитаделях врага — это добро. Пароль — триумф. Верховный командир — Тот, чья вечная воля совпадает с добром, ибо Он есть сама сущность добра — Бог.

Рассмотрим, с чего должна начинаться наша битва со злом, какой должен быть наш порыв, какие препятствия подстерегают нас на пути и, наконец, каков истинный план борьбы. Начало. Стремление к добру. Препятствия. План битвы — таковы будут наши размышления.

I. НАЧАЛЬНАЯ ТОЧКА

вернуться к содержанию >>>

Какова начальная точка в борьбе со злом? Какое условие, если можно так выразиться, для вступления в ряды армии добра? Случалось ли вам когда-нибудь выходить из дома с намерением отправиться в определённое место и вдруг замечать, что под влиянием рассеянности или забот вы пошли не туда, куда собирались? Например, намереваясь поехать в район Эво-Вив (Eaux-Vives), вдруг обнаружить, что, словно машинально, вы поехали в Пакки (Pâquis)? В тот момент вы сразу понимаете, что, чтобы достичь цели, нужно повернуть назад и сделать так называемый, по военному стилю, разворот. Начальная точка борьбы со злом — это именно такой разворот.

Поскольку мы по природе эгоистичны, наша воля естественно направлена на самих себя, как будто мы можем быть своей собственной целью и центром. Этот путь ошибочен и обманчив, потому что эгоизм — не путь к счастью. Поэтому нам нужно повернуть назад, изменить направление. «Воспоминания бывшего офицера», недавно изданные в нашем городе повествуют, что во время отступления после разрушительного сражения под Лейпцигом вокруг французской армии, развалившейся на части, образовалась страшная туча мародёров. Так называли солдат, которые, оставив знамя и приказ командиров, рассеялись: одни — чтобы грабить и потворствовать порочным страстям, другие — просто из лени и трусости. Они оставили армию, которая сокращалась с каждым днём и должна была выкручиваться как может, и взяли своим девизом: «Каждый за себя». Что должны были сделать эти люди, чтобы вернуться в строй? Присоединиться к знамени и встать под легитимное командование; отказаться от дурного девиза «каждый за себя» и принять единственно спасительный для армии, находящейся враждебной стране, девиз: «Один за всех, и все за одного».

Так и мы, вместо того чтобы объединиться в борьбе со злом, естественно разобщены; каждый преследует свои частные интересы. Нам нужно вернуться к знамени и подчиниться Главнокомандующему. А чего хочет Верховный Главнокомандующий, который является Сувереном вселенной и всеобщим Отцом? Он хочет не отдельного блага одного или другого из Своих детей, а блага всех — и это то, чего должны хотеть мы все; блага всех, в котором каждый найдёт свою долю, ибо тот, кто забывает себя, находит себя. Отказаться от эгоизма, который оставляет нас жертвами злых ударов или, скорее, является самим источником зла,

и обратиться к высшему закону любви — вот начальная точка борьбы. Но эта начальная точка — также и конечная точка развития духовной жизни, на которую следует обратить внимание. Человеческая жизнь начинается под влиянием сердца, вне действия совести. Человек сначала следует своим склонностям, затем подвергается влиянию окружающих. Ребёнок под влиянием семьи, взрослый — под влиянием общества.

Можно жить так, не имея в себе никакого принципа действия, постоянно подчиняясь чужим импульсам, без проявления собственной воли и совести. Например, человек, оказавшийся среди пуритан Англии или Америки, будет ходить с важной поступью, говорить серьёзно и строго соблюдать нормы поведения. Перенесите его в развязное общество — и он будет вести себя совершенно иначе. Те, кто живёт так, ведомые лишь течением, против которого не сопротивляются, не родились для моральной жизни; можно сказать, что с этой точки зрения существует множество уже пожилых людей, которые ещё не родились. Тем не менее, в большинстве случаев совесть начинает проявляться в ранней жизни сердца; и совесть проявляется в двух формах: она защищает — «ты не должен» и приказывает — «ты должен».

Первые проявления совести обычно носят форму запрета: ты не должен лгать, ты не должен воровать. Если человек имеет высокие вкусы и упорядоченный темперамент, вырос в достойном обществе, он может жить, не нарушая напрямую строгих запретов совести. Тогда он может думать, что он на стороне добра, или, как он скажет, что никому не причиняет вреда. Но, ограничиваясь лишь соблюдением запретов морали, такой человек может оставаться самим для себя центром. Если он лишь избегает зла с точки зрения общества и не действует непосредственно во имя добра, то, несмотря на то, что он считает, будто никому не вредил, на деле он вредит всем, поскольку не направляет свою силу на общее благо, в котором нуждаются другие. Его честная жизнь — лишь честный эгоизм.

К тому же, такая ситуация не может существовать абсолютно. Если сила, дарованная нам для добра, не используется по назначению, она разлагается. Победить зло нельзя просто отказываясь творить зло и продолжая жить для себя; в высоком и серьёзном смысле зло преодолевается только добром. Добро — это не только запрет и ограничение, это ещё и повеление, которое определяет применение нашей силы и цель нашей воли. И вот здесь совесть проявляется во второй форме — повелении: «ты должен».

Ты должен что? — Добро. Какое добро? — Всё добро без исключения, ибо добро по своей природе обязательно и обязательно во всей своей полноте. А что есть добро? Добро — это план Создателя для счастья духовного общества. Исполнять добро, значит устанавливать порядок во вселенной и делать мир счастливым. Вот цель наших усилий.

Остановимся на этом, чтобы созерцать чистый свет, который эта мысль проливает на жизнь. Возьмём для примера обязанность труда. Труд — это закон природы, который сначала предстает как необходимость. Одному сказано: работай, чтобы избежать нищеты, беды бедных; другому: работай, чтобы избежать скуки, беды богатых. Одному: если не будешь работать, не будет хлеба, пищи для тела, и дети будут голодать. Другому: если не будешь работать, не будет радости — пищи для души, и в твоём, как бы хорошо отапливаемом доме, сердца твоих детей будут холодны. Так труд сначала предстает как необходимость, закон, нарушение которого влечёт суровое наказание.

Теперь посмотрим, как этот закон превращается в светлом разуме человека под воздействием идеи добра, то есть посвящения всех воль счастью общего. Труд — основной и универсальный закон мира духовных существ; ибо для духа, свободная сила которого образует сущность характера, жить — значит действовать. И участие всех сил, каждая из

которых действует на своём месте и в своём законном направлении, должно создавать гармонию, которая ведёт к прогрессу и постепенному улучшению общества.

Когда эта мысль проникает в разум, земледелец, который на минуту опирается на свою мотыгу, ремесленник, который на мгновение оставляет работу, могут без гордыни (гордыня не питается из источника этих возвышенных мыслей) говорить себе, что они — важные участники общего движения общества, так же необходимы, как и люди, занимающие самые яркие посты. Закон труда тогда преображается. «Ты должен» — это жёсткое слово, которое становится возвышенным в той мере, в какой его понимаешь; и это слово становится нежным, когда осознаешь, что основой повеления является доброта.

Да, господа, все мы — кто ведёт плуг по борозде, кто управляет пилой или рубанком, кто держит напильник или угольник, кто вершит правосудие, кто управляет государственными делами, кто учит и занимается наукой — все мы должны участвовать в судьбах мира; и мы будем с радостью выполнять свою задачу, когда поймём, что все мы обязаны исполнять общий закон труда в братской любви.

Таково добро. Целью каждой воли не должен быть отдельный индивид, который хочет, а развитие и гармония духовного общества. Когда это понято, идея эгоизма заменяется идеей любви (благотворительности). Это моральное открытие подобно открытию астронома Коперника. Земля говорила: «Я — центр мира, небеса вращаются вокруг меня и существуют только для меня». Наука приходит и говорит ей: «Ты не центр мира; ты вращаешься вокруг Солнца, а Солнце само, вместе со своим окружением планет, возможно, вращается вокруг какого-то центрального Солнца в огромной системе Вселенной». Земля от этого смирилась? Нет, господа, она просто получила своё место; и каждое место хорошо, если обозначить свой круг должным образом и оставаться в своей орбите.

Заменить идею эгоизма идеей любви — вот преобразование разума; серьёзно и глубоко решить делать долг — вот преобразование воли; полюбить долг, который решил исполнять — вот преобразование сердца.

Мы определили нашу отправную точку. Теперь посмотрим, как от неё получить стремление к добру.

II. СТРЕМЛЕНИЕ К ДОБРУ

вернуться к содержанию >>>

Где мы находим зло? Повсюду. Где нужно творить добро? Повсюду. В присутствии любого добра, каким бы оно ни было, мы должны говорить: «Бог этого хочет!»

Остерегайтесь узкой и ложной религии, которая позволила бы отделять дело Бога от дела добра. Против заблуждения, которое разделяет Бога на малую часть в обрядах и внешних формах, истинная Вера, которая должна быть центром существования и принципом всей жизни, всегда ответит прекрасными словами Расина:

«Вера, которая не действует, разве это искренняя вера?
Разорвите, разорвите все союзы с безбожием;
Изгладьте из среды народа моего преступления;
И тогда принесете вы мне жертвы».

Не позволяйте загонять добро в отдельные сферы; не позволяйте создавать области, чуждые его влиянию, возводить ограды и стены, чтобы запретить доступ в пространства, где оно должно царствовать. Эта ошибка печальна и распространена.

Возьмём, к примеру, политику. Несправедливость возмущает в частной жизни; нельзя отнимать у кого-либо то, что ему принадлежит, и ничто не осуждается сильнее, чем кража. Но разве не слышали вы, что в политике «право — за сильным»? Вот игры властителей: «Мельницу уважают, а провинцию грабят». И сколько же горожан допускают подобные игры! Следует уважать репутацию ближнего не меньше, чем его материальное имущество. Что происходит перед демократическими выборами? Появляется кандидат, и в чужой партии с какой легкостью принимают неприятные слухи о нём! Как быстро распространяют их без проверки! «Что ж, это политика, а мораль пусть останется в своей области».

Профессиональные круги тоже пытаются оградиться от морали. Лгать — плохо, но адвокат? Не будет ли слишком сложно адвокату всегда говорить правду? А в торговле! Эта практика не всегда отмечена точной честностью, но это обычай в профессии: «это же торговля, а мораль пусть остаётся в стороне». То же самое в искусстве и литературе. Вот картины явно чувственные, музыка утомительная, поэзия с дурным очарованием, проза, оставляющая в воображении неприятные следы. Но «что ж, это красиво, искусство ради искусства, а мораль — в своей области». Так повсюду создаются тёмные зоны, копаются подвалы, куда запрещён доступ солнцу. Солнце уходит, но что происходит дальше? В политике сначала отходят от морали немного, потом больше, и в итоге доходят до правил Макиавелли, которые применяют многие, не будучи князьями. Политика, призванная служить благу народа, становится одним из великих бедствий человечества.

(Основное правило Макиавелли - Цель оправдывает средства. Если результат полезен для государства и власти, любые средства допустимы — даже обман, жестокость или насилие.) Прим. Ред.

В торговле, если сначала отступают немного, потом всё больше от законов морали, торговля страдает в своих основах — в доверии и кредите. В тех больших кризисах, что тяжело влияют на мир и иссушают источники труда, часть причин связана с политическими событиями, рыночными заторами и другими факторами, где роль морального порядка не видна сразу. Но — я обращаюсь к тем, кто занимается делами — если бы вы были абсолютно уверены, что ваши партнёры никогда не пойдут на нарушение строгой честности, не воспользуются ситуацией в своих интересах, не пошатнут доверие, разве бизнес не пошёл бы лучше при тех же внешних обстоятельствах? Дошли ли бы государственные финансы до кризиса, если бы имели дело с правительствами безупречно честными, с народами глубоко порядочными, готовыми на крайние жертвы, лишь бы сохранить реальную стоимость денег, а не превращать их в бумагу? Подумайте об этом — не полезно ли выносить коммерцию из-под власти морали?

И, наконец, искусство! Я знаю, что художники не профессия моральных наставников; знаю, что красота достигается только под воздействием истинно свободного вдохновения, и если стремиться прямо к моральной цели, можно упустить искусство. Но я знаю также, что художественное вдохновение проходит через душу человека и получает особое направление. Если художник не хранит чистоту своего воображения, если не следит за собой, чтобы страсти не исказили чувство идеала, и в результате создаёт плохие произведения, не искусство в этом виновато. Представьте, что мораль совсем уйдёт из этой области — вы получите промышленников, которые считаются лишь с прибылью, не считаясь с совестью, и если совесть проснётся, они испытают кровавую муку — думать про себя: «Я создал нечистое произведение» и видеть, как их дети с опущенными глазами краснеют за отца.

Нет, господа, ни политика, ни профессии, ни искусство с литературой — ничто из того, что делает человек, не может обойтись без морали, не испортившись. Давайте откроем все эти подвалы, снесём все ограды и позволим добру царить — не как узкому и мелочному

правилу, а как мощному импульсу, который проникнет везде светом и теплом духовного солнца. Где заканчивается долг совести? Там, где заканчивается человеческая активность и нигде иначе. Нет в человеческой жизни области, которая должна оставаться чуждой добру. Когда нужно перестать бороться со злом? Когда оно будет уничтожено, и ничуть раньше.

Всякое добро — необходимость, оно должно быть, такова его природа. Либо совесть нас обманывает, либо мы призваны навести порядок во Вселенной, и сделать мир счастливым. Вот цель, которая нам назначена, и к чему должно быть наше стремление. А теперь рассмотрим препятствие.

III. ПРЕПЯТСТВИЕ

вернуться к содержанию >>>

Наша программа пугает; и если рассмотреть её целиком, она кажется абсурдной. Вот мы — настоящие Дон-Кихоты, бредущие по жизненным путям, обременённые задачей исправить все несправедливости, возместить все обиды, навести порядок повсюду; а вы знаете, как рыцарь из Ла-Манчи наводил порядок в делах. Дон-Кихот был безумен. Это хороший безумец; его трудно не любить, но, в конце концов, он безумен; и наша программа кажется отчасти такой же безумной. Что случится с кораблём, который выйдет из порта с миссией всё увидеть, но без чёткого плана? Именно потому, что он должен видеть всё, у него не будет причин плыть туда, а не сюда. Повернув паруса к любому ветру и не пользуясь ни рулём, ни компасом, он будет пойман первым попутным течением и обязательно сядет на мель. Такая же будет и наша участь, если мы пустимся в неопределённый поиск всего добра; нас унесёт вразброс, и мы грустно разобьёмся о рифы уныния.

Какой непомерный труд! Преобразиться самим и преобразить мир; выполнять долг в семье и на работе; вести слепого, помогать бедному, навещать больного; исполнять гражданский долг — как избирателя, солдата, присяжного; заниматься реформой институтов; улучшать существующее, создавать необходимое; в конце концов — откликаться на все призывы к благим делам. Таких призывов вы знаете предостаточно; их много везде, и особенно в нашей стране.

Вот, например, с наступлением холодного сезона создаётся продовольственное общество, цель которого — поставлять продукты как можно дешевле; это замечательно, поспешите помочь. Вот общество, распространяющее образование; вы примите в нём участие, ибо образование — хлеб ума. Эта группа занимается распространением хороших книг; что может быть полезнее предотвращения хождения плохих книг? Эта организация борется с попрошайничеством; кто не заинтересуется, кто не посчитает за благо предотвратить поддержку порока через милостыню и не допустить, чтобы она попадала к лентяям, что являются бичом порядочных людей? Хотят создать доступное жильё; как это полезно! Речь идёт о том, чтобы обеспечить всех свежим воздухом и светом; мы заинтересуемся и этим делом. В другом месте пытаются добиться добровольного введения обязательного еженедельного дня отдыха. Поспешим поддержать, потому что, насколько вредна праздность, настолько же необходим отдых, чтобы вознести каждого к истинному человеческому достоинству.

На всё это нужно посвятить своё время, свои усилия, свои деньги. Надо отдать час, если не можем отдать день; десять сантимов, если не можем пожертвовать десять франков; даже десять центов, если нет ничего больше. И все эти ближайшие дела не должны заставлять забывать о более далеких: в Швейцарии сгорела деревня, во Франции — небольшой городок; нужно собирать пожертвования. В городе промышленном у рабочих нет хлеба; надо помочь им. Чернокожие Америки переживают тяжёлый кризис независимости; нужно

заботиться и о них. Нельзя забывать и о диких народах, которым мы должны принести милость нашей веры и цивилизации.

Какая работа! Вернее — сколько работ! А некоторые жалуются, что им нечем заняться и скучают! Есть люди, для которых достижения современной цивилизации — это лишь частые случаи и лёгкие способы убить время! Убить время — это значит растратить валюту, за которую надо покупать добро ближних! Перед лицом зла и масштабов зла в мире это всё равно, что бросать зерно в реку в городе, где голодают. И, как сказал наш соотечественник Бланвале:

«Убить время! Но это значит убить жизнь,
Убить веру, надежду и память,
Милосердие молитв,
Милосердие — короля будущего».

Но вернёмся к нашей теме. Нельзя слишком часто напоминать тем, кто сложил руки и тратит жизнь впустую, сколько работ ждёт их помощи, сколько жатв требует рабочих; однако сейчас нас занимает другая мысль. Нас тревожит, что дел слишком много. Поле практических дел огромно; и практические дела — лишь половина задачи. Нужно не только всё делать, но и всё знать. Нужно просвещать совесть, чтобы наши намерения были направлены на действительно доброе дело и чтобы мы не заблудились в ложной совести. Нужно затем просвещать действие; потому что недостаточно, чтобы намерение было чистым, а объект намерения — хорошим сам по себе; нужно ещё знать условия эффективного действия, чтобы подобрать средства к цели.

Экономист Бастиа отмечает некоторые усилия филантропии и социализма, которые, хотя исходят из чистого намерения и стремятся к отличной цели, наносят много вреда, потому что не понимают истинного порядка социальной гармонии, выражения воли Творца, и пытаются подменить его искусственным порядком с катастрофическими последствиями. Подобная опасность есть во всех сферах человеческой деятельности. Рвение без разума сбивается с пути; чтобы действовать полезно, надо знать цель, средства и препятствия, которые нужно преодолеть. Работа совести требует работы разума; нужно соединить все светила духа со всем пылом воли. Хранить своё сердце; непрестанно бороться внутри себя и снаружи; делать всё и учиться всему; иметь мнение обо всём; оказывать влияние во всех сферах…

Куда мы идём? Нас уносит поток разброда. Мы всё делаем наполовину; бросаем одно дело ради другого, которое само подступает. В борьбе со злом мы поступим, как солдат на поле боя, который, подняв меч на одного врага, поворачивает его, чтобы ударить другого, не добив первого, а затем бросается на третьего, не закончив со вторым. Так мы придём к бесплодной суете добра, которая, к сожалению, станет плодотворной для зла; потому что расплывчатое, неупорядоченное рвение превращается в неосмотрительное, вносящее смятение везде, но порядок — нигде.

Как сказал Фенелон, это:

«ревность поспешная и тревожная,
скорее способная всё запутать, чем
просветить нас в наших обязанностях».

Отметим, что естественная тенденция цивилизации увеличивает все эти опасности. По мере того, как множатся человеческие связи, и утверждается общая солидарность интересов, забот и дел, по мере того, как мы всё больше информируемся обо всём, призываемся помочь по всему свету, у нас всё меньше остаётся покоя в душе. Если отдаться этому потоку, охватит горячая и тревожная суета; силы, время и средства иссякнут; природа

скажет «хватит», и, исчерпанные телом и измученные духом, мы падём. Нужно сказать в честь человеческой природы, что наряду с тысячами жертв чувственности, тщеславия и амбиций существуют и некоторые жертвы страстного и неупорядоченного рвения к добру.

Состояние подавленности, возникшее из рассеяния сил, проявляется в двух формах. У одних — это благородная печаль, рожденная чувством бессилия, но не разрушающая твёрдого и настойчивого взгляда на добро. У других — это мысль, что добро, к которому стремятся с лихорадочным рвением, в сущности является лишь иллюзией. Эти вторые приходят к выводу, как Филинт в комедии Мольера:

«Что глупости другой смешнее нет,
Чем исправлять самим затеять свет»;

и принимают в качестве девиза любимое выражение итальянского государственного деятеля начала этого века: «il mondo va da se» — мир идёт своим чередом, и не нужно вмешиваться. Вот и есть опасность — искушение уныния. Что же делать? Мы не можем отказаться от фундаментальной истины — что всякое добро является обязательным: отказаться от этого — значит отрицать саму суть добра. Значит, должна существовать другая истина, дополняющая эту, которая позволит нам выработать разумный план для борьбы жизни. Эту истину вы, без сомнения, уже видели или хотя бы приблизительно поняли. Попробуем изложить её ясно.

IV. ПЛАН БОРЬБЫ

вернуться к содержанию >>>

Обязанность делать добро абсолютна и универсальна; но эта универсальная обязанность распределена Великим Учителем, от Кого она исходит, между всеми из творений. Мы все призваны содействовать общему благу; но никто лично и целиком не отвечает за установление порядка во вселенной и за достижение счастья мира. Вот элементарная истина, которую мы упустили из виду в предыдущих рассуждениях, а теперь она станет нашим светом.

Каждое творение занимает место, определённое Верховной волей. Уберите всё, что в положении каждого может казаться беспорядком; устраните все беды, происходящие от воли индивида, воли других или порочных институтов — и вы поймёте, что в порядке была бы равенство обязанностей, равенство счастья, но при этом сохранялась бы разнообразие положений. Абсолютного равенства не может быть, даже в материальной вселенной. Представьте себе мир, состоящий из абсолютно одинаковых атомов: достигнете ли вы абсолютного равенства? Нет; эти атомы различны по своему положению, и если в вашем мире есть центр, то эти абсолютно одинаковые атомы будут неравны, потому что находятся на разном расстоянии от общего центра. Следовательно, совершенного равенства не существует и даже невозможно представить, даже между предположительно одинаковыми атомами.

Та же самая разница существует между духовными существами; и именно эта разница является условием существования мира. Каждый занимает место, которое ему назначено независимо от его воли. Первое, что должна сделать каждое творение — принять своё место как выражение абсолютного суверенитета Творца. Не принимать своего места, смотреть с завистью на положение других — значит совершать грех зависти. А зависть, если ей дать волю, не найдёт в мире точки, где могла бы остановиться; она дойдёт до желания узурпировать место Бога. Это первобытное искушение, которое объясняет нам происхождение зла. Зависть, сеющая столько смятения в обществе и столько горечи в душах, — это самый прямой результат первородного падения.

Не бойтесь, что эта мысль несёт в себе пассивность. Не думайте, что принятие каждого своим местом приведёт нас к тому, что мы будем, как старые турки, сидеть, скрестив ноги и руки, в ожидании приговоров судьбы. Мы уже видели, что закон всякой духовной твари — постоянно улучшать своё состояние и непрерывно добиваться прогресса. Каждое место в царстве духов — это функция, которую нужно выполнять, дело, которое нужно делать. Для существа, призванного реализовать себя как свободную силу, стоять на месте — значит не удерживать свою позицию, а дезертировать с поста.

Теперь мы обрели тот свет, которого нам не хватало для составления нашего плана борьбы. Из разнообразия положений вытекает иерархия обязанностей. Никто не является центром мира, и никто не должен быть целью собственной воли; но каждый — это центр, от которого исходит его личное действие. Представьте себе каждую волю как точку, из которой излучается сила. Представьте эту точку, находящуюся в центре кругов различных диаметров; и подумайте, что сила при распространении не должна переходить к более удалённому кругу, пока не выполнит всё в ближайших кругах — таков образ нормального осуществления нашей активности в практике добра.

Начинать нужно с себя. Мы все — хранители друг друга; однако в порядке Провидения каждый, прежде всего, отвечает за самого себя; и мы можем прекрасно истолковать пословицу: «Благоустройство начинается с самого себя». Чтобы работать на добро, нужно сначала быть добрым. Речь здесь не о порядке следования. Если кто-то хотел бы быть добрым прежде, чем делать добро, он был бы подобен ребёнку, который не хочет идти в воду, пока не научится плавать; потому что быть добрым — значит делать добро. Речь не о порядке следования, а о порядке важности. В исполнении долга наш первый взгляд должен всегда быть обращён на самих себя. Не следует быть теми, кто проповедует другим закон, который они не исполняют полностью — хотя в таком случае никто не мог бы говорить, — а именно закон, который они не стараются серьёзно и искренне выполнять. Не следует быть теми, кто возлагает на других тяжести, к которым сам не хочет даже слегка прикоснуться. Первый долг каждого — привести себя в порядок, регулировать свои действия, чувства и мысли согласно закону.

Эта обязанность включает в себя и обязанность поддерживать себя в состоянии исполнять свою задачу. Есть исключительные случаи, когда человек должен уметь жертвовать, и без колебаний, своим здоровьем и, если нужно, жизнью; но в обычных случаях — это долг беречь свои силы, чтобы быть способным выполнять своё дело. Отдых необходим нам. Даже расслабление, удовольствие имеют место в правильно устроенной жизни; человеку нужны развлечения. Закон, управляющий этим порядком вещей, заключён в слове, которое мы употребляем. Отдых должен восстанавливать силы; его цель задаёт законные пределы. Несомненно, нарушается закон, если удовольствие, призванное восстанавливать силы, их расходует. Если человек изнуряет тело и душу чрезмерным употреблением алкоголя или пищи; если нужно отдыхать в течение дня после ночи, проведённой на балу, спектакле или в кабаке — кто осмелится оспаривать, что нарушен порядок природы?

То, что важно для сохранения нравственной жизни, не меньше, а даже больше, чем отдых, — это привычка находить время для тишины, спокойствия, для сосредоточения. В мире, где царит беспорядок, закон любви становится законом борьбы. Но чтобы бороться, нужно быть сильным; и никто не поддержит свои духовные силы, если не умеет часто искать уединение, отделяться от суеты жизни, чтобы питаться возвышенными мыслями, которые уберегают от рассеянности. Никогда не действует эффективнее на благо других тот, кто временно отдаляется от них, чтобы затем вернуться в спокойном созерцании великих законов духовного порядка, связывающих нас со всеми нашими ближними, и в чувстве присутствия Бога, всеобщего Отца и общего центра Своих созданий.

После того, как позаботились о себе, нужно перейти к заботе о других. Этот переход от себя к другим требует важного осознания. Делать добро другим — закон нашей воли; но другие — наши ближние, то есть они тоже имеют волю, и мы не являемся их хозяевами. Есть общий Владыка всех душ, но этим Владыкой не является никто из нас. Поэтому, после того как мы оказали законное влияние на наших ближних (и это влияние тем больше, чем больше мы их любим), мы должны остановиться, уважая их свободу, ибо неосмотрительность губительна. Неосмотрительный рвение делать добро причиняет вред, пробуждая упрямство духа независимости. Под покровом взаимной солидарности каждый несёт свою личную ответственность и ведёт свои дела.

В деятельности, которую мы должны проявлять по отношению к другим, лучше придерживаться правила ближнего окружения. Сначала надо заботиться о своих, о тех, кого мы называем своими в особом смысле, тех, кто наши ближайшие спутники в жизненном пути. Это важнейшее правило часто нарушается. Вот, например, очень благотворительная дама. Она много посещает бедняков — это прекрасно; она состоит во всех благотворительных обществах — возможно, это уже слишком. Ведь, мадам (позвольте мне, господа, использовать такую литературную форму, несмотря на исключительно мужской состав наших собраний), если ваш муж, уставший после работы и забот за день, остро нуждается прийти в тёплый дом, где уже накрыт стол и где его встретят с радостью, а он узнаёт, что мадам опять на собрании благотворительного общества, не пренебрегли ли вы своим первым долгом ради дела, в самом себе отличного, но становящегося плохим, когда занимает чужое место?

И вы, господин, если дома нужна ваша помощь для совета, для решения или для решительного вмешательства, разумно ли оставаться вне дома даже ради общественно полезного собрания? Если мадам на собрании, а господин — на своём, будет ли при этом справедливый баланс? А дети! Дети! Этот очаг, где должна гореть дровяная или угольная печь, потушенный в то время, когда он должен быть разожжён, не символ ли другого очага, чьё пламя угасло? Не лишаете ли вы детей тех воспоминаний о родительском доме, которые должны были стать опорой невинности вашей дочери и силой вашего сына в борьбе с соблазнами жизни?

На том же уровне, что и обязанности семьи, стоят обязанности по профессии. Канцелярский служащий не вправе быть филантропом, если из-за этого он пренебрегает записями своего начальника; и банкир не вправе совершать самые благородные дела в мире, если при этом оставляет без внимания интересы своих клиентов. А мы, господа, исполняющие обязанности граждан в свободном государстве, если родина требует нашего участия в день выборов, не вправе в этот день поехать в Бонневиль помогать соседям из Фоссани в каком-то общественном деле.

Нельзя жертвовать ближайшим долгом ради более далёкого, каким бы великим и благим он ни был. Вот принцип, и именно он убережёт нас от распыления. Мы говорим об обычных правилах в обычной жизни. Есть специальные призвания, требующие иного; есть люди, призванные самой профессией разрывать при необходимости узы семьи и отечества ради общего блага, которое они приняли как свой первейший долг. Есть также чрезвычайные случаи, когда для всех долг, обычно далекий, становится немедленным. Когда, например, пожар грозит поглотить город, профессиональные занятия и домашние обязанности отступают перед общей задачей спасения города. Это исключения; в обычных правилах только соблюдение иерархии обязанностей позволяет эффективно работать на благо.

Эта истина важна, но ей не стоит злоупотреблять. Нет ничего более эластичного, чем силы и время человека: эгоизм их сжимает, а любовь — расширяет. Если вы точно выполняете свои ближайшие обязанности, но склонны принижать тех, кто делает больше вас; если вы

всегда готовы плеснуть холодной водой на любое благородное стремление — вы показываете, что практика ваших обязанностей, по сути — расширенный эгоизм. Избавьтесь от дурных устремлений честолюбия и тщеславия, подлых поисков чувственных удовольствий и соблазнов лени — и не найдётся ни одного, кто не сможет найти время совершать добрые дела за пределами своих ближайших обязанностей.

Но в этом отношении неравенство очень велико. Многие люди, помимо работы и по-настоящему необходимого отдыха, могут совершать лишь отдельные акты доброты: подать руку соседу, помочь прохожему, сказать доброе слово скорбящему. Здесь проявляется привилегия состоятельных классов, которая на первый взгляд кажется огромной — привилегия иметь возможность широко заниматься общественно полезными делами. Представьте себе купца, который сначала сосредоточился на своей торговле, чтобы обеспечить семью, при этом оказывая посильную помощь, не отвлекаясь от цели. Пусть этот человек, достигший благодаря труду достатка, который мудро ограничен умеренными рамками, отошёл от дел и посвятил всю свою энергию помощи, поддержке и утешению других, участию в общественно полезных предприятиях: вы увидите один из лучших образцов человечества; и, слава Богу, этот тип не редок в нашей стране.

В этой свободе действий на общее благо, вытекающей из достатка, надо также избегать распыления: все силы возрастают при концентрации. Почти всегда десять человек, каждый посвятивший себя одному делу, добьются лучшего результата, чем десять человек, взявшихся каждый за десять разных дел; и император Марк Аврелий дал хороший совет, написав это жизненное правило: «Не берись за слишком многое».

Сначала кажется, что в свободе посвящать себя общественному благу заключена огромная привилегия для щедрого сердца. Эта привилегия реальна, но не так велика, как кажется, потому что каждый может работать на общественное благо, исполняя свои специальные обязанности. Ведь главный из общих интересов — чтобы частные функции выполнялись должным образом. В деревнях существует поговорка, которая неплохо применима и в городах: «Пусть каждый занимается своим делом — коровы будут в надёжных руках». Самый величественный дуб — это, в своей общей мощной растительности, результат бесчисленных мелких движений, вызванных маленькими капельками сока в очень маленьких каналах. Если частные обязанности выполняются, то для того, что называют общественным благом, остаётся гораздо меньше работы, ведь большая часть общественных предприятий существует лишь для того, чтобы исправлять последствия частных беспорядков.

Устраните, например, лень и пьянство, а также необдуманные подаяния — бедные останутся, но бороться со злоупотреблениями попрошайничества будет уже не нужно. Установите умеренность и чистоту нравов — и три четверти больниц опустеют, а одна из ветвей благотворительной деятельности заметно сократится. Если бы правительства и народы подчинялись законам справедливости и разума, не было бы необходимости создавать общества для облегчения страданий на полях сражений. Мне всегда жаль, что прекрасное дело помощи раненым, инициированное Женевой, не началось с решительного протеста против жестокостей войны.

Господа, вот план, который я предлагаю вам для борьбы в жизни. Мы обязаны всем добром, но в порядке, установленном местом, назначенным каждому волей Верховной. Тогда стремление, ограниченное правилом, станет устойчивым, потому что будет ограничено, и плодотворным, потому что будет устойчиво. Согласованные усилия создадут гармонию духовного мира. Перед армиями зла мы рассеяны, и в этом наша слабость. Это эгоизм, это принцип «каждый за себя» разобщают нас. Повернуть сердце, чтобы решительно идти на врага, тесно сомкнувшись вокруг знамени, каждый на своём месте — вот порядок битвы.

Прекрасно идти под знаменем добра, видя, как божественный свет озаряет даже самые скромные обязанности. Прекрасно участвовать в великой борьбе и предвидеть в конце пути покой в порядке, в регулярном и растущем расцвете доброй жизни. Прекрасно созерцать, сквозь тревоги, беспорядки и разрывы общества, «небеса разумных, любящих и свободных звёзд, неизменное небо, полное спокойствия, света и любви, где всё, что было мечтой, сбудется».

Вот дело, которое нужно начать на земле и продолжить в бессмертном будущем. Есть ли здесь кто-то, кто считает жизнь тяжёлой, существование серым и тяжёлым, череду дней монотонной? Пусть он поймёт эти вещи — и почувствует, что жить стоит. А тем, кто сомневается в добре и в окончательной победе добра, из-за отсутствия глубокой веры в Бога, я скажу словами Сократа: «Это дело стоит того, чтобы рискнуть поверить в него; это риск, ради которого стоит бежать, это надежда, которой нужно как бы очаровать самого себя».

Великий ученик Сократа, Платон, описал в бессмертных страницах движение души, возносящейся от красоты к красоте вплоть до созерцания высшей красоты. И кто же не чувствовал, как взгляд желания обращается к высшему идеалу? Кто из распущенных не понимает, что хорошо владеть своими чувствами? Кто из лжецов в совести не ощущает ценность истины? Кто из трусов в глубине сердца не почитает храбрость? Кто из эгоистов не должен заглушать голос собственной природы и научиться презирать себя, прежде чем обратить в насмешку преданность другим?

Добро — это истина, потому что это выражение высшей мысли, которая определила всё, что есть, всё, что должно быть; добро — это красота, и наше сердце свидетельствует об этом; душа стремится к нему всеми возвышенными устремлениями своей природы. Добро стоит перед нами, как великолепное видение, от которого невозможно не испытывать влечения. Мы стремимся к нему, но зло здесь; мы падаем во тьму, тучи собираются снова, и мы спрашиваем себя, не была ли это прекрасная видимость обманом. Видение истинно, господа; добро — высшая реальность, потому что оно проявление Верховного Бога. Мы видим его; что же нам нужно, чтобы овладеть им? Сила. Это будет предметом нашего следующего занятия.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ — ПОМОЩЬ

вернуться к содержанию >>>

В Женеве, 17 декабря 1867 года. В Лозанне, 24 апреля 1868 года.

Господа, Того, что нам не хватает перед добром, — это силы для его осуществления. Если не считать случаев, когда мы ослеплены бурной страстью, мы чувствуем, мы понимаем, что практика зла делает нас несчастными; но у нас не хватает мужества порвать с несчастьем. Где же мы можем найти недостающую силу?

Чтобы ответить на этот вопрос, возьмём в качестве символа силу, которой мы располагаем, действуя на своё тело, то есть так называемую физическую силу. По правде говоря, здесь более, чем просто символ. Связь наших двух природ — телесной и духовной — настолько тесна, глубока и непрерывна, что они никогда не бывают разделены. Наша духовная жизнь проявляется лишь при условии существования и через органы тела. Ложный идеализм, результат заблуждения философии, может единственный не признать моральной ценности дисциплины тела. С другой стороны, нельзя отрицать влияние нравственности на функции организма; гигиена, как говорилось, скорее добродетель, чем наука. Человек, чья воля достаточно сильна, чтобы упорядочить тело в соответствии с истинными законами природы, достигнет лучшего результата для своего здоровья, чем тот, кто будет под руководством самого умелого врача, но поддастся неуправляемым склонностям.

Физическая сила и моральная сила тесно связаны; и если учитывать действие воли на органы мысли, мы никогда не найдём абсолютного разделения между нашей телесной и духовной природой. Однако, не углубляясь в тему, которая может нас очень далеко увести, ограничимся поиском символа моральной силы в телесной силе. Как поддерживается и растёт мощь, которую мы проявляем в мышечных движениях? Через саму её практику; именно поэтому работа руками, прогулки и гимнастика способствуют хорошему здоровью. Но упражнение поддерживает силу лишь в том случае, если она расходуется, и быстро её уничтожило бы, если бы не была подпитана пищей.

Мы принимаем пищу то твёрдую, то жидкую, и твёрдая часть пищи должна быть разжижена для усвоения. Питание происходит благодаря чудесному комплексу функций пищеварительной и кровеносной систем; среди всех этих функций существует первичное явление, из которого всё происходит. Это явление — дыхание. Необходимым условием питания тела является наш контакт с живительной силой атмосферы. В момент, когда ребёнок начинает свою собственную жизнь, выходя из чрева матери, прежде всего, воздух должен войти в его лёгкие, он должен дышать; только после того, как он вдохнёт воздух, он сможет взять грудь матери. Вот факты, в которых мы найдём символ питания сил души.

I. ПИЩА ДУШИ

вернуться к содержанию >>>

Духовная сила сначала увеличивается через собственную практику и постепенное упражнение. Многие люди оказываются слабыми в важных моментах, потому что пренебрегали малыми усилиями и малыми добродетелями. Но эта сила, которая поддерживается и возрастает через саму практику, нуждается в питании, и духовная пища состоит из идей и чувств.

Идеи — это своего рода твёрдая часть пищи для души, а чувства — жидкая её часть. Так же, как твёрдые вещества питают тело только после того, как они были разжижены, так и идеи влияют на волю только тогда, когда они превратились в чувства. Идеи могут оставаться в уме без какого-либо практического результата; именно чувство даёт нам импульс и, следовательно, силу. Какие идеи развивают силу души для совершения добра? Прежде всего — созерцание и размышление над моральным законом. Рассмотрите различные классы наших обязанностей, их устройство, не менее удивительное, чем устройство явлений природы, их взаимосвязи и их общую зависимость от закона любви, из которого они все исходят, как лучи света исходят от солнца.

Особенно рассмотрите, чтобы уберечь себя от жизненных иллюзий, глубокую гармонию между долгом и счастьем. Постарайтесь понять, с помощью трудов мудрецов — например, мыслей Сократа и замечательных страниц Цицерона, — что всякий поиск счастья вне морального порядка является обманчивым; что в обычном ходе вещей труд даёт достаток, а

правдивость — уважение; и что в случаях, когда надо отказаться от всех этих благ, в самом жертвоприношении ради долга, в одобрении совести есть радость, превосходящая все остальные радости. Вы встретите мысли, которые дадут вам настоящую силу для жизненных сражений.

Что касается чувств, которые могут помочь нам в борьбе со злом, то, прежде всего это само притяжение добра, которое является результатом указанных мыслей. Созерцание морального закона в спокойствии, в тишине злых страстей, всегда готовых восстать против правила, естественным образом пробуждает любовь к добру — силу, потому что она склоняет сердце на сторону совести. Доброта имеет особую красоту, которая, когда её научились чувствовать, превосходит все остальные. Это можно понять на примере: когда вы выходите из театра или светского собрания, поднимите глаза, если ночь ясна, и посмотрите на небо. Вы увидите, что звёздное небо обладает спокойной, глубокой красотой, совсем иного рода, чем красота зрелищ, освещённых свечами и люстрами. Созерцание морального закона вызывает чувство, подобное тому, что вызывает вид небесного свода. Оно пробуждает чувство красоты, превосходящей все красоты, встречающиеся в сфере страстей и интересов.

Вот почему часто цитируют и ещё будут цитировать слова Канта: «Две вещи наполняют душу всё новым и всё возрастающим восхищением и почтением, когда мы всё чаще размышляем над ними: звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Видение добра пробуждает влеченье к нему. Если бы мы чаще размышляли о чудесах закона, мы были бы менее слабы против зла. Этот ресурс реален, но абстрактен. У нас есть более привычное и более действенное средство склонить сердце к совести — это использование личных привязанностей. Ничто не укрепляет в борьбе с искушениями так, как личные привязанности, совпадающие с любовью к добру; и это средство часто в распоряжении нашей воли.

Предположим, например, что молодой человек, воспитанный уважаемыми родителями (отметим, что согласно глубокому инстинкту природы многие родители, мало достойные уважения на самом деле, стараются казаться достойными уважения в глазах своих детей), оказался далеко от дома и сталкивается с серьёзным искушением. Речь идёт о его совести, возможно, о его чести; он на грани поражения. В этот момент перед ним встаёт образ его семьи. Он может отвернуться от этого спасительного образа и поддаться воображениям сердца, очарованного злом. Но если он ухватится за этот благодатный луч, который вспыхнул перед его взором, если он долго удержит мысли о том отце и матери, чьё сердце он собирается разбить, разве вы не видите, что волевым актом он даст себе мощную силу для добра? Личные привязанности — вот помощь в жизненной борьбе.

Поэтому там, где можно выбирать, важно тщательно выбирать людей, которым даришь часть своих чувств, чтобы эти чувства были поддержкой, а не препятствием в деле нравственного воспитания души. Поэтому важно беречь и культивировать, даже больше, чем цветы на могилах, память о тех, кто ушёл из этого мира, пройдя перед нами по прямому пути, чтобы их память оставалась живительной силой и, хотя они умерли для земной жизни, они всё ещё говорили нам и помогали в жизненных сражениях. Наконец, нравственная жизнь не может достичь полноты развития, если сердце не откроется для чувства божественной любви и не направит свои привязанности к Единому, кто всегда и во всём абсолютно тождественен добру. Любовь к творениям, даже к лучшим из них, всегда может оказаться в противоречии с законом. Единственная любовь, которая, безусловно, гармонирует с совестью — это любовь к Тому, кто является источником совести и автором закона.

Идеи, чувства — вот пища души. Эта духовная пища дана нам не только через отношения с современниками; она дана нам также через традицию, связывающую нас со всем человечеством. Эта традиция, под арабской палаткой и в хижине альпийских пастухов, представлена в виде рассказов у очага; в нашей цивилизации она выражается главным образом через чтение. Чтение снимает для нас преграды пространства и времени и открывает нам все интеллектуальные сокровища рода человеческого. Какие разнообразные ресурсы оно даёт нам, чтобы кормить душу идеями и чувствами, укрепляющими её! Читайте историю и углубляйтесь в неё; проникайте в великие законы, проявляющиеся в ходе человеческих дел — вы увидите, что справедливость восторжествует в долгосрочной перспективе.

Читайте настоящие биографии, те, которые показывают людей такими, какие они были, без прикрытия чужими драпировками — вы увидите героев добра, часто подвергающихся преследованиям и оскорблениям, потому что мир в беспорядке; но вы увидите, как они предпочитают свою совесть всем сокровищам и всем наслаждениям земли. Вы увидите великих эгоистов, которые пожертвовали всем ради удовлетворения своих страстей, и которые, обладая богатством и властью, возможно, сидели на самых прославленных тронах вселенной, однако умерли в отвращении к жизни и презрении к самим себе. Мы можем черпать из чтения (не говоря уже о книгах, которые сохраняют для нас заповеди мудрости и правила опыта), мы можем черпать из чтения мысли и чувства, которые придут нам на помощь. Но нельзя забывать, что пища превращается в силу лишь при двух условиях — быть качественной и употребляться в надлежащем количестве.

Если вы читаете книги, отвечающие вашим страстям и усиливающие их мощь; если вы читаете «те писания, которые подобны сточным канавам человеческого духа и которые, несмотря на свои цветы, скрывают лишь ужасное разложение», вы не принесёте себе пользы. Что касается количества интеллектуальной пищи, послушайте мудрые предупреждения Александра Вине:

«Наш век болен от чрезмерного и неправильного чтения. Чтение, которое называли «занятой ленью» и которое можно назвать «ленивой деятельностью», является главной занятостью многих людей, чьё мышление, непрестанно, но слабо возбуждаемое на тысячу разных сторон, умирает везде на поверхности и в итоге лишается силы, спонтанности и независимости. Без сознательной реакции читателя на мысли автора чтение зачастую становится вредом, а не пользой. Глотать — ничего не значит, если не переваривать. Горе тому, кто это забывает! Горе тому, кто становится соучастником этой жадности или этого необдуманного аппетита, из-за которого наш век сравнивают с удавом, раздутым исписанной бумагой, а его пищеварение напоминает агонию. Читайте, но думайте; и не читайте, если не хотите думать во время чтения и после него».

Здесь на кону не только культура интеллекта, но и сила воли; ведь если здоровая и хорошо направленная мысль — сила для добра, то нерешительность, колебания, слабость мысли — причина слабости. Итак, истинные идеи и чистые чувства — это пища для души, которая доступна нам для укрепления её силы; но часто мы усиливаем дурные страсти ложными идеями и виновными чувствами. Вместо здоровой пищи мы принимаем яд; по крайней мере, мы придерживаемся мерзкого морального рациона; этот плохой рацион ослабляет нас, а потом мы жалуемся на недостаток силы. Кто виноват?

Эти размышления важны, но не касаются глубины нашей темы. Предполагая волю, направленную на добро, мы видим, как она может укрепляться; но именно эта воля, именно эта сила, направленная на добро, нам и не хватает — наша воля больна. Кажется, что, призывая волю укреплять волю, мы попадаем в круг.

Этот круг не совсем порочный, ведь у каждого есть определённая сила, и знать, как увеличить уже имеющуюся силу, направляя её должным образом — это уже многое. Тем не менее, остаётся важный элемент в проблеме: существует ли прямое средство увеличить мощь воли? Есть ли в жизни души первичный феномен, подобный дыханию в жизни тела?

Этот вопрос ставит нас перед размышлениями о молитве. Это очень обширная и в то же время очень серьёзная тема. Размышления, которые я вам представлю, имеют общий характер; однако мы ограничим наше непосредственное изучение тем предметом, который нас занимает — поиском силы воли.

Можно ли просить Бога о силе, которая нам нужна? В жизненной борьбе мы ограничены только своими ресурсами и поддержкой ближних или можем ли мы призвать Всемогущего на помощь?

II. МОЛИТВА

вернуться к содержанию >>>

Молитва — это универсальное явление. В молитве, как и во всём, проявляется коренной беспорядок человечества. Говорят, что разбойник из Калабрии молится Мадонне в помощи совершить ему злой поступок; глава государства, собирающийся начать явно несправедливую войну, устраивает публичные молитвы, чтобы призвать Бога на помощь неправде — вот примеры абсолютной порчи молитвы, молитвы ради зла.

Есть люди, как честный грек Исхомах, которого нам описал Ксенофонт, — они просят у божественной силы победы над врагами, хорошей репутации, здоровья и всех земных радостей. Но мы всегда и везде находим в той или иной мере истинную духовную молитву, ту, что просит силы творить добро у Того, кто есть источник всякого блага и всякой силы.

Эта молитва встречается в одном из самых знаменитых хоров Софокла, начинающемся словами: «Дай мне сохранять во всех делах и словах святую чистоту!» А наша молитва, Господа, наша — та, которой мы все учились в детстве, — пожалуйста, вспомните её. Что мы просим? «Хлеб наш насущный» — чтобы помнить, кто растит пшеницу в поле. Что ещё? «Да святится Имя Твоё» — то есть чтобы все люди всё глубже проникались фундаментальной истиной, что воля Божья тождественна добру. Что ещё мы просим? Чтобы воля Его исполнялась, чтобы добро совершалось, и чтобы мы были избавлены от зла прощением и помощью. Вот в этой простой и величественной форме — духовная молитва, истинная молитва добра, и о ней нам нужно говорить.

Должен развеять опасения некоторых из вас. Не бойтесь, что я проникну в самые тайные сферы жизни души и введу относительно грубый инструмент рассуждения в самые тонкие функции духовной жизни. Возникают сомнения в ценности молитвы; я хочу рассмотреть эти возражения, и надеюсь, что смогу их развеять. Я не собираюсь доказывать молитву, а хочу, по возможности, оставить вас молиться в мире согласно желанию сердца.

Говорят, молитва — это детство человечества, которое постепенно исчезает под светом разума и достижений современной культуры. Это вопрос факта; и я не вижу, что этот факт верен. Инстинкт молитвы кажется ныне таким же сильным, как и прежде. Искусство так часто к ней обращается, что для того, чтобы устранить из искусства идею и чувство молитвы, нужно было бы вырвать самые прекрасные страницы не только у Расина, но у Гюго, Ламартина, Мюссе; нужно было бы стереть лучшие полотна наших музеев; нужно было бы заставить замолчать величайшие музыкальные произведения — ведь музыка достигает высших вершин искусства именно тогда, когда достигает акцентов молитвы.

Обратите внимание, я говорю не о личных чувствах художников, а о всеобщем чувстве, к которому они обращаются — и которого не было бы, если бы молитва исчезла. Противоречит ли молитва науке? Если бы так было, Кеплер, кажется, заподозрил бы это, Ньютон — задумался, а Фарадей не умер бы, оставив миру пример благочестия, равный его гению. Итак, по фактам молитва не исчезает перед лицом современной культуры, как утверждают некоторые. Но главное возражение приписывается философии. Говорят, от имени философии, что молитва неразумна. Это серьёзное утверждение, ведь хотя нам часто приходится делать вещи вопреки человеческим рассуждениям, мы не должны делать ничего вопреки разуму — истинному и первичному, данному Богом.

Но действительно ли существует несовместимость между философией и молитвой? В своих исследованиях я встречал многих философов — как современных, так и прошлых веков. Множество из них, и немало из величайших, были богобоязненными и молились, как дети, потому что нет двух способов молиться. Даже сегодня, перелистывая перед тем, как прийти сюда, книгу «Жизни великих учёных» г-на Фигье, я наткнулся на рассказ о смерти знаменитого философа, новатора Пьера Рамюс (Pierre Ramus), убитом во время Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года в Париже. Когда ворвались убийцы в его кабинет, он попросил минуту и громко произнёс молитву: «О, Боже мой, я согрешил перед Тобою; я сделал зло пред Тобою. Твои суды справедливы и истинны. Помилуй меня и прости этих несчастных; они не ведают, что творят».

Когда Декарт, свободный и мощный ум, переносил смертельную болезнь, он впадал в состояние бреда, но это не нарушало стройность его мыслей. Те, кто слышал его последние слова, удивлялись, что этот геометр и метафизик говорил не о науках, которыми он занимался, а о величии Бога и бедственном положении человека.

Не хочу приводить больше примеров, но приведу ещё один. Есть философ, чью жизнь и труды я долго изучал — Мэн де Биран. Занимаясь политической деятельностью, он всегда был движим непреодолимым стремлением к самонаблюдению и изучению великих вопросов человеческой судьбы. В научном плане он ценен тем, что лучше многих прежде него понял роль воли во всех проявлениях человеческой жизни — не только в поступках, но и в идеях, чувствах и даже телесных ощущениях. Однако одновременно, по результатам длительных и порой мучительных опытов, он осознавал слабость воли. Его душа медленно, непрерывно и последовательно в течение многих лет была устремлена к Богу, и он умер, молясь.

Так что несовместимости между философией и молитвой нет — ни сегодня, ни во времена Декарта, ни в дни Рамюс. Теперь: когда отрицательное учение о молитве овладевает умом, удаётся ли этому учению уничтожить в душе того, кто его исповедует, естественный инстинкт молитвы? Нет; это опять же вопрос факта. Никогда философия, отрицающая всякую связь человека с Богом, не развивалась так широко и ярко, как в конце прошлого века. Что же произошло? Говорят, что матросы, казавшиеся неверующими, становятся на колени в бурю, а в мире есть и другие бури, не только океанские. В конце прошлого века люди, воспитанные в атеизме и исповедовавшие его, в революционной смуте вновь обрели в своих сердцах инстинкт, потребность и зов молитвы.
Вот аналогичный случай, произошедший в менее мрачных обстоятельствах. Уважаемый писатель начала этого века, воспитанный на философии своего времени и научившийся отрицать силу молитвы, только что завершил труд в поддержку дела, очень дорогого ему; он сделал всё, что мог, и написал одному из своих корреспондентов: «Дальше всё зависит от Бога, я молился Ему с жаром и слезами, что для меня необычно и, возможно, не вполне разумно, но моё сердце было полно, и я испытывал потребность молиться».

Следовательно, инстинкт молитвы сохраняется, несмотря на учения, которые его отвергают. Для того чтобы молиться, даже не нужна положительная вера в Бога. Кто может молиться?

Все, кроме атеистов, уверенных в отсутствии Бога. Но есть ли такие атеисты? Есть ли не просто атеистические доктрины (их, к сожалению, много), а люди, абсолютно уверенные в том, что Бога нет? В этом можно сомневаться; многие очаги кажутся потухшими, но огонь ещё тлеет под пеплом. За исключением реального атеизма, все могут пытаться молиться — например, Искнар.

И я не вижу возражений против рассуждений поэта, который, воскликнув:

«Поверьте мне, молитва — это крик надежды!
Чтобы Бог услышал нас — обратимся к Нему!» —
задался вопросом: а что если Бога нет? — и продолжил:
«Если небо пусто — мы никого не обижаем;
Если кто-то слышит — пусть пожалеет нас!»

Философия в целом не противоречит молитве; системы, отрицающие связь Бога и человека, не уничтожают инстинкт молитвы даже у своих последователей; и никакая доктрина, кроме собственного атеизма, не запрещает тем, кто чувствует потребность укрепляться, искать помощи у Бога. Тем не менее, в науке существует мощное течение, отдаляющее души от Бога, усиленное трудами людей, лично благочестивых, но чьи учения не соответствовали их жизни.

Есть философия, очень важная философия, утверждающая, что молитва неразумна, или, иначе говоря, что созданному разумному существу запрещено искать помощь у Бога. Что это за учение? То, что мы уже встречали — отрицающее всякую свободу и видящее во Вселенной лишь совокупность феноменов, подчинённых абсолютной необходимости. Если всё предопределено, если свободы нет, то и нечего просить. Следствие верное; но я добавляю — то и делать нечего. Следствие также верное. Учение, отрицающее эффективность молитвы, отрицает также эффективность человеческих усилий в труде. Это единственный аргумент, который я буду развивать. Против молитвы ставят идею абсолютного предопределения; я стремлюсь показать, что если это возражение действительно, то оно одинаково применимо и к труду.

Верите ли вы в реальную силу человека в труде? Посмотрите, какое влияние оказывает человек на природу! Мы удобряем почву, сдерживаем реки дамбами, улучшаем растения и животных; или наоборот — истощаем почву непредусмотренным земледелием, вырубаем леса, и тогда разливы рек заливают долины, и деградируют породы животных. Наше воздействие на природу весьма ограниченно — мы не можем отклонить орбиту планеты; землетрясение уничтожит труд многих поколений. Но эта ограниченная власть реальна. Каковы её точные границы — никто не знает. Невозможно, что человечество исполнит мечту современного утописта — превратить океан в лимонадный бассейн; но если здравый смысл разоблачает безумные мечты, гений не раз и не два опровергал и опровергнет прогнозы глупцов. Мы неоспоримо воздействуем на природу.

Разве мы не влияем на общество? Разве мы не влияем на других примером, речью, взглядом? Остановите инженера, строящего дамбу, садовода, улучшающего свои растения, мать, стремящуюся направить детей к добру, политика, желающего влиять на общество — скажите им: «Что вы хотите сделать? Всё уже абсолютно и неизбежно предопределено»? Нет; при оценке человеческой силы наш век скорее склоняется к гордыне, чем к отчаянию. Но что же все те, кто трудится в материальном и духовном мире? Они сталкиваются с миром, который пытаются изменить; они не верят, что всё в мире неизбежно предопределено.

Понимаете, куда я клоню? И, возможно, думаете, что я ввязываюсь в софистическую игру. Вы соглашаетесь, что человек может влиять на природу и общество; но считаете, что

действие Бога неизменно и потому аргумент о человеческом труде не может привести к признанию эффективности молитвы, которая якобы должна изменить Божье действие. Эта возражение основано на идее абсолютного разделения между действием человека и Божьим действием — но эта идея ложна, и вы скоро это поймёте.

Что может человек, когда действует на природу? Он может (замечание канцлера Бэкона) лишь приблизить или отдалить две части материи. И больше ничего. Во всех своих делах — от создания самых простых часов до грандиозного собора — человек лишь сближает или раздвигает части материи; всё остальное происходит без него, и почти всегда средствами, которые он не знает.

Вы, например, поднимаете воду насосом и говорите: «Моя работа поднимает воду». Хорошо, но на каких условиях? При условии состава воды и всех сил, действующих в этой жидкости; при условии притяжения Земли и веса атмосферы. Когда вы поднимаете воду насосом, небо и земля работают вместе с вами; все силы природы соглашаются подчиниться в этом месте и вопреки обычному ходу вещей воле вашей. И если бы вы подняли воду просто рукой, ситуация не изменилась бы, потому что после вашего решения все силы природы внутри вашего тела начали действовать, чтобы передать ваше намерение руке и руке — воде.

Философия, проводящая абсолютное разделение между делом человека и делом Бога, — это поверхностная философия. Она предполагает, вопреки всей реальности, что человек может что-то сделать без участия сил природы, проявляющих волю Творца. Естественный ход вещей, то есть прямое действие Бога, постоянно изменяется трудом человека. Скажем ли мы, что наш труд меняет замыслы Бога? Нет; ибо Бог, создав нас свободными, сделал нас участниками Своей силы и хочет, чтобы мы были Его соработниками; труд — значит не менять Его планы, а исполнять их. Человек чувствует в себе силу действовать; он действует; видит результат своих поступков — и пусть философы говорят, что всё предопределено.

Теперь перед нами встает вопрос: есть ли у молитвы сила? Получили ли мы способность черпать силу из самого источника, искать её у Бога? У нас есть инстинкт молитвы, как и инстинкт действия, и Бог, сделавший нас тружениками, сделал нас также молящимися. Но разве не так много людей не молятся! — и разве не так много людей не трудятся, или, что то же самое, трудятся только под железным жезлом необходимости! Ленивые не мешают тому, что человек устроен для труда; закрытые навсегда рты перед Богом не мешают тому, что человек устроен для молитвы.

У нас есть инстинкт молитвы. Можем ли мы наблюдать его результаты? Безусловно. Вот человек борется с великим искушением. Чувствуя близость падения, он взывает к Богу — и он получает поддержку. Вы, возможно, скажете: «Это сильный человек, и даже если бы он не молился, результат был бы тем же». Вы уверены в этом? В городе свирепствует эпидемия. Врачи и чиновники исполняют свои обязанности. Но есть мужчины и женщины, которые, не будучи обязаны никакой должностью, не ища славы, не получая научной поддержки, не ожидая ни наград, ни почестей, с полной самоотдачей посвящают себя облегчению общественных бедствий; и они молились. Вы скажете: «Это преданные натуры, и если бы они не молились, результат был бы тот же». Вы уверены? Эти люди утверждают, что черпали силы в молитве, и этот факт произошёл с ними самими. Кто вы, чтобы им возражать?

Труд — не изменение планов Бога, а их исполнение, ведь Бог создал нас для труда. Молитва не претендует изменить планы Бога; она их исполняет, ибо Бог создал нас с потребностью и инстинктом молитвы. Против молитвы и труда выдвигаются одни и те же

возражения, основанные на идее отсутствия свободы у человека и Бога, на представлении о мире как о жёстком механизме судьбы. С этой точки зрения, что есть явный или скрытый атеизм, нет, конечно, смысла ни просить, ни действовать. Доктрина всеобщего фатализма настолько противоречит непосредственному чувству реальности и сознанию человечества, что справедливо требует доказательств. Но таких доказательств она не дала и не даст никогда.

Труд и молитва — это согласующиеся силы; они согласуются в просьбе о силе для действия. Часто противопоставляют (что является темой более чем одного современного автора) молитву — практику древних времён — и труд, добродетель современных. Не знаю, молились ли древние больше нас; убеждён, что мы не трудимся больше их. Что касается противопоставления молитвы и труда, оно не основано на праве, но часто внушается духу заблуждениями лженабожности. Молитва, претендующая заменить труд, — это насмешка и почти преступление. Вы знаете басню Лафонтена «Крыса, ушедшая от мира». Толстая, сытая крыса, с запасами голландского сыра, получает делегацию своих соплеменников из Крысолополиса, заблокированных народом кошек. Их заставили уйти без денег, учитывая бедственное положение атакуемой республики. Они просили немного, уверенные, что помощь будет готова через четыре-пять дней.
— Друзья мои, — сказал отшельник, — земные дела меня больше не касаются. Чем бедный изгнанник может помочь вам? Что он может сделать, кроме как молиться небу о вашей помощи? Надеюсь, вы вспомните обо мне. Сказав это, новый святой захлопнул дверь.

Это святой плохого сорта. Болезненный, лишённый золота, сил и слов человек, может быть — и отдаёт — свою молитву; горе тому, кто отвергнет такой дар! Но со стороны того, кто может действовать, сказать ближнему: «Брат, я не хочу нарушать свой покой, чтобы помочь тебе, но помолюсь Богу, чтобы Он помог тебе», — значит насмехаться и над людьми, и над Богом. Истинная молитва должна быть источником действия на добро. Тому, кто скажет «Действуй, а не молись!», мы всегда должны ответить: «Я молюсь, чтобы иметь силу действовать».

Эти две гармоничные силы — труд и молитва — имеют одни и те же условие и предел. Общим условием является настойчивость. Мы часто ошибаемся в этом и именно из-за этой ошибки многие унывают. Мы рассуждаем и действуем так, будто молитва должна сразу дать полный результат, будто достаточно воскликнуть один раз: «Боже мой!», и всё должно исполниться. Это ошибка ребёнка, который в своей детской нетерпеливости хочет, чтобы работа была закончена в тот же момент, когда началась. Если молитва — естественная функция жизни духа, она должна быть постоянной функцией. Если молитва — дыхание души, оно должно постоянно обновляться. Не умаляя силы божественной благодати, мы не вправе надеяться, что в обычном порядке Провидения одна лишь молитва освободит волю от цепей многолетних дурных привычек, укреплявшихся десять, двадцать, тридцать лет, может быть.

Настойчивость — вот общее условие труда и молитвы. Что касается пределов этих двух сил, они находятся в непостижимых для нас замыслах Верховной Власти. Сколько молитв остаются без видимого и немедленного ответа! Сколько усилий кажется напрасными! Высочайшая мудрость оставляет за собой право окончательно решать и успех наших усилий, и результаты наших молитв.

Мы нашли источник силы, которую затем должны поддерживать и приумножать духовным порядком жизни. Это всё? Один из вас, господа, написал мне то, о чём многие думали, но не писали: не поговорим ли мы теперь о помощи, которая есть в христианской вере, о вере как таковой? Нет ли силы в вере в Бога, открывшегося в Иисусе Христе? Этот вопрос серьёзен;

разве мы не коснёмся его? Вопрос будет рассмотрен прямо и в точных пределах, очерченных программой нашего исследования и составом этого собрания.

III. ВОПРОС ВЕРЫ

вернуться к содержанию >>>

Наши встречи были объявлены как посвящённые философскому изучению проблемы зла. Это означало, что мы должны прийти сюда без всяких предварительных договорённостей, кроме как с серьёзными душами и добросовестными умами для изучения важного вопроса. Между нами нет никакой общепринятой веры, которая ставила бы нас под общую власть. При всём разнообразии, всех оттенках и переходах, которые предлагает реальность и которые ускользают от наших абстрактных делений, мы образуем две разные группы. Одни исповедуют себя христианами, то есть принимают сверхъестественное свидетельство Иисуса Христа и, если последовательны, идут туда, куда ведёт их авторитет Иисуса Христа. Другие же здесь просто как люди, со своим разумом, сердцем и совестью.

До сих пор я мог обращаться ко всем без различия, потому что я ступал по общей почве человечества. Теперь мне необходимо провести различие.

Итак, мы, кто христиане, или, вернее сказать во многих случаях, кто желает ими быть, какое утверждение мы делаем по предмету нашего изучения? Мы утверждаем, что именно в вере в Распятого на Голгофе и в участии в благодатях, исходящих из этого источника милосердия, душа может найти вместе с действенной молитвой необходимую силу для совершения этого изменения, этого обращения, которое должно вывести её с пути эгоизма и привести на путь любви. Вы, кто верите, независимо от степени вашей веры, ваша вера — ваше сокровище. Но это сокровище не похоже на сокровище скупца; кто им владеет, должен им делиться, потому что оно увеличивается пропорционально тому, насколько оно разделяется.

Вы должны свидетельствовать о своей вере. Вы должны привлечь внимание людей к источнику силы, который есть в вас, через ваши дела и чувства; быть добрыми и радостными, ибо всякая истинная вера есть источник доброты и начало радости. Затем вы должны соединить слово с примером и распространять свои убеждения через речь. Но остерегайтесь не задевать законные чувства. Не усугубляйте своими ошибками трудности, с которыми истина сталкивается при проникновении в души. Когда вы обращаетесь к тем, кто исповедует ту же веру, что и вы, смело напоминайте им правило власти, которому вы так же подчиняетесь. Но когда вы даёте отчёт о своей надежде тем, кто просто ваши собратья, а не верующие, никогда не забывайте, что это ваши собратья, то есть у них есть, как и у вас, воля, обязанная Богу, но перед людьми остающаяся хозяином сама себе. Во всём уважайте свободу другого; и, чтобы выразить это в двух словах, если хотите служить делу христианской веры полезно, предлагайте её, а не навязывайте.

Вы, господа, которые не исповедуете христианство и пришли сюда с намерением философского исследования, свидетельство верующих — это факт, который происходит перед вами и по которому вы призваны дать отчёт. Вы не можете игнорировать его, не искажая условия исследования, которое нас собирает. Философия — это, действительно, совершенно свободный поиск, то есть такой, где не вмешивается никакое догматическое предположение; философия — это поиск, предмет которого универсален; она отличается от частных наук именно универсальностью своего предмета.

Свобода и универсальность — вот два признака философии. В вашем поиске объяснения мира вы встречаете свидетельство христиан, которое занимает большое место в истории. Что думать о том факте, на котором основана их вера? Этот вопрос запрещён для вас?

Тогда ваш поиск не свободен. Этот вопрос вам чужд? Тогда ваш поиск не универсален. В обоих случаях вы выходите за рамки философии.

Поэтому в по-настоящему серьёзном и свободном исследовании необходимо непосредственно поставить вопрос веры, то есть вопрос о природе свидетельства Иисуса Христа. Не рассматривать его, считая, что он решён отрицательно — значит действовать под влиянием предубеждения; а это предубеждение станет догматическим предположением, которое, хотя и противоположно верующим, тем не менее, исказит характер науки.

Поставленный вопрос может иметь два решения. Является ли свидетельство Иисуса Христа божественным свидетельством, которое основывает законный авторитет? Если после исследования вы скажете - нет, вы будете искать иную основу, нежели вера, чтобы организовать своё мышление и жизнь. Если вы скажете - да, вы войдёте в пределы веры.

Если вы сказали - нет, ваш поиск либо продолжится без результата, либо вы станете позитивистом, гегельянцем, деистом, пантеистом, либо сформулируете свою личную доктрину. У вас будет философия; эта философия может даже быть в некоторой степени христианской, в том смысле, что вы примете часть христианского учения; но доктрины, которые вы так примете, останутся для вас простыми доктринами, не основанными на вере.

Так большинство современных французских философов-спиритуалистов имеют в своём мышлении элементы, источником которых явно является христианская проповедь. Так я предложил вам философское решение проблемы зла, извлечённое из догмы, но отделённое от неё, которое можно принять, если считаете, что оно объясняет факты, не принимая целиком христианской веры. Как бы то ни было, если вы сказали - нет вопросу веры, вы останетесь в общей философии, в философии как таковой.

Если вы сказали - да, если приняли свидетельство Иисуса Христа как божественное свидетельство, вера, возникшая в результате вашего поиска, станет отправной точкой новой работы мысли, потому что, как сказал святой Ансельм, вера ищет понимания. Тогда, исходя из христианских данных, вы организуете своё мышление и жизнь. Если вы учёный в школе, вы создадите богословскую науку. Если вы не учёный, а просто человек мира, желающий хорошо понять последствия своей веры, вы создадите то, что сможете назвать философией христианина, потому что эти слова уберут всякое недоразумение и ясно дадут понять, что вы уже не на поле общей человеческой философии, а в пределах веры.

Там, где принимается божественное свидетельство, поиск основ истины прекращается, как корабль бросает якорь, входя в порт, и работа мысли приобретает иной характер. Собственно философия прекращается в пределах веры и продолжается, если вера была предметом обоснованного отрицания; но там, где до исследования существует отрицание, являющееся лишь предубеждением, истинная философия, как беспристрастная и полностью независимая наука, не может ни прекратиться, ни продолжиться, потому что она никогда не начиналась.

Разве не кажется вам, что по-настоящему свободный разум не может пройти мимо такого значительного факта, как действие христианской веры в мире, не исследовав его с предельным вниманием? Однако многие люди, я говорю о людях науки, никогда не проводили такого исследования, никогда не задумывались серьёзно над вопросом веры. Как это может быть? Этот факт частично объясняется историческими причинами, в детали которых мы здесь не можем вдаваться.

Однако я хочу указать одну из них: злоупотребление властью и вмешательство светских властей в область верований. В те времена, когда обвинение в ереси, определяемое церковной властью, могло повлечь за собой серьёзные мирские последствия, люди, желавшие утвердить независимость своего мышления и не желавшие мученичества, не нашли ничего лучше, чем заявить, что, занимаясь философскими исследованиями, они полностью стоят вне религиозной сферы и не касаются вопроса истин веры. Тогда и родилась странная теория о том, что может существовать две истины: одна, которой придерживаются как философы, и другая, которую принимают как верующие. Тогда итальянец Помпонацци писал книгу против бессмертия души, но утверждал при этом, что, будучи католиком, он полностью принимает учение о будущей жизни с точки зрения веры.

На злоупотребление властью ответили отказом от исследования. Одна из причин, которая до сих пор препятствует распространению христианской веры, состоит в том, что многие люди не хотят изучать религиозные вопросы из-за смутного страха, унаследованного от рабства прошлого. Но времена свободы пришли. Противоречие всякому разуму думать, что могут быть две истины. Истинная свобода и сила духа принадлежат только человеку, чей взгляд проникает сквозь туман предрассудков и созерцает в величии и простоте проблему, которую поднимает существование христианской Веры.

Что же я должен здесь делать? Показать вам, как вопрос веры, возникающий во многих формах, прямо и неизбежно вытекает из изучения, ради которого мы собрались.

Добро имеет свою историю. У него были свои битвы, поражения и триумфы. В истории добра есть имя, занимающее совершенно особое место; никто, по сути, не оспаривает его: имя Иисуса из Назарета. Моральный свет развивался в древнем мире благодаря размышлениям мудрецов, направленным на различение голоса совести и признание законов духовного общества. Но, пока моральный свет возрастал, нравы падали; римская цивилизация представляла собой отвратительную смесь разврата и жестокости. Было словно глубокое расхождение между сознанием и жизнью человечества; и чем яснее мудрецы видели образ добра, тем сильнее ощущали свою неспособность воплотить его в мире.

И тогда заговорило слово Галилеянина, ставшее отправной точкой восстановления общества, опускавшегося в бездны порочности. Я могу сослаться по этому поводу на труд, который, по крайней мере, в смысле моей позиции, не будет для вас подозрительным. Это труд французского писателя Дени — «История моральных идей в древности». Дени, похоже, стремится отрицать сверхъестественное проявление в Иисусе Христе. Он собирает множество текстов, чтобы доказать, что моральный свет вырос благодаря исследованиям античной философии. Он это доказывает; но вынужден также признать, что коррупция нравов возрастала по мере того, как мудрецы яснее понимали истинные законы природы; и он признаёт, что сила, начавшая претворять в жизнь моральный закон, не исходила напрямую из работы философов, а из христианской проповеди. Именно христианское слово пробудило прогресс, который характеризует и составляет современную цивилизацию; даже те, кто не признаёт божественность Евангелия, часто приходят к признанию этого факта с исторической точки зрения.

Чтобы принять это утверждение, нужно признать, что мир движется вперёд. Позвольте сделать личное признание. Я знаю, что правильно говорить о себе как можно меньше; но вы также знаете, что, когда люди делятся мыслями, ничто не имеет такой ценности, как рассказ о собственном опыте. Вот что со мной произошло в отношении идеи прогресса.

Каждый из нас, либо из-за обстоятельств своего появления в мире, либо, как я полагаю, по своему темпераменту, склонен с большей любовью смотреть в прошлое или в будущее. Я

всегда испытывал преимущественную склонность к прошлому; либо из-за названных общих обстоятельств, либо, возможно, потому что, не будучи равнодушным к поэзии, я нахожу, что эти дорожки прошлого, так прекрасно воспетые нашим Тёпффером — дорожки, бегущие между высокими изгородями, поворачивающие на углах полей и извивающиеся вдоль ручьёв — приятнее, чем самые ухоженные рельсы и самый красивый ряд телеграфных столбов. Возможно, также потому, что в политических событиях Европы с моего юношества я всегда испытывал чувство, не похожее на уважение к тем, кто приветствует всякое новшество, при этом заботясь занять в новом порядке как можно более выгодное место, к тем, кто отворачивается от всех заходящих солнц и поклоняется всем восходящим светилам, и кого видят аплодирующими тому, что они осуждали, пока не стало ясно, кто победит.

Под влиянием всех этих причин я был склонен к осуждению новшеств и недоверию к прогрессу. Однако в 1854 году меня пригласили провести в Женеве публичное выступление о влиянии христианства на судьбы общества. Мне пришлось охватить взглядом всё развитие истории за восемнадцать столетий. Я признал, что не всякое новшество — прогресс; что в движении общества бывают падения, откаты назад, ослабления сознания, угасания общественного мнения; но, тем не менее, если смотреть на крупные движения и основные линии, видно, что достоинство, справедливость и доброжелательность растут и растут постепенно, в законах и в нравах. Я признал, что хотя все воды рек впадают в бездны океана, человеческая волна, хотя и изгибается иногда, всё же, в конечном счёте, поднимается в сторону неба. С тех пор, не желая приветствовать все новшества без разбора и не отказываясь от неотъемлемого права осуждать плохие новшества и протестовать против несправедливых торжеств, я серьёзно поверил в прогресс, и это убеждение никогда меня не покидало. Меня победила истина.

Но откуда берётся прогресс? Я уже говорил вам. Почва была подготовлена работой сознания и размышлениями мудрецов; но древняя мудрость обрела свет, не встретив силы. Она не смогла дать человечеству прочного принципа жизни. Зародышевая сила была заложена в почву христианским словом. С тех пор дерево добра выросло. На нём может расти мох, омела, сухие ветви; но сок вечной молодости циркулирует в его ветвях. Дерево кажется ещё очень молодым для тех, кто увидел его истинные размеры; и те, кто презирает его тень, подобны людям, которые пренебрегли бы вековым дубом, дававшим тень их отцам и способным развернуть свои ветви над будущими поколениями, чтобы посадить в сухих песках уже высохшие жёлуди.

В нас живут два инстинкта: любовь к прошлому и любовь к будущему; и оба эти инстинкта одинаково истинны. Не питая никаких иллюзий, не ожидая от земных обществ того, чего земля никогда не сможет осуществить; не скрывая от себя толчков, бурь, катастроф, которые могут нас настигнуть и, быть может, уже близки, надо признать, что человеческие общества всё более и более приближаются к отражению Царства добра — пусть и несовершенному. Но будущее вырастает из прошлого; прогресс — это развитие чистых зародышей, заложенных в традиции. Наша любовь к тому, что было, и наше стремление к новизне соединяются в привязанности к традиции, которая сохраняется и очищается, и тем надёжнее сохраняется, чем серьёзнее она очищается.

Разделение людей на два лагеря — один хочет сохранить всё, что есть, другой стремится всё разрушить, — это разделение, проявляющееся от ссор в деревне до политики империй, от разговоров между двумя людьми до крупнейших битв мира идей, не имеет законного основания. Борьба двух исключающих друг друга партий, возможно, естественна для наших злых сердец, ибо это борьба интересов и страстей. Но разве вы не видели зарю лучших времён каждый раз, когда освобождались от интересов и страстей?

Новаторы, хотите ли вы уничтожить добро прошлого и отказаться от наследия веков? Консерваторы, хотите ли вы остановить дело настоящего и помешать добру расти в будущем? Нет, господа! Между знаменами этих враждующих фракций есть третье — знамя тех людей, которые в деле настоящего хотят готовить будущее через развитие всего добра прошлого и постепенное уничтожение зла. Это партия мира, справедливости и истины. Там — будущее; давайте поприветствуем его с твёрдой надеждой.

Теперь оглянитесь назад и скажите: не есть ли это прошлое? Скажите, не является ли развитие христианской мысли основой прочности и славы нашей цивилизации? Скажите, не является ли сближение всех людей и всех народов в справедливости и доброжелательности делом Того, Кто возжелал воссиять славой на высотах, возвещая на земле мир людям доброй воли? Иисус из Назарета выступает в истории как источник величайшего проявления социальной силы на благо; это поистине удивительный факт и серьёзный вопрос. Удивительно, что зародыш всеобщего прогресса был посеян в человеческую почву не школами Греции и не практической мудростью Рима, а жителем Назарета в Галилее.

Но не смотрите только на социальное действие Сына Марии, взгляните на Его влияние на отдельного человека. Альфред де Мюссе, жертва чувственных страстей, чью пагубную природу он никогда не переставал признавать, даже повинуясь им, однажды остановился перед великим образом Святого Августина; увидев, как этот пылкий сын Африки полностью одержал победу над страстями, которые губили его самого, он написал строки, которые являются одним из величайших почтений памяти епископа Гиппона: «самый человек из всех, кто когда-либо был, — Святой Августин».

Откуда у Святого Августина была сила, позволившая ему одержать победу над страстями? Он сказал это достаточно ясно, чтобы никто не сомневался. Мы уже говорили о Паскале. Паскаль был болен настолько, что с девятнадцати лет не проходило ни одного дня без физических страданий. В этом немощном теле жила такая дерзкая и гордая душа, столь склонная погружаться в глубочайшие мысли, что она познала все муки разума. И именно Паскаль сказал, говоря о состоянии своей души: «Радость, радость, радость и слёзы радости!» Откуда у него была сила, сделавшая его победителем боли? Он написал об этом так, что это не исчезнет.

Но зачем останавливаться на знаменитых именах? Христианская вера действует слишком слабо на добро — в этом вина и стыд тех, кто её исповедует; но она действует. Узнайте, что происходит в мире — близко и далеко. Сколько искушений побеждено! Сколько жизней изменено! Сколько самоотверженности! Сколько слёз утешено! Сколько лучей света в тревогах и тьме смерти! И сколько силы — силы против боли, силы против печали, силы против тревоги, силы против искушения, сколько силы для добра — даёт и продолжает давать каждый день это одно имя, это слово из двух слогов: Иисус. Уничтожьте это имя! Если бы вы могли стереть его из памяти людей, какой траур опустился бы на землю, какой густой тучей затмила бы наш солнце! Эта туча была бы темнее той, что нависла над агонией древнего мира, потому что тьма, следующая за светом, темнее той, что была до него.

У всякой серьёзной убеждённости есть своё право, и она заслуживает уважения. Если человек, тщательно взвесив и перепроверив свои мысли, убеждён, что христианская вера сама по себе, независимо от злоупотреблений её именем, вредна, он имеет право, и даже долг, уничтожать то, что он считает губительным суеверием. Но, (говорю это не от имени личных убеждений, а от имени самых очевидных интересов человечества, от имени поддержанных слабостей, от имени утешённых скорбей) как же здесь кажется преступной поспешность! Как же здесь кажется преступной легкомыслие! Нужно быть очень твёрдым в

своих мыслях и в своих отрицаниях, чтобы с чистой совестью посвятить слово и перо разрушению веры на земле!

Но разве мы увидим лишь одну сторону вопроса и, изучая добро, исходящее из христианской веры, не добавим ли мы к этому рассмотрению и исследование тех зол, в которых её обвиняют? Берегитесь не оставить в тени эту сторону нашего предмета. Чего же упрекают? Под предлогом религии ищут богатство, власть, материальные интересы. Во имя религии применяли насилие, угнетение, практиковали деспотизм так, что все сторонники свободы были насильно загнаны в лагерь противников веры. Короче говоря, упрекают, что религия часто — это плащ, под которым скрываются дурные стремления чувственности и гордости. Это факт? Да, это факт, неоспоримый.

Откуда он берётся? Обвинять ли в этом христианскую веру? Разве брахманы Индии и жрецы Монголии никогда не искали под предлогом религии удовлетворения мало духовных интересов? Разве не религия вообще, если не христианская вера, производит эти печальные последствия? Разве все патриотизмы абсолютно чисты и никогда личные интересы не прячутся под маской общественного блага? Не слишком ли вы молоды и плохо знакомы с делами мира, чтобы не знать, что если вера имеет своих лицемеров, то политика и филантропия тоже имеют своих фарисеев? А гонения — приписываете ли вы христианской вере приказы римских императоров, желавших в крови задушить зарождающуюся церковь? В Индии проливали кровь учеников Будды — разве это вина христианской веры? И здесь нужно обвинять не христианскую веру, а религию вообще?

Интересы монархов и страсти народов создали и создают многих мучеников; проклятия Суллы не имели религиозного происхождения, а когда французский террор проливал реки крови и потоки слёз, это было не ради религии. Разве вы не видите, что перед вами страсти, которые исходят из злого сердца человека и цепляются за всё? Вы принимаете за причину зла то, что лишь служит поводом для его проявления. Страсти особенно разгораются на почве религиозных интересов из-за общего значения религии. Если преобладают социальные интересы, страсти цепляются за них; лицемерие и гонения возникают в области политики — мы это хорошо видели и ещё увидим.

Но обратимся к нашему вопросу. Ответственен ли Иисус из Назарета за зло, совершённое во имя Его? Он ли учил своим примером искать богатство и земную власть, прикрываясь небом? Вы знаете, что фанатизм проявился даже при Его жизни в лице Его учеников. Что Он сказал тем, кто хотел вызвать огонь с неба на неприветливое селение? «Вы не знаете, каким духом вы движимы». А тому, кто хотел взяться за меч ради Его защиты? «Убереги меч твой в ножны». И в другом случае: «Царствие Моё не от мира сего». У Иисуса были и есть подражатели. В течение трёх веков христиане не проливали иной крови, кроме своей, а двери тюрем открывались лишь для того, чтобы снова закрыться на них. За восемнадцать веков были и есть люди, искренне практикующие отречение от земных благ и отказ от эгоистичных стремлений.

Так я вас спрашиваю, вас, кто жалуется на зло, производимое религией: кто истинные христиане — эти люди или другие? Иисус заранее предвидел и осудил все злоупотребления, сделанные с Его словом. Нет ни одной благородной и щедрой души, выступающей против недостойного использования религии, которая бы не нашла в словах Христа поддержку. Земля видела осквернённые культы; были религиозные развраты и святые жестокости; порок, вооружённый священной властью, сошёл с бессмертного престола, и совесть Сократа была дороже Олимпа. Но в христианском мире поводом для злоупотреблений всегда будет одновременно и началом протестов против них.

В христианском мире, когда происходят печальные явления лицемерия или фанатизма, как они происходят повсеместно, можно всегда обратиться от храма к Богу, которому там поклоняются, и от священника — к Тому, чьим он служителем себя именует. Христова речь — источник, питающий почву человечества. Впитывая грязь и нечистоты этой злой человечности, источник остаётся прозрачным и чистым в своей сути. Не обвиняйте его в грязи и нечистотах, которые он несёт и очищает. Я повторяю: Иисус — величайшее Имя, Имя, которому нет равных в борьбе со злом.

Вопрос для любого внимательного и беспристрастного ума звучит так: кто же был этот человек, чьё положение столь исключительное в истории развития добра? Я задаю этот вопрос, не раскрывая его сейчас; это выйдет за рамки нашей программы и достойно отдельного рассмотрения. А теперь пора подводить итог.

Перед открытием наших собраний, по поводу их названия, я получил письмо из-за границы, написанное рукой человека с душой художника. Меня спросили: разве созерцание прекрасного и доброго не полезно, и не опасно ли слишком долго смотреть на зло? Я отвечаю: плохо смотреть на зло, и нужно отворачиваться от него, если чувствуешь слабость в его присутствии и опасаешься уступить его искушениям вместо борьбы с ним. Но зло так тесно связано с нашей жизнью, что проявляется само собой, без необходимости смотреть на него; и как сказал Паскаль: «Полезно привыкать обращать в пользу и самое зло; - оно так обыкновенно, а добро, напротив, так редко!».

Надеюсь, господа, мы не разойдемся, не научившись немного извлекать пользу из исследования проблемы зла. Подведём основные итоги нашего сегодняшнего изучения.

Добро должно быть; оно — воля Божья. Его осуществление поручено свободному творению; там, где нет свободы, не было бы добра и зла. Из существования свободного творения возникает возможность мятежа и его последствия. Бунт произошёл; человеческий род отступил от своего закона по свободному выбору, и мы страдаем из-за последствия общего падения.

Но добро или благо есть дело Всемогущего, - и у Него достанет времени для выполнения своих намерений. Источник наших разочарований, нашего отчаяния, коренится часто в нашем нетерпении; нам хочется мерить нашею ограниченною мерою пути Того, кто долготерпелив, потому что вечен.

Зло не должно существовать: - его не желает Бог. Обозначить его - значит провозгласить обязанность бороться с ним и святую надежду восторжествовать над ним. Тому, кто не захочет подвергать сомнению власть разума и значение совести, кто сохранит непоколебимую веру в доброе начало вселенной, - тому добро сияет в самом исследовании зла, - и всякие жалобы отчаяния и уныния превращаются, наконец, в светлую песнь надежды.